

Дюхтицкие беседы

Иеромонах Рафаил (Демянов)



Иеромонах Рафаил (Демьянов)

Пюхтицкие беседы

2005-2009

STAVROS

2022

*Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р20-011-0304*

**Иеромонах Рафаил (Демьянов). Пюхтицкие беседы.
2005-2009.** – Куремяэ, Эстония, 2022. – 256 с.

Подписано в печать 03.01.2022. Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 16,0. Тираж 5000 экз.

Иеромонах Рафаил (Демьянов), totserabonou@gmail.com.

Отпечатано с готового оригинал-макета в АНО «Издательско-полиграфический центр Свято-Троицкой Сергиевой Лавры», г. Сергиев Посад. Заказ № 289.

ISBN 978-9949-7213-8-2

© Иеромонах Рафаил (Демьянов), 2022.



Пюхтицкий Успенский монастырь, 23.06.2012 г.

*Ты не поймешь, что написано в этих строчках
Ты не узнаешь почерк любви,
Если не будешь стоять одиноко
В своих мыслях и чувствах тоски.*

*Любовь никогда не придет в твое сердце,
Не ощутишь ты ее теплоту,
До тех пор, пока не уйдешь на глубины
Запретных для плоти - красных огней.*

Беседа первая

Когда мы с вами собираемся, мне хочется рассказать вам, о чем болит мое сердце, о чем оно переживает и скорбит. Может, эти переживания и скорби не доходят до ваших сердец, но тем не менее я этим живу и свой внутренний мир вам открываю — рассказываю о том, какие мысли и чувства меня наполняют.

В жизни очень часто приходится сталкиваться с болезненным состоянием людей, потерявших своих близких. Да, после смерти близкого человека душа погружается в скорбь, и, когда такие чувства надолго остаются в душе, может наступить депрессия, уныние или вдруг появятся видения или голоса. Самое плохое, когда человек начинает верить этим видениям и начинает напрямую обращаться к умершим, не к Богу, а к этим усопшим, и они приходят. Бывает, они говорят, что находятся в хороших селениях: «Не трогайте нас, не беспокойте, нам хорошо», а бывает и наоборот — говорят, что все плохо, зовут куда-то и просят о помощи. Эти видения начинают давить на душу, и душа из состояния покоя переходит в состояние какой-то тревоги, беспокойства. Таким образом человек все больше и больше впадает в состояние прелести. К сожалению, приходится сталкиваться с тем, что многие священники тоже словно не видят или не понимают того, что происходит с человеком. И эти бесовские нападения толкуют о том, что они действительно от Бога, или о том, что человек просто переживает. Все, что связано с мечтательностью, мечтательной областью души, связано с дьяволом. Преп. Никодим Святогорец говорит: «Мечтательность — это мост дьявола в душу человека», поэтому всегда, когда приходят какие-то сновидения, какими бы они ни были, отвергайте. Помысел мне говорит: мы грешные люди, как бы мы ни молились, как бы мы ни были приближены к Богу, Господь не будет открывать Свою волю через сновидения, не будет утешать нашу душу через откровения во сне.

У Бога много путей, и Он может открыть свою волю другими способами, не затрагивая эту мечтательную область, не прибегая

к сновидениям, чтобы не ввергнуть человека в состояние прелести. В любом случае отвергайте это и другим говорите, что Церковь не благословляет верить снам. На людей одухотворенных, которые имеют молитву и погрузились в созерцательную область, область Божества, Бог может действовать через сновидение, но таких людей единицы. Будьте осторожны! Дьявол существует, «сатана» переводится как противник — он все время противится, противится исполнению человеком воли Божией. Если человек не будет исполнять Божию волю, то не сможет смириться, то есть не сможет приобрести то состояние, в которое может войти Бог, и его жизнь пройдет впустую. Если человек прожил жизнь, а смирения не имеет — это проблема. Если даже человек посвятил всю свою жизнь посту и молитве, что-то делал, как-то подвизался ради Христа, но волю Божию не исполнил, то он не может спастись.

Когда отец Доримедонт писал о послушании на Святой Горе Афон, у него началась полемика с отцом Сергием Рыбко, слышали? Есть такой батюшка в Москве, большой почитатель святителя Игнатия Брянчанинова; выпустил много книг о женском монашестве и других вопросов касался. Он говорит, что сейчас духовничества нет и нужно жить по Священному Писанию, по святителю Игнатию, по святым отцам и таким образом идти к Богу. Отец Доримедонт вступил в полемику с этим священником, он говорит — нет, святоотеческий путь остается и будет до конца времен. И эта схема спасения «послушник-старец» должна быть всегда. Если этой связи сейчас нет, то это не значит, что ее надо отвергнуть. Если в каких-то монастырях этой схемы нет, то есть нет такого построения спасения жизни монашествующих, это не значит, что ее вообще нет и ею нельзя жить. Послушание — это самый простой, самый легкий путь к Богу, потому что здесь от человека практически ничего не требуется. Если в монастыре система «послушник-старец» работает, то человеку, который приходит в такой монастырь, остается только вписаться в эту среду, и всё — он спасается. На Афоне такое устройство монастырей есть.

В России, к сожалению, это редкость. Даже в дореволюционный период было всего несколько монастырей, которые функционировали по схеме «старец-послушник»: как я помню, Оптина пустынь и Глинская пустынь. В таких монастырях есть преемственность. Взять Оптину пустынь: преемником старца Льва был преп. Амвросий и так далее — каждый старец имел послушника, и этот послушник после смерти духовника воспринимал дар старчества, то есть монастырь на протяжении долгого времени сохранял это преемство старчества, и спасались.

Я уже говорил и еще раз скажу: есть внутреннее послушание — очищение ума, очищение сердца, чтобы не было своих желаний и своего уместования. К этому призвано и внешнее послушание. Если внешнее послушание человека разрушает его внутренний мир, если человек начинает озлобляться, начинает унижать, оскорблять, ненавидеть своих ближних, которые трудятся вместе с ним на послушании, то он не спасается. В таком случае внешнее послушание приносит ему не пользу, а вред. Внешнее послушание без внутреннего может погубить человека, поэтому за внешним всегда должно быть послушание внутреннее. Ради внутреннего послушания — вся наша жизнь. Если его нет, то все впустую, и никому это не надо; тогда надо на производство идти или еще куда-то.

Очень часто проблемы на Афоне, в греческих монастырях, возникают среди послушников и монахов, живших какое-то время на Западе. Там духовная почва гораздо хуже, чем в самой Элладе, и люди в какой-то степени повреждаются. Их повреждение самое основное — свое мнение. Причем трения происходят именно между теми, кто жил на Западе. Начинается все с навязывания своего мнения: «Это лучше сделать так, а это — так», а потом уже пошло и поехало — поругались, и после этого никакого мира нет. Геронда увещевает, разнимает, и раздевает, и опять одевает, постригает — ничего не помогает. Греки свои, из Эллады, могут поругаться, или из Германии грек может с греком элладским поспорить, но если человек — пусть у него даже внутреннее повреждение, то есть свое мнение, — видит, что тот, с кем он

поссорился, не имеет худого помысла, не держит никакого зла на него, то он позлится-позлится и, видя, что у другого все нормально, тоже выравнивается, и опять наступают мир и любовь. А здесь, когда они поссорятся между собой, оба злятся, и если у одного что-то не получается, то у другого появляются злорадство и зложелательство — вот этот посев зла остается. Умом понимают, что плохо, что нельзя, а ничего поделать с собой не могут.

И проблема еще в другом. Геронда дает послушание — внешне они все делают, все исполняют, но при этом все события, происходящие в монастыре и в мире, прокручивают через свою голову, то есть у них свое мнение на эти события, свой взгляд. Таким образом они варятся сами в себе, и сами решают, что хорошо, что плохо. Им важно не то, что геронда говорит, а что они сами думают, поэтому они остаются при своем мнении, то есть никак не могут вкусить этого послушания. И геронда, когда нас собирал (обычно он собирал, когда какие-то события происходили, или для бесед), говорил тем, кто пришел в монастырь после 30-40 лет: смотрите на тех послушников и монахов, которые живут здесь долго, и у них учитесь. Если монастырь функционирует нормально, если в нем есть любовь и послушание, то человек, пришедший туда, учится не только от старца, он постигает монашескую науку, глядя на тех послушников, которые исполняют послушание, соприкасаясь с их внутренним послушанием, с их внутренним миром.

Я уже рассказывал и еще раз расскажу о монашеских послушаниях. Послушание *эклесиарха* (по-русски — церковника) считается тяжелым, потому что человек всегда не досыпает. Так, если служба в два часа, то ему нужно встать в час. В половине второго он уже должен звонить в колокол и зажечь все лампадки. После этого он три раза проходит с билом вокруг храма: за 15 минут — первый раз, второй раз — за 5 минут и перед самой службой. Служба заканчивается в 7.00. Ему надо все погасить, оставить только основные лампадки, убрать более или менее, и где-то в 8.00 он закрывает храм и идет спать. Ключ сдает *портаричному*, а на воротах уже другой монах заступает на дежурство. Паломники к 8 часам начинают расходиться — заходят

в портарик, кофе попьют, по кусочку лукума съедят и уходят. Если кому-то далеко идти, то дают с собой оливки и хлеб, и он тоже уходит. Когда приходят группы, портаричный открывает храм, показывает иконы, рассказывает обо всем немного.

Вернемся опять к послушанию экклесиарха: в восемь часов он идет спать, а в девять уже начинается послушание и продолжается до одиннадцати, в одиннадцать начинается молебен. Каждый день — молебен Матери Божией, не служат только в субботу и когда Всенощное бдение. Молебен длится около получаса, а в 11.30 — обеденная трапеза. После обеда все опять работают до 14.00, а потом отдыхают до службы. В 15.30 начинается вечерняя служба, после которой все идут на вторую трапезу, если же понедельник, среда или пятница, то ее нет, и после небольшого перерыва начинается повечерие с Акафистом Божией Матери. В 18.00 служба заканчивается. Экклесиарх опять убирает храм и где-то в семь идет отдыхать. В келье ему надо исполнить правило, и в восемь-девять он может ложиться спать, до часа спит — и так каждый день, он не сменяется никогда.

Там устав монастыря такой. Геронда как-то собрал всех и говорит — если закончил послушание, то идешь и помогаешь другому, то есть не можешь уйти в келью и там отдыхать, когда другой трудится. И когда братия послушание быстро закончит, и есть время, то не идет отдыхать в келии, а все равно что-то делает. Так, этот экклесиарх всегда делал геронде сок из фруктов. Заходил в трапезную и спрашивал меня: «Отец, благослови взять фартук, благослови взять ножичек» — на все всегда брал благословение. Помню, кто-то из старшей братии его смирял: взял за руку и водил по храму, говорил: «Там плохо горит, там масла мало в лампадке». Я подумал — что будет делать? А он махнул рукой — видно, что тот полез не в свое дело, но взял, снял лампадки и долил масла. Сделал все спокойно и ушел дальше заниматься своими делами. Очень смиренный, его и геронда ставил в пример — он никогда не бывал раздраженным. Великим постом все ковровое покрытие из храма вытаскивают, из брандспойта водой моют, швабрами мыльную воду убирают и после это свора-

чивают и на плечах на 3 этаж несут на перилах балкона развесить. В пост ешь один раз в день, сил нет никаких, и такую работу выполнять очень тяжело.

Хочу еще рассказать об искушениях, которые бывают на Афоне. В основном они внутренние и происходят из-за того, что послушник принимает вражий помысл, внешних искушений практически нет. Один брат ходил к геронде, и очень был душой к нему привязан. У этого брата, помимо основных послушаний, было еще послушание в библиотеке, туда поступали современные издания, не только православные, но почему-то и зилотские. Он эту литературу тоже просматривал и идеями зилотизма увлекся. А геронда, в свою очередь, был в хороших отношениях с патриархом Варфоломеем. И вот этого брата стал мучить помысл: у нас в монастыре все не так, мы отступили от православия, и вся истина только в зилотизме; геронда хочет стать епископом и налаживает отношения с Константинопольским патриархом, чтобы в дальнейшем сделать себе карьеру архиерея. Все эти мысли он излагает в письме и оставляет его геронде. Стал он очень раздраженным и однажды в таком нервном состоянии подходит к протоигумену (первый после игумена), бросает ключи от храма на стол и говорит: «Все, я больше не могу, я ухожу». И в чем был, без вещей, без документов ушел скитаться по Горе.

Геронда в это время был в Константинополе. На следующий день он приезжает, и ему говорят: «Ушел и письмо оставил». Во время трапезы геронда (у него сахарный диабет) переживает, волнуется и говорит: «Ну вот, оставил письмо. Пишет, что я готовлюсь к епископству, что меня Патриарх так любит и я угодничаю перед ним. Откуда что взял?». Дней пять его не было, и братья говорят: «Ну что, пойдём искать его?». В пятницу вдруг звонок — мобильный телефон есть у геронды и эконома. Звонит один келиот с вершины Афона и говорит: «Тут ваш монах обитает. Мы ночью послужили, завтра на корабль, возьмем его с собой и приедем». Геронда: «Хорошо, будем ждать». Вечерняя служба закончилась, трапеза закончилась. На Афоне первым после трапезы выходит старший — геронда — выходит, становится и руку

благословляющую держит, а братия выходят, кланяются и проходят, сначала — старшие, потом — по нисходящей. И этот батюшка-келиот с нашим братом как раз приехали. Братия вышли, столпились. Геронда поворачивается, и он идет: «Геронда, прости меня», упал в ноги. Геронда поднимает его, а он все плачет, опять в ноги падает. Братия заплакали все — вернулся. Геронда его в охапку взял, привел в трапезную, посадил и говорит мне: «Отец Рафаил, давай, неси что-нибудь, покормить его надо». Он стал есть и наесться не может — все ест, ест, ест, и наговориться никак не наговорится. Все говорит, говорит, уже никого нет, а он все рассказывает свою историю.

Из монастыря как вышел, сразу с головой что-то — хлоп, как ум отнялся. Он направился на вершину, у подножия Афона разделся полностью, как Адам, тропы не знал и полез по кустам. А до Горы, если без дорог, без троп идти, то где-то двое суток. Он ни разу на вершине не бывал, хоть и прожил лет 20 на Афоне. Он как пришел в монастырь, так больше нигде и не был, может, только в ближайшие монастыри на престольные праздники ездил, а так нигде не бывал. Дорог не знает, видит только — вершина, и пошел. Получил солнечный ожог, сильный, и все тело поранил о кусты, но самое большее, что он испытал, — это жажда. Дня четыре он был без еды. Ест, рассказывает, и все ожоги показывает, плечи поцарапанные: «Вот, отец, смотри». Он как вышел на Панагию — храм стоит на высоте полутора тысяч метров — там есть колодец, он припал к этому колодезю и все повторял: «Нэраки, нэраки (водичка, водичка)». Попил и полез на вершину, до нее 2033 метра по скалам, там тропа есть — в принципе дойти легко. А вскоре и батюшка-келиот туда пришел, накормили его, тогда уже полегче ему стало, спустились вместе, а потом — на корабль и в монастырь. Наверное, с неделю этот брат был еще словно немного помешанный. Геронда сказал, чтобы после трапезы его еще подкармливали и витамины ему выдавали. И вот он кушает и разговаривает — неделю вот так отъедался, спал, витаминчики ел. Вот такой случай. На Афоне эти духовные законы действуют на все сто процентов. Чуть погода, он уже пришел в себя, во время

ночной службы сидели мы в стасидиях и молились, а он подошел к геронде и начал ему что-то говорить — геронда как закричит. Видимо, мысли прозилотские остались, сразу они не уйдут. Эти мысли его еще долго беспокоили, но месяца через три-четыре все улеглось, и он успокоился. Вот так через помыслы и доверие к ним человек входит в состояние прелести и повреждается.

На Афоне есть большой монастырь Эсфигмен, у них около 120 человек: 70 человек в монастыре, а остальные по кельям живут. Зилотов сразу видно, их внутренний мир отражается вовне: чувство своей правоты и превосходства над «заблудшими» делает их немножко неряшливыми и горделивыми, хотя люди они в общем-то хорошие. Я заходил как-то в Эсфигмен и был у них на трапезе. Сел я с краю стола, рядом со мной сидел полный и здоровый монах-зилот. Сладкое принесли, и он мне свое угощение отдал. Греки сами по себе добрые, гостеприимные — накормят, напоят. Трапеза кончилась, стоят все, молятся, и игумен впереди. Трапезная такая обшарпанная, и тут коты, четверо или пятеро, крадутся в трапезную. Рыжий кот — прямо внутрь, а трапезарь увидел, схватил его за шиворот и на улицу. Молитва закончилась, игумен вышел и поднял руку для благословения.

Расскажу еще одну историю. Послушник с Валаама туда приехал, лет ему за сорок было. Приехал сначала в Сербский монастырь, в Хиландар, который находится рядом с Эсфигменом. Его там приняли, месяц он пожил, а потом ему говорят: «Простите, у вас виза закончилась, надо документы оформлять». В другие монастыри тоже не берут. А в Эсфигмен пришел: «О, оставайся, нам такие нужны». Он там и остался. Спрашивают его: «Ты зилотист?» — «Да, я буду зилотистом». Его перекрестили и миропомазали заново. Там есть своего рода школа, они каждый день вспоминают «отступление» патриарха Варфоломея. По-гречески он не понимает, но они все равно ему знаками говорят, картинки показывают и прочее. Каждый день твердят: «Патриарх такой-сякой». Он особо не понимает, но старается вникнуть. Два года прожил, постригли его в иночество, стал он монахом Феодосием. Как-то русские в Эсфигмен заходили, они беседова-

ли, и у него появились мысли, что что-то тут не так, неправильно. Он — к игумену. Там прежде был игумен Евфимий, он умер, и выбрали нового — Мефодия. И вот о. Феодосий пришел и сказал: «Геронда, что-то не идет мне зилотизм». Тот — ему: «Отец Феодосий, крепи православие». — «Благословите». Он походит недельку и опять: «Геронда, что-то мне мысль про зилотизм не нравится». — «Отец Феодосий, крепи православие». Потом он: «Геронда, благословите, пойду я маленьчко отдохну от этой жизни. После Пасхи отпустите меня на Карули, проживу там один, подумаю, успокоюсь». — «Ну ладно, иди». Отпустили его.

Пришел он на Карули. На внутренней Каруле есть Серафимовская келья. А чтобы на внутреннюю Карулю попасть, нужно с внешней Карули выйти в одном месте на замаскированную тропу — она идет через двор одной из келий и спускается в ущелье, а там уже по цепям спускаться к отвесной скале. К ней прибита проволока, и получается, что с одной стороны — отвесная скала, небольшая тропочка, а с другой — обрыв в море. Тропочка заканчивается, и для спуска по скалам установлены две деревянные лестницы, по которым спускаются во внутреннюю Карулю. Внутренняя Каруля — это небольшая площадка среди скал, там келии, кусочки земли, церквушка, там и Серафимовская келия. Она находится в самом конце внутренней Карули, нужно идти через Георгиевскую келью — она русская, черепа русских монахов там остались. Если ее пройти, то попадаешь в пещеру из какой-то красной породы, которая выходит прямо к морю. Над этим местом балкончик сделан, половина кельи находится в этой пещере, а половина висит над водой. Крыши там нет, обветшала, он из досок нары себе сделал, ложился спать, не снимая башмаков и не раздеваясь, — подвижничал так. Так он жил один, и от этой прелести стали приходить ему мысли о самоубийстве — броситься с этой скалы. Когда они накатывали на него, он цеплялся обеими руками за балку келии и бежал внутрь пещеры. Там у него кухня была, он готовил чай и успокаивался. Затем садился на кораблик и плыл к отцу Рафаилу (Берестову).

Отец Рафаил тогда жил в Зографской келии апостола Иоанна Богослова. Придет к нему, поисповедуется, месяц живет. Потом

опять эти мысли одолевают, он опять трясется и опять едет к отцу Рафаилу. Игумен Эсфигменский понял, что он отошел от зилотов, и запретил ему приступать к таинству Св. Причастия. Но этот запрет был не действителен — он вернулся в лоно Православной церкви. Потом ходил он как-то к о. Иоакиму в Пантелеимонов монастырь. Пришел к нему: «Так и так, мысли замучили, зилотизм в голове», а отец Иоаким ему говорит: «Дорогой мой, сколько ты в зилотизме был, в этой ереси находился, сколько всего там слышал в этом прелестном состоянии, а теперь надо наоборот — все эти дни назад раскручивать, до нуля прийти, чтобы тебе в нормальное состояние прийти». — «Как же так, отец, я столько на Афоне был, столько подвизался, столько трудился!» — «Нет, все это тебе было в минус». Тогда о. Феодосий еще немножко пожил на Каруях, а потом в Русский монастырь перешел, жил там тайно на келии, а затем в конце концов в Россию на Валаам подался, а сейчас где-то в Иерусалиме бродит. Вот такая жизнь. Бывают моменты, когда человек принимает какой-то помысел от дьявола, доверяется, а потом уже происходит само повреждение. Останавливается он только тогда, когда приходит недоверие, и тогда начинается процесс освобождения, но он труден и тернист — враг просто так свое не отдает.

Хочу рассказать еще об одном случае, когда человек доверился своим помыслам. У нас в Кутлумуше монах был — в детстве у него была травма головы, и он постоянно пил таблетки. Много лет он подвизался в монастыре, ему за пятьдесят было, хороший такой, добрый был, в Россию приезжал. И тут к нему мысль пришла: «Столько лет ты уже таблетки пьешь, хватит, ты уже здоров, больше не пей». И он перестал их пить. Геронда как раз уехал, а у него начались проблемы с головой. Стал он как потерянный, страх появился. Во время вечерней службы я молился около окна в храме, гляжу — он потихоньку крадется вдоль стены и бегом за ограду. Куда, зачем — неизвестно. Геронда вернулся, ему рассказали об этом событии. Вещи все его остались. Месяц, два, три его нет, полгода нет. Подали заявление в полицию. Через полгода в мае месяце его нашли около Иверона в заброшенной келии. Он был мертв,

уже полуистлел. Полиция приехала к нам в монастырь, взяли двух братьев на опознание и повезли их на освидетельствование. Приехали, узнали: «Да, наш». Борода осталась, одежда и фрагменты кожи. В одеяло завернули и привезли в монастырь, отпевали. На Афоне в монастыре могилы уже готовы, ниши кирпичные сделаны, если кто-то умирает, то предыдущие косточки откапывают, моют в тазике с вином и эфирными маслами и кладут в усыпальницу. Место освободили, этого монаха положили и сверху досками закрыли, в течение трех лет тело истлевает полностью. Геронда после этого всю братию собрал и сказал: «Отец был хорошим монахом, послушание у него было, но смерть плохая. И где он, что он, не знаю». После сорока дней была панихида, и игумен благословил хорошую трапезу и помин. Вот так.

На Афоне известно много подобных случаев, там любой Непринятый неправильный помысел приводит к прелести, и дьявол так просто не оставляет. В Агио Павла, в монастыре, где хранятся дары волхвов, геронда святой жизни и братия хорошая. И вот пришел к ним как-то послушник, его будильщиком назначили — послушание у него было братию будить. В корпусах коридор длинный и кельи с обеих сторон. Он ходит и стучится в двери с молитвой: «Кириэ Иису Христэ, элейсон мэ», что значит «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». А оттуда отвечают: «Аминь». Так он всегда ходил, и вот однажды к келье старца подошел и так же прочитал молитву — старец молчит. Он опять стучит — тот молчит; тогда послушник кулаком стал в дверь бить, потом ногой — тот молчит. Перестал молитву читать, только кулаком стучит: «Геронда, пес аминь! Геронда, пес аминь!», что значит «Геронда, скажи: аминь!». Все уже на этот стук в коридор вышли, смотрят, что будет. И вот дверь открывается, и старец ему: «Ах ты, такой-сякой! Иди отсюда! Чтоб я тебя не видел!». Бывает, что люди приходят в монастырь уже с поврежденным помыслом, и понятия о послушании совсем нет, только своя воля, свое упрямство. Вскоре этот послушник из монастыря ушел.

Там же года три назад жил бесноватый послушник. Как-то зашел этот послушник в храм, и у него началось беснование —

стал он что-то кричать, стасидии трясти. Все испугались, старцы разбежались, остались только певец и служащий священник, геронда в это время на материк уехал. Псалтись (певец) поет, а батюшка в алтаре сидит. Остальные кто — куда. Все боятся к нему подойти, и он творил там, что хотел. Геронда приехал. Ну что делать? Надо лечить. Его повязали, скрутили и в Фессалоники отправили. Бывает, и так дьявол себя являет.

Рассказывали, что в этом же монастыре, за год до меня, один хороший монах, который лет двадцать в монастыре прожил, схимник, в один момент — хлоп, собрал вещички и уехал, а было ему за пятьдесят уже. Враг не дремлет, и сколько бы человек в монастыре ни прожил, не перестанет его искушать.

Знаю еще о послушнике Андрее, русском, он из Москвы. Играл там на пианино в ресторанах, кутилой был. Потом покался и в семидесятых годах пришел на Афон, на Карули. Старец Александр был тогда еще жив, и Андрей был у него послушником. Хотел подвижничать, а старец ему не давал. Он все на старца роптал: «Вот он все меня смиряет, я хочу подвизаться, а он есть заставляет или работать». Вскоре старец умер, похоронили его, и Андрей стал жить один. Жил он в Иверской келии, на внутренней Карули. Три месяца его не было видно, и вдруг увидел отец Стефан (это он рассказывал) Андрея, идущего по тропе вверх. Он ему: «Андрей, Андрей», а тот от него бежать; отец Стефан — за ним, кричит отцам из соседних келий: «Лови его, лови». Он понял, что тот повредился. Отцы из верхних келий выбежали и поймали его, видят — Андрей не в своем уме. Связали его, как могли, накормили. Но что с ним делать? На Карули ему нельзя — там тяжелая жизнь, и никто его не удержит, не справится. Привезли его в Кариес, и одна греческая келья в честь апостолов Петра и Павла взяла его, она недалеко от монастыря Кутлумуш. Положили его в кровать, и он, безумный, там так и лежал.

Три года лежал, а через три года в сознание вдруг пришел и сразу попросил: «Позовите батюшку». Позвали священника, он пришел, и Андрей обо всем ему рассказал. Когда он остался без старца, то стал усиленно поститься и молиться. И вот однажды

ночью, когда молился, увидел он Христа в огненном виде и упал ему в ноги. Вдруг видит, что у него вместо ног копыта, глаза поднимает — и тело в дьявола преобразается, становится дымкой и через рот начинает в него входить. После этого он обезумел, как по цепям вылез на тропу, не помнит. Поисповедовался он в своей прелести, причастился и умер. Вот так через своеволие даже в подвигах люди повреждаются. Это вы должны знать.

Когда человек становится христианином, он становится воином, вступает в борьбу с дьяволом и побеждает его смирением. Преподобный Исаак Сирин говорил: «Человек будет осужден не за то, что не молился, не постился, а за то, что жил с дьяволом». Состояние прелести — это и есть жизнь с дьяволом, а корень этой жизни — в своеволии и самомнении, то есть в непослушании и мечтательности. Существует грань, на которой человек живет еще по-Божьи, но переступив ее, начинает уже жить с дьяволом. Это тот момент, когда он реальный мир ощущает еще правильно, когда гордость и страсти для него грех и душа их отторгает, а если он переступает эту границу, то гордость и страсти становятся для него жизнью и «раем». Человек переходит в другое состояние, это и есть жизнь с дьяволом. Эти состояния нужно знать, нужно чувствовать, когда ты проходишь эту границу, когда жизнь с Богом кончается и начинается жизнь с дьяволом. Переходить границу между этими областями можно множество раз, главное, чтобы душа тянулась к любви, в область Божества. Святитель Игнатий Брянчанинов говорит: «Вы должны запоминать те состояния души, которые испытываете», то есть нужно быть опытным человеком, нужно пройти школу жизни, только тогда научишься жить, отсекал зло и приобретать добро.

Сейчас, когда мы пришли к Богу, мы приблизились к исполнению второй заповеди — любви к ближнему. Преп. Марк Подвижник говорит, что любовь к ближним — это «безраздражительное» состояние. Если человек приобрел это состояние души, значит, он имеет в душе любовь. Если же есть раздражение, то заповедь не исполнена. Святой апостол Иоанн Богослов говорит, что если человек исполнит вторую заповедь, то сможет ис-

полнить и первую: будет любовь к ближнему — будет и любовь к Богу. Поэтому и мы, когда приходим в монастырь, начинаем притираться друг к другу — у каждого своя душа, свое мнение, свои чувства — и, принимая человека таким, каков он есть, начинаем носить немощи друг друга и покрывать их. Мы должны осознавать, что рядом другой человек, он воспринимает мир совсем иначе, и снисходить к нему, любить его и никогда не строить по своим меркам. И только когда мы приобретем любовь к своим ближним, наша душа сможет творить молитву, только тогда она войдет в область Божества и больше не будет из нее выходить. Но молитва не пойдет у человека, если он не пройдет этот искус в своей жизни, если у него не будет любви к ближнему. Душа должна пройти этот путь притирки, эту мясорубку жизни. Если у нас есть нелюбовь к своим ближним, то это большая проблема не только с этим человеком, это проблема с Богом, и тогда наша жизнь проходит напрасно — мы впустую проживаем свои дни.

Если мы хотим молиться, если мы хотим любить Бога, то сначала мы должны научиться любить своего ближнего, и наоборот — если мы будем молиться, но при этом ненавидеть ближнего, то можем повредиться, потому что при этом идет возрастание своего «я» — вот, мол, какой я молитвенник, а любовь идет на спад. Нужны одновременно и молитва, и любовь к ближнему, тогда растет и любовь к Богу, но без любви к человеку говорить о каком-то преуспейнии в духовной жизни неправильно.

— *Как научиться любить-то?*

— Когда научишься не вмешиваться в дела других сестер, тогда и научишься любить.

— *А если не всех любишь?*

— Если хочешь называться дочерью Божией, будешь любить всех, а если ты любишь всех, а одного не любишь, ты не в полноте любви.

— *Но я не могу любить человека, если он делает мне плохо. Ну так и что, буду жить с этой проблемой?*

— Если хочешь от этого освободиться, то будешь трудиться над этим, потому что иначе твою молитву Бог не примет: все твои подвиги — молитва, труд, причастие, исповедь — будут впустую.

— *Теоретически-то понятно...*

— Хорошо, тогда думай, как тебе исправиться — не сестру исправить, а себя.

— *А любви-то все равно нет...*

— Сначала молиться, начать с молитвы, с желания быть с Богом. Вот ты пришла и говоришь: «Батюшка, у меня такая проблема». Я тебя спрашиваю: «А что ты сделала, чтобы разрушить зло, которое в тебе есть?», а в ответ — тишина. Все-таки ты должна прилагать хоть какие-то усилия. Если ты хочешь это плохое состояние разрушить, если хочешь любить, ты будешь что-то делать, хоть поклончик, хоть в сердце своем просить: «Господи, по молитвам такой-то сестры спаси меня, грешную». Или произноси такую молитву: «Господи, дай мне любви к сестре такой-то, чтоб любить ее, как Ты ее любишь», то есть проси той любви, которую Бог имеет к ней. Бог не может не любить, даже самых последних Бог любит. Если ты дочь Божия, то будешь просить ту же любовь, которую имеет Бог.

В Нагорной проповеди сказано: «Любите врагов ваших» (Мф. 5:44). Вот преподобный Силуан Афонский хорошо понимал, какая любовь Божия, а какая — человеческая. Человеческая любовь — это что? Тебе хорошо делают, тебя любят, и ты любишь. А любовь Божия — это полюбить тех, кто тебя не любит, понимаешь? Даже если нет у меня любви, но я хочу полюбить тех, кто ко мне зол, я буду делать все, чтобы полюбить их. Господь сказал: «Я пришел сделать вас свободными» (Ин. 8:32), и свобода Христова в том, что человек может управлять своими чувствами и становится тем, кем хочет быть. Сам я говорю себе: «Я люблю», и значит люблю.

Да, это совершенство, это дар Божий, но к такому пониманию свободы мы должны стремиться, и без Христа мы ее не приобретем. Я должен своими чувствами управлять, а не они — мной, понимаешь? Старайся делать любовь и не делать зло. И еще один момент — пока мы не достигнем свободы Христовой, в свои чувства верить нельзя, не надо им доверять, не надо по ним жить. Когда человек начинает жить по своим еще плотским чувствам и

доверяет им, то он обманется и вместо Бога обретет дьявола. Проблема в том, что когда-то ты принял какой-то помысел, какое-то чувство, после этого накрутился ком неправильного восприятия происходящего, и ты уже зацепился за дьявола — он тебя держит за это, этот ком начинает расти, и он никогда не остановится. Дьявол, если кого поймал, уже не отпустит. Все наркоманы, если они не бросают наркотики, погибают или от передозировки, или еще от чего-то, то есть это дьявол и с ним шутить нельзя. И вот этот ком идет, его никак не остановить, и поможет только смирение, вопль к Богу: «Господи, спаси, я погибаю!». Тогда этот ком остановится, и после этого этот ком нужно раскручивать назад. Сколько времени — год, два, десять — это длилось, накапливалось, теперь это время нужно повернуть назад.

— *А если жизни не хватит, батюшка?*

— Господь спасет за сердце. Где будет твое сердце, там и душа твоя будет. Если ты озлоблялась и желала этого, делала это, будешь в аду. Если у тебя было озлобление, но ты не хотела, ты ненавидела это состояние, боролась с этим всей душой, будешь в раю. Для Бога очень важно произволение, по нему и определяется место человека на Небе. Потому так и получается: монах жил всю свою жизнь в монастыре, а после глядь — в раю его нет. Где же он? А он в аду. За что? Да вот проблема — злоба.

Злоба становится и препятствием к принятию Святых Христовых Таин. В Евангелии есть слова: «Если ты пришел в храм и не примирился со своим ближним, оставь свой дар, вернись, примиришься и тогда приходи» (Мф. 5:23-24). Злоба уподобляет человека дьяволу, состояние души становится сходным с дьявольским. А Бог смирен, и те, у кого сердце смиренное и кроткое, уподобляются Христу. Ни один помысел, ни один грех, ни одна прелесть не может быть разрушена, если душа не смирится. Покаяние что есть? Это обретение смирения, это постижение закона любви — себя обвини, других оправдай. Если этот закон любви нарушается, то человек не спасется. Раз, два нарушил, а после душа уже не функционирует нормально. Если человек все время себя оправдывает, а других обвиняет, он повреждается.

— *Батюшка, бывает такое, человек не хочет себя обвинять.*

— Да, бывает, человек возгордится, чувство своего «я» зашкаливает, и от этого всплеск эмоций, обид. Но когда он успокоится и придет в себя, то почувствует что-то не то и будет искать мира в уме и сердце. Бывает, тебя действительно обидели, сделали тебе зло, и ты на это обиделся. Что тогда происходит? Ты принимаешь враждебный помысел на человека, и в сердце входят осуждение и зло. Происшедшее снаружи через потерю мира в тебе входит внутрь тебя. Когда ты нарушаешь закон «себя обвини, других оправдай», зло входит внутрь тебя. Ситуация прошла, время прошло, но это зло осталось в тебе.

Когда душа начинает исполнять закон любви, тогда сначала трудно, тяжело, но потом это входит в естество человека: ну, сделали тебе плохо — или оправдал другого, или мимо ушей пропустил, и все, то есть человек становится простым, потому что душа по своей природе проста и Бог по природе Своей прост. И мы в этой простоте уподобляемся Ему. Если в человеке есть какие-то умствования, то они не от Бога, потому что в этом нет простоты, нет той любви, которую Бог дал человеку.

— *Бывают сложности на послушании: надо готовить, а каких-то продуктов не хватает и на складе их нет, тогда начинаем переживать, прямо руки опускаются.*

— Тогда готовь кашу из топора, и все.

— *Так это в сказке...*

— Ничего, готовь из того, что есть. Главное — не бойтесь, что вас ругать будут, но в то же время будьте готовы к выговорам и скорбям.

— *А скажут: «Почему ты не сделала так, как надо?»*

— У святых отцов сказано: когда ты находишься в нормальном состоянии и у тебя вся хорошо, всегда будь готов к тому, что будет плохо. Тогда никаких проблем не будет. А преподобный Исаак Сирийский пишет: одно дело, когда человек получает венцы от своих добродетелей, и другое — это большой венец — когда пострадал за Христа, когда терпит поношения. И святые отцы, когда они восходили по ступенькам, когда совершали какие-то подвиги, чувствовали эту благодать и просили у Бога пострадать за Него, по-

терпеть какие-то поношения. Поэтому и здесь, если ты сам не хочешь этого, но получается так, то ты за Христа страдаешь.

— *Как мученики?*

— Да, это действительно так, но все зависит от помысла. Если тебя ругают и ты озлобляешься, ты отступил от Бога; если тебя хвалят и ты тщеславишься, тоже отступил. Помысел должен быть чист, бесстрастен к тем искушениям, которые приходят извне, но для этого нужно постоянно находиться в трезвении.

— *Но ведь ты постоянно имеешь свое мнение о любом событии?*

— Мать Афанасия, человек придет к чистому помыслу тогда, когда начнет исполнять вот этот закон любви — себя обвинять, а других оправдывать. Человеку тяжело, но когда это входит в привычку, это становится нормой, добрым расположением сердца. Когда мы пришли в монастырь, то каждый день ходили на исповедь к о. Кириллу, о. Косме и другим духовникам и большую пользу получали даже не от того, что исповедовали свои грехи и помыслы, а от того, что перенимали их святоотеческий дух. Здесь, в монастыре, и от матушки, и от старших сестер можно перенять этот дух православия и научиться закону любви. Наша душа неглупая, она может это вместить, главное, чтобы вы сами этого хотели.

Душа научается исполнению закона любви двумя путями: заимствованием святоотеческого духа у старших сестер и через покаяние, работу над собой. Покаяние — это изменение внутреннего состояния, не просто сказал: «Согрешил», нет, это изменение души человека. У святителя Феофана Затворника есть такие слова: «Господи, никогда не буду грешить, хотя бы умереть пришлось, только спаси и помилуй!», то есть человек в покаянии приближается к таинству смерти — он как бы умирает, его эгоизм, его «я» умирают, и тогда рождается новый человек. Когда человек выходит из этого ада души, из этого низа, то воскресает, и у него появляется новый помысел — помысел смирения.

Таинство смерти в каком-то смысле присутствует во всех церковных таинствах, и это соприкосновение со смертью, с состоянием небытия должна пережить наша душа. Мы живем с

Богом, соприкасаемся с благодатью Божией и ощущаем Тот потусторонний мир не когда умираем, а здесь, на земле, умирая для греха. Когда в этой ломке человек смиряется, Бог ему может помочь; от этого рождается вопль души: «Господи, помоги!». Когда у бизнесмена все рушится, валится, то он молится Богу, свечки ставит, но помогает ему Бог, когда он смирится, осознает свои грехи, когда его душа перевернется и скажет: «Я заслужила это за грехи». Вот тогда Бог поможет, и главный Его дар — Он даст Себя Самого, а потом уже все, что нужно для тела.

Приходят на исповедь торговцы наркотиками — сами они наркотики не употребляют, но будут наказаны обязательно. Если они ко Христу обратились, если Бог будет их спасать, они будут наказаны за этот грех, ведь столько чужих слез на их совести, столько проклятий брошено в их сторону. И здесь должно происходить изменение их душ — это и есть покаяние. Человек должен отказаться от этих легких денег, ломать себя, чтобы опять не встать на эту стезю. И так каждому нужно делать усилие над собой, чтобы измениться и избавиться от злобной привычки. Наркоман во время ломки терпит боль во всем теле, вот и во время формирования души человеку очень больно, это постоянное нервное напряжение. Бывает, что послушники приходят в монастырь и начинают болеть. Нам старец один говорил: «Да, это нормальное состояние, так как меняется жизнь, питание, все». Действительно, человек начинает жить по-другому: то, что ему было позволено в миру, здесь приходится ограничивать и одергивать себя всегда. От нервного напряжения появляются и физические болезни. Это все нормально, так должно быть.

— *Батюшка, я у старца Паусия прочитала такой совет. Если тебя обидели и человек искренне просит прощения, прости его из любви к ближнему. Если же у тебя лукаво просят прощения, ради целей каких-то, и вред душе от человека идет, то люби его, но издалека. А если зла на человека не держишь, но и любви к нему не испытываешь, такое вообще позволительно?*

— Все зависит от твоего состояния: если ты во младенчестве в христианстве, то это состояние спасительное и нужное, а если

будешь оставаться в этом состоянии на протяжении всей своей жизни, это пагубно.

— *А издалека любить — это как?*

— Это когда ты к человеку относишься хорошо, но в свою душу его не впускаешь, некое равнодушие. Когда преподобный Силуан Афонский высокого духовного состояния достиг, он любил всех и молился за весь мир, то есть я хочу сказать, что человек должен развиваться. На одном месте не оставайтесь. Если остался на одной ступеньке, задержался на ней, духовная жизнь этого не терпит — будет движение назад.

— *Если люди делали какое-то зло, например, фашисты, и даже на людей были не похожи, как же их любить можно? Разве что жалеть.*

— Когда по Минску вели немецких военнопленных, то бабушки выбегали и этим немцам хлебушка давали, картошечки. Те не поймут, что там, что им дают, а потом, когда раскрывали эти кулечки, начинали плакать. Те бабушки потеряли свои семьи, своих родных, близких, но у них была любовь, и они немцам последнее отдавали. Вот это и есть любовь Божия. Понимаете? Все можно раскрыть, написать, рассказать, но Бога познать можно только сердцем, только душой, только опытное познание Бога может подвигнуть человека на такие поступки. И другой его не поймет, если сам не достигнет такого состояния. Это касается всего: и любви к врагам, и молитвы, и созерцания, всего-всего.

Бывает, приходят люди на исповедь, говоришь им о каком-то созерцании, о том, что любить надо, а в ответ: «Ты что, батюшка? Я вон как живу, это для меня высоко». И они правы. Сначала человеку нужно исполнять хотя бы внешние законы, а потом уже начинать очищать свое сердце. А с монашествующих спросится больше, потому что мы свою жизнь посвятили служению Богу, чтобы обрести любовь к Богу и к людям во всей полноте. Но порой, казалось бы, человек отрекся от всего — не имеет семьи, не имеет детей, не имеет дома, ничего у него нет, но дьявол улавливает его в мелочах, и человек заземляется, становится равнодушным к духовной жизни.

— Батюшка, как в наше время воцерковиться и спастись? Такое чувство, что ты один, опереться не на кого и не знаешь, спасешься или нет.

— Воцерковленный человек — это тот, кто чувствует дух Божий, Его волю. Даже читаешь иногда какую-то книгу и чувствуешь — в ней что-то не то, объяснить не можешь, но чувствуешь какую-то ложь. Или же какое-то событие — видение, мироточение или еще что-то — дух сам определяет, где подвох, а где его нет и все правильно и свято. Дух любви, дух Божий нужно в себе беречь, а сберечь его можно только смирением и кротостью. И спасение возможно, пусть трудно, тяжело и искушений много, но это осуществимо.

Помните, у старца Анатолия младшего Оптинского видение было? Видел он Церковный корабль, который был разбит, и осколки от него разнесло по поверхности воды. У него тогда промелькнула мысль — все, Церковь погибла, а ему глас был: «И на этих обломках возможно спасение». Вот и мы в своей жизни чувствуем, что спасаемся на этих обломках. Церковный корабль — та схема духовных отношений и связей — разрушен, и восстановить его сейчас практически, наверное, невозможно, поэтому так много проблем и в монастырях, и в миру. Тем не менее для нашего спасения Господь все дает.

— Многие думают, что монастырь — это романтика, и чем дольше живешь, тем интереснее.

— Когда романтика заканчивается, тогда и начинается жизнь, и это как раз самое трудное.

— Но как бы тяжело ни было, уходить в мир не хочется, там другая жизнь.

Я сейчас хочу сказать немного о другом. Прежде, до революции, когда монастыри функционировали нормально, когда ничего не было разрушено, монастыри выполняли и воспитательные функции, туда приходили даже подростки. Сейчас монастыри рассчитаны на то, что человек приходит уже сформированный, то есть должна быть уже христианская и даже в какой-то степени монашеская закваска в сердце и человек дол-

жен быть готов терпеть все. Так по идее должно быть. Каждое поколение монашествующих имеет свои искушения, проходит свой иску, но общее испытание для всех — когда различными искушениями подвергается искусу наша вера в Бога. Да, именно вера, потому что только с верой человек может целеустремленно пройти весь монашеский путь и не ослабеть.

А вера закаляется чем? Терпением и скорбями. В армию в 18 лет уходили еще мальчиками, а возвращались мужчинами. Человек, проходя через горнило злобы и скорбей, мужает. Так и в монастыре, проходя через трудности, послушник становится монахом. Самое главное для нас — как эти трудности, эти искушения воспринимать. Когда же человек проходит этот путь, первое, чему он научается, — это терпению, а после уже и любви, и смирению, и всему остальному. Без терпения не будет никаких других добродетелей, потому что в терпении совершается промысл Божий о человеке, и волю Божию человек никогда не исполнит, если не будет терпеть. Если он терпит, то сохраняет свой добрый помысел, доброе сердце и душа его совершенствуется. Допустим, поселить человека с тем, с кем он не хочет жить. Если он перетерпит это, то душа его будет формироваться в любви и станет более мужественной.

— *Батюшка, мне Господь в течение многих лет посылает искушения с одним и тем же человеком. Сколько мне его еще терпеть?*

— А без терпения ничего не получится, ничего. Нужно терпеть, даже если это будет длиться до конца твоих дней.

— *Батюшка, а есть случаи, когда не надо терпеть?*

— Если у человека помысел повреждается, то терпение словно в минус идет и разрушает. Есть какой-то предел терпению. Смотрите: Бог дает все по силам, всегда нужно что-то терпеть, пусть день, два, год, но терпеть нужно, сразу не отказываться. Если ты смиряешь свой помысел, свои чувства и хватает тебя на месяц, а потом чувствуешь, что не выдержишь, пошло озлобление, стал раздражаться, то душа от этого начинает ломаться. Вот здесь уже терпеть не надо.

— *А что надо делать?*

— Менять ситуацию.

— *Но как?*

— По-Божьи и по-человечески: молись, иди к игумении, что хочешь делай, но меняй, потому что иначе ты духовно повредишься.

— *Да, можно так натерпеться, что потом и сон потеряешь, и в больницу попадешь.*

— Да, действительно, есть такие случаи неправильного понимания терпения. Сколько с Афона отправили тех, кто повредился умом от физических и психологических перегрузок. Здесь нужно говорить духовнику и настоятелю, если не будем услышаны, то нужно уходить в другой монастырь с более щадящим уставом. Не нужно стесняться и настраивать себя лжеправильными помыслами, потому что, если повредишься, тебе скажут: «Ты сам виноват. Почему молчал?»

Еще раз повторюсь — терпение терпению рознь. Надо терпеть — терпи, это воля Божия. Если чувствуешь, что силы есть терпеть, терпи. Когда же терпение начинает разрушаться, не можешь — все. Не когда у тебя помысел появляется плохой и озлобление идет, нет, а когда психика уже не выдерживает, нервозность появляется, вот тогда нужно менять. Если же плохой помысел появляется от неправильного устройства души, то нетерпение только вскрывает язвы твоей души. Многие в большей или меньшей степени находятся в прелести, поэтому, может, и не зря в монастырях послушников отправляют на скотный двор. Физический труд помогает очистить помысел и в то же время не дает новонаначальному уйти глубоко в себя.

— *Очень трудно определить границу, до чего можно доходить, а до чего нельзя, где еще терпеть, а где уже не надо.*

— Поэтому я вам и говорю: ничего не держите в себе. Если чувствуете, что мир теряете в душе, то не молчите — духовнику, игумении все открывайте.

— *Бывает, на послушании некоторые сестры создают нездоровую обстановку. Как поступить: мужественно все это терпеть или пожаловаться?*

— Пожаловаться, конечно. Такая ситуация. Понимаете? Одно дело, когда страсть какая-то, грех — любой грех можно покрыть, но здесь грех, который разрушает мир обители, мир сестер. Это грех, который не против самого человека, а против единства сестричества направлен, и его нужно пресекать. Нужно сказать начальствующим, а они пускай сами решают, что делать.

— *То есть старшие должны это прекращать, а не послушник?*

— Да, послушник может только сказать о проблеме, а решают старшие, и послушник должен быть готов принять любое решение старших. Или оставить все, как есть, и терпеть, или пытаться что-то изменить. Но никогда не обличайте сестер в их немощах — это путь к гордости и повреждению. Помню, у нас в Лавре был послушник, он на проходной нес послушание. К нему подходишь, спрашиваешь что-то — он молчит. Приходит на трапезу, ест, ест — тарелка, вторая — после переядания его начинает рвать там же, за столом, а потом опять ест. Он не просто молчит, а потому что братия много говорит; ест до рвоты, потому что братия много ест — вот такой помысел у него пошел. Позже в психиатрическую больницу он попал, подлечили его там, вроде все нормализовалось. Духовное повреждение происходит от помысла.

— *А с нами это может случиться?*

— С каждым может. Главное — храните дух любви и имейте благоразумие. Терпите то, что по вашим силам, и включайте SOS, когда внутренний мир начинает ломаться. На Афоне, в нашем Пантелеимоновом монастыре, много послушников повредилось от несоблюдения этих двух правил. В любви главное — сохранить и преумножить ревность и покаяние, а в терпении — оно всегда идет в послушании — иметь мудрость и небезразличие.

— *Батюшка, Афон — такое святое место, для монашеской жизни, можно сказать, идеальное, а сколько искушений.*

— Да, вы правы, Афон, пожалуй, лучшее место для монашеского жития. Он огражден от мира, поэтому внешних искушений практически нет, но внутренних предостаточно. Дьявол приходит через помыслы, и поэтому без духовника, без послушания, без открытия этих помыслов спастись там невозможно.

Я расскажу вам немного из истории русских на Афоне. До революции одной из основных существовавших там проблем был национализм.

Был издан как-то отдельной книжечкой рассказ в стихах русского монаха — «Полевые цветы». История эта произошла на русской келии Святого Креста от монастыря Каракал. Это была огромная келия, человек 70, а в Каракале — около 80. Там получилась такая история: братья после ночной службы отдыхали, и тут рабочие и монахи-греки нагрянули в келию, хотели русских выгнать. Повар не спал, готовил, вышел во двор, видит — люди с кольями, он сразу ударил в набат, а его дубинкой и треснули, он упал. Стала братия из келий выбегать, завязалась потасовка. В конце рассказа автор пишет: «Когда еще раз придут, мы возьмем кочерги и посчитаем им ребра». В России читают и считается, что это нормально, а эта книга с такой злобой написана.

Был национализм и среди русских и украинцев. Когда отстроили Новый Афон в Абхазии, то там стенка на стенку русские и украинцы шли. Страшное дело было. Не зря в то время греки говорили, что если бы не революция, то все монашество на Афоне от русских повредилось бы. После революции приток русских на Афон прекратился, помощи из России уже не было, тогда только они смирились и почувствовали, что одни остались, стали жить своим трудом, и проблема национализма исчезла. Простота и смирение уничтожают гордость. И после всех этих событий престарелые монахи были действительно святыми людьми. У греков было неоднозначное отношение к русским: негативное до революции и очень уважительное после нее, когда они уже видели в русских старцев.

Когда русские старики стали вымирать, они объединялись в келию по двое, по четверо. Рассказывали, недалеко от Казанской келии, на Капсале, была многочисленная когда-то русская келия Покрова Божией Матери, под конец там осталось два старца: одному было 90 лет, он был священником, а другому — 80. К ним ходили из Ильинского скита отцы пищу принести и по хозяйству помочь. Пришел как-то иеромонах, ему 70 было, открыл дверь,

зашел и увидел, что 90-летний старец около Престола мертвый лежит, а другой — у аналоя. Умерли вместе, после Литургии.

Златоустовская келия полуразрушенная, большая. На первом этаже стеллажи сделаны и на полочках черепа стоят — человек семьдесят, наверное, было; иконописцы, все умерли. А наверху один череп отдельно — послушник Алексей, умер в 1892 году. Написано — живописец, шестнадцать лет, из Самарской губернии. Не знаю причину смерти.

— *По черепам узнавали, какой жизни монах?*

— Это в нашем монастыре считается: если желтый или коричневый, то святой, белый — спасенный, а если черный или не истлел, то грешник и в аду. У греков такой традиции нет. У русских, действительно, заходишь в усыпальницу — там есть черепа и темно-коричневые, и желтенькие, и беленькие. А главы игуменов и духовников в особом чехле хранятся — они все желтые.

— *Это хорошо считается?*

— Да, святой жизни были. У нас в Лавре откапывали мощи святителя Филарета — у него был темно-желтый цвет черепа, а у святителя Иннокентия — темно-красного.

— *А если косточки черные или не истлели, что с ними делают?*

— Через три года останки выкапывают, обмывают и кладут в усыпальницу; черепа подписывают и на полочки, а косточки — в другое место. Был в русском монастыре такой случай. Жил там до революции эконо́м, очень деятельный, много для монастыря сделал. В чем-то они с игуменом не сошлись, и эконо́м на него обиделся. Прошло какое-то время, эконо́м заболел и близок уже был к смерти. Пришел к нему отец-игумен и говорит: «Прости меня, отче», а тот ему отвечает: «Не прощу ни в этом, ни в будущем веке», с этими словами и умер. Поскольку он очень много сделал для монастыря, похоронили его не со всеми братьями на кладбище, а возле стены гульбища, за алтарем Успенского храма. Через три года откопали, чтобы косточки промыть и ко всем остальным отцам в костницу положить, и видят — он нисколько не разложился, весь почернел и водянистый такой. Его опять закопали.

Через три года откапывают, а он такой же. Тогда игумен дал благословение за него усиленно молиться. Молились, и через три года опять хотели откопать. И перед тем днем, когда нужно было откапывать, стена возле храма, у которой лежало тело, почернела сверху донизу. Тогда все увидели в этом знак воли Божией, и когда откопали — а он такой же был — тело взяли и выбросили в море. В 1997 году, когда я приезжал в Пантелеимонов монастырь, стена была еще черная, а в 1998 году ее из брандспойта с песком очистили, и сейчас видны только мелкие вкрапины. Если человек не знает этой истории, то ничего и не подумает.

А вот другой случай. В Ватопедском монастыре нес послушание экклесиарха один монах. Задержался он однажды в храме, вечерняя трапеза прошла, и со столов все убрали. Он пришел в трапезную, а трапезарь ему сказал: «Трапеза закончилась, больше ничего нет». Этот экклесиарх очень разгневался, пришел в храм, в раздражении подошел к иконе Божией Матери, к фреске, и с гневом сказал Ей: «Я столько лет Тебе служу, а Ты мне даже куска хлеба не дала». Выхватил нож из-за пояса, которым он подсвечники чистил, и ударил Матерь Божию в лицо. Из шрама на лице брызнула кровь, он увидел это и остолбенел. Пришла братия, а он, как невменяемый, стоит и ничего не видит. Через несколько дней он пришел в себя и все рассказал. После этого лет двадцать, до конца своей жизни, он молился у этой иконы и перед смертью прозрел. Когда же его через три года откопали, все косточки его были желтыми, а рука, которой он ударил ножом Божию Матерь, была черной и не истлела. Братья в назидание оставили руку, чтобы все видели. А в 90-х годах один из паломников решил, что это святыня, откусил кусочек, и рука рассыпалась.

— *Сам-то грек не пострадал?*

— Нет, только сильно удивился.

— *Батюшка, а как монах, что ударил ножом Божию Матерь, пришел к такому помыслу? Просто потому что голодный был?*

— Там не так, как здесь. В постные дни только одна трапеза. А греки по характеру очень вспыльчивые. Вот и случилась такая история.

— *И на иконе есть шрам от удара?*

— Да, вот здесь, на левой щеке.

— *И кровь?*

— Да, и кровь была, до тех пор, пока один приезжий батюшка пальчиком не дотронулся до нее, после этого она осыпалась.

— *Батюшка, еще про терпение хочу спросить. Если терпишь — глаза зажмуришь, быстрее бы это прошло, ничего, можно так?*

— Да, можно, если помогает. В монастыре терпение всегда связано с послушанием, то есть отсечением своей воли. Не зря у святых отцов написано: «Если послушник не творит послушания, а исполняет свою волю, изгони его из монастыря. Если ты его не изгонишь, то он тебя проклянет, когда будет умирать». Если человек жил по своей воле, то его душа будет терзаема, мучима бесами, и он проклянет своего наставника за то, что тот не вразумил его. Это дело серьезное. Под непослушанием понимается ситуация, когда человек остается со своими чувствами и мыслями — тогда наступает смерть духовная.

Бывает, слышим от людей: «Монашки нервные какие-то», в какой-то степени это правда. Когда человек начинает бороться со страстями, у него появляется нервозность, он борется, отвергает зло, и на первом этапе духовной жизни может стать комком нервов. Какая там любовь, одно огорчение внутри! Но люди, которые живут без борьбы, со страстями, на первый взгляд только кажутся здравомыслящими и здоровыми, на самом деле они пустые внутри и покоя в них нет. Со временем у послушника, да и у каждого христианина душа приобретает устройство, когда чувства подчиняются мысли: «Я хочу быть подобным Христу, моему Богу».

— *Когда человек борется со своими страстями, он должен быть честным по отношению к себе и не закрывать глаза на то зло, которое в нем есть.*

— Да, совершенно верно, приведу один, может быть, немного смешной случай из жизни обители. Одна монашечка делала клумбу к 104-летию монастыря — при входе в монастырь, с левой стороны. А мимо шла Евгения, ей тогда 8 лет было. У нее сразу помысел: ребенок — это глас Божий. «Евгения, — говорит, — иди

сюда. Ну как, красиво?» Та постояла, посмотрела и отвечает: «Не-а». Монашечка насупилась и сказала: «Евгения, иди, куда идешь». И та побежала дальше. Так и в нашей душе — если мы что-то хотим видеть в себе, еще не значит, что это на самом деле в нас есть. Будем смиряться, и смирение даст нам истинное познание себя.

25.11.2005 г. Пюхтица

Беседа вторая

Вот опять Господь собрал нас всех вместе, опять мы видим друг друга, ощущаем свое единство, свою общность, свою сплоченность и в этом — нашего Пастыря, нашего Владыку, Которого мы все любим и ради Которого мы все оставили и пришли сюда в этот монастырь. На днях была Вселенская суббота, поэтому первые мысли, у меня появившиеся, — это мысли о Том мире, о нас и о тех, кто ушел Туда. Поминование усопших — это соединение с душами, отошедшими в загробный мир. Мы поминаем усопшего какими-то продуктами: конфетой или еще чем-то. Если ты ешь эту пищу, чтобы наесться или усладиться, то никогда с ним, с усопшим, не соединишься. Эта пища не должна приносить удовлетворения чувств. Почему коливо варят? Оно скорее безвкусное, его часто украшают орехами или чем-то еще, но вкусовых качеств, как таковых, в сущности нет. Немного взял и все, но не дают ни пирожного, ни мороженого, ни чего-то еще вкусного.

— *Батюшка, а соединение когда происходит?*

— Оно происходит, когда человек хочет этой любви. Это съестное — конфета, печенье или коливо — как бы является самой этой душой, и у тебя должно быть чувство единства с этим человеком, с этой душой и желание соединиться с ним, уйти Туда, где находится он: в аду — значит в ад, в раю — значит в рай. Чтобы это чувство возникло не только на мысленном уровне, не только там, в душе, но и на физическом — ведь мы состоим из души и тела — мы и вкушаем что-то, чтобы оно входило в наши плоть и кровь. От нашего желания и нашей веры и происходит этот акт соединения.

— Вы говорили о соединении с умершими. А с живыми так нельзя соединиться?

— Почему? Можно, все то же самое. Такое соединение с нашими ближними, умершими и живыми, происходит только через Бога, через веру и любовь к Нему, а у Бога все живы: и умершие, и те, кто живет.

— А после соединения может быть что-то еще?

— А что там может быть еще? Соединение в этом и заключается — в радости и любви.

— Насколько важно поминание едой? Некоторые просто подают записочку и все.

— Ну, зачем к тебе мама приехала?

— На меня посмотреть.

— Из любви. Зачем человек соединяется с другим человеком? Из любви. А здесь поминание, соединение происходит не только духовное — в молитве, на литургии, но и телесное — посредством вкушения какой-то пищи.

Есть определенный устав, закон свой, и на Афоне, и везде: Церковь поминает умерших, и за святых, и за остальных коливо варят и раздают.

— Батюшка, а когда приносят помин на канон, это пожертвование за усопшего?

— Да, помин, который приносится на канон, больше идет как жертва на монастырь, на приходы, не как поминальная пища. Есть устав поминания: мясом поминать нельзя, водкой нельзя. На Афоне дают только коливо и немного красного вина. Мы сейчас говорим о соединении через пищу. Есть соединение в молитве — это духовное соединение; есть соединение, когда усопший поминается на литургии (опускается частичка в кровь Христову), когда он поминается в Боге — это совсем другое. А есть соединение, если можно так сказать, духовно-телесное, потому что без молитвы ты помин вкушать не будешь.

Хочу перейти к другой теме и поговорить о грехе, у этих двух тем есть нечто общее — соединение. В Ветхом Завете говорится о яблоках и древе познания добра и зла. От вкушения яблока —

произошло какое-то соединение — внутри Адама и Евы совершился переворот, от которого разрушился их прежний внутренний мир. Они потеряли мир с Богом, потеряли любовь и обрели смерть от внутреннего соединения. Суть не в яблоке, а в самом желании. Священное Писание говорит, что Ева посмотрела на яблоко и у нее появилось телесное, чувственное желание отвесть запретный плод. Ева знала о запрете, но вкусила яблоко или что-то другое, она прельстилась его видом, но в то же время у нее появилось желание познать добро и зло. В этом сам процесс соединения: желание, наслаждение от продукта и желание познания добра и зла. Сначала произошло соединение в желаниях и мыслях, а потом уже она претворила их в дело. Если бы этого не было, то и грехопадения бы не было.

Грех начинается с желания. Грех становится грехом, когда к уму подключается сердце. Святитель Феофан Затворник пишет — когда появляется мечтательность. Вот тогда в этом нужно каяться как в грехе — в этот момент происходит соединение, то есть человек кается в соединении, не в мысли, которая возникла у него в голове, а именно в соединении. Дьявол в Раю долго пресмыкался и все подстраивал, потихонечку-помаленечку доводил дело до конца, поэтому Ева ему поверила. У преподобного Исаака не зря написано, что человек на Страшном Суде будет давать ответ не за то, что не постился, не молился, а за то, что жил с дьяволом, то есть за соединение с дьяволом человек будет давать ответ. Вы должны чувствовать, когда происходит это соединение, когда зачинается грех и в душу приходит чуждый, несмиранный дух.

Человек может прельщаться дьяволом через искушения, через соблазн. В самой молитве «Отче наш» есть слова от этого соблазна: «Не введи нас во искушение», чтобы нам не соединиться с дьяволом: «Но избави нас от лукавого». Мы просим в этой молитве, чтобы Господь разрушил греховные пожелания и тем самым не дал нам соединиться с лукавым, потому он и назван здесь обманщиком, прелестником, что прельщает нас земной красотой. И только когда Бог сохранит нас от искушения, от этого прельщения, только тогда мы освобождаемся от греха и от

дьявола. Если же человек попал под это искушение, он не освободится от дьявола, пока с помощью Божией не разрушит это прельщение, пока не будет от него отторжения.

— *Без желания, батюшка, невозможно жить. Вот пример: я иду, а под яблоней яблоки лежат, и я — «Соберу их немножко». Они сладкие такие. Все, я желание исполнила?*

— Да, как только человек согрешил желанием, сразу приходит дьявол. Хочу подытожить сказанное: греху всегда предшествует ложная красота, ложная доброта, грех всегда выглядит завораживающим, и когда сердце принимает эту лукавую сладость, тогда и появляется грех, соединение с дьяволом и отступление от воли Божией. Уродливым и злым грех становится, когда ты его вкусил, а до этого он весь «добро» и «любовь».

— *А у нас еще так бывает. Одна берет, а ты говоришь: «Не буду», а тебе хочется, и потом: «Ну ладно, и я возьму».*

— Да, это искушение, это греховное желание, которое возникает у нас в душе. Нужно молиться и прибегать к заступничеству Божией, чтобы избавил Господь от этого пожелания. А у святых отцов так и написано: не нужно пренебрегать малыми искушениями, потому что если с малыми не справился, то как справишься с большими.

— *Батюшка, насчет еды. Как-то ела мандарины килограммами, такая потребность организма была.*

— Пожалуйста, ешьте хоть килограммами. Надо тебе — ешь; воды, сколько хочешь, столько и пей. У каждого своя мера. Другое дело, когда ты наелся, тебе уже достаточно, а глазами все пожираешь — вот это плохо, это уже пристрастие, и с этим нужно бороться. Отец Паисий, когда на Афоне жил, к Богу всей душой прилеплен был, и чтобы пища не отвлекала, он фасоль не жевал, а глотал целиком, чтобы дольше в желудке переваривалась. Вам этого делать, конечно, не надо, но все свои желания сосредотачивайте на Боге.

— *Батюшка, а как быть, если помыслы уже появились в голове? Я этого, может, и не хочу, но они не дают мне покоя.*

— Когда таракашки заводятся в голове, есть два варианта: один — этих таракашек задавить, задушить, а второй — дать им

свободу. В первом случае ты освобождаешься от них, а во втором, наоборот, становишься их пленником.

— *Лучше побороть.*

— Да, когда в человеке есть смирение, то он смирением может гордость победить.

— *Батюшка, бывает, жизненные обстоятельства так складываются — человек одинок. В его окружении нет близких, не может он сказать, что случилось, ни батюшкам, никому. У него отчаяние. Согрешил, пошел и напился, а потом состояние еще хуже становится.*

— Понятно. Да, бывает, когда есть мечтательность. Когда мечтательность начинает крутить человеком, душа не успокоится до тех пор, пока человек этого не исполнит. Как только человек исполнит, удовлетворит желание, она успокаивается, а через какое-то время опять начинается. С мечтательностью нужно бороться, но победить ее можно только тогда, когда место прелестного мира займет другой, Божий мир, и человек его будет желать и любить.

— *Когда его накрывают эти помыслы, он выпьет и забудет все. А если не выпьет, то начинает мучить себя, бороться, а потом наступает отчаяние. Это ведь худший грех?*

— Видишь, ты говоришь о том, что человек не может бросить этих тараканов.

— *Да, у него нет ни друга, ни товарища, ни близкого, никого нет у человека.*

— Это проблема, но всегда говорят: «Бог готов помочь человеку». Когда приходят ребята, у которых проблемы с наркотиками, алкоголем или игровыми автоматами, им можно помочь, если открыта душа. Если она открыта, то человек выскажется и Бог Своєю благодатью может заполнить эту пустоту. Если же душа закрыта и его эти тараканы гложут, понятно, он сойдет с ума, если не удовлетворит их. В Евангелии говорится о том, что Господь исцелял не только одержимых бесами, но и одержимых страстями, то есть тех, кто был в зависимости от своих страстей. Но если человек не найдет такого выхода для своей души, эта болезнь может закончиться для него большим крахом.

Мы с вами все время говорим о прелести. Она приходит, когда человек начинает жить по своей воле, сам по себе, и все эти желания накапливаются. Какие-то страсти, желания все равно у человека есть, но он их как-то подавляет. Терпит год, два, ну, десять лет, а потом происходит взрыв. И тогда то, что он не сделал за десять лет, он начинает этими страстями восполнять.

Вспоминаю Афон, в 1997 году заходил я на Карули, видел там отца Стефана, серба; он на Карулях прожил лет пятьдесят. Меня поразили его глаза: чем-то они были похожи на глаза отца Иоанна Кронштадтского — такие же голубые, искрятся, но в то же время были они какими-то острыми, колючими, не злыми, а беспокойными, неживыми, и от этого становилось не по себе. Он отшельник, его уважали, но я даже в келию к нему не пошел, как-то не по себе стало. Он в молодости закончил сельхозакадемию, да и сам был такой рукастый: у него в келии и в пещерке на его территории все было механизировано, кругом блоки, тросики, потянешь за один — что-то выдвигается или, наоборот, задвигается. У него сырые куриные яйца лежали 30 лет — он их в жидкий раствор цемента положил. Во дворе был маленький искусственный водоем, землю на скалы наносил и там цветы разводил — в общем, жил всем этим хозяйством. И очень сильный был. Ему было уже за семьдесят, поехал он зачем-то в Уранополис. Туда как раз в это время приехала немка, чемпионка по армрестлингу — это вид борьбы, когда противники стремятся опустить поставленную на локоть руку другого. Так уж получилось, что стали они мериться силой, и отец Стефан ее победил.

Как-то случился пожар на Карулях — сгорела его келья и все, что в ней было. После этого пожара у него проявилось повреждение, но не от стресса, а от того, что он все потерял. Он стал как неменяемый. Его забрали к себе братья из Хиландаря, он там немного пожил и вернулся обратно на кострище, на место своей бывшей келии, сделал балаган из целлофана и стал там жить. После и оттуда стал уходить, скитаться по Афону, на пароме ездить. Силы стали его покидать, и душевно ему становилось все хуже и хуже; тогда забрали его на родину в Сербию, там он и умер. Бра-

тя-сербы говорили, что перед смертью он пришел в себя, покался и ушел к Богу с примиренным сердцем. Вот так бывает, человек, считай, всю свою сознательную жизнь прожил на Афоне, но, живя по своей воле, повредился.

Был и другой подобный случай. Там же, на Карулях, в Ипатьевской келии жили отец Нил, македонянин, и отец Исидор из Эстонии. Все делали: и молились, и трудились, но жили без духовного окормления, сами по себе, и через пару лет отец Нил повредился. Он тогда на материк ушел, а отец Исидор в Эстонию вернулся. На Афоне монашеские законы действуют на все сто процентов, и без старца, без духовника нельзя. Если остался без него, лучше уходи на материк, иначе погибнешь. Да, святые отцы говорили, что келья всему научит. Это, конечно, верно, но на Афоне условия, приближенные к отшельническим, а на отшельничество можно уходить, если имеешь смирение, без смирения погибнешь.

— *В любых условиях нужно выживать и спасаться.*

— Да, так-то оно так, но если тебя те условия, в которых ты живешь, соблазняют, и ты с собой справиться не можешь, погибашь в них, а скажешь себе: «Ну, что делать, значит, Богу так угодно», то ты ошибешься и впадешь в прелесть. Бог такого не хочет.

— *Ну как же не хочет? Мы же сами не выбираем — куда нам сказали, туда и идем.*

— Все правильно, нужно идти на то послушание, которое дано, но у нас речь немного о другом. Если те условия, в которые ты попал — физические нагрузки, климат или еще что-то — неблагоприятно действуют на твою душу и тело, ты должен обязательно сказать об этом игумению. А она уже решит, как поступить. Даже когда бывает много работы, старайтесь делать по силам, не гонитесь за другими сестрами, они, может, физически крепче или лучше умеют это делать. Со смирением примите такую свою неполноценность и потихоньку трудитесь, только от послушания не отказывайтесь.

— *Отец Рафаил, а вот чтобы с человеком немощным не пересечься, можно убежать? Ты знаешь, что согрешишь, что это сплетни. И чтобы не согрешить, можно убежать?*

— Ты убегаешь от этого человека не для того, чтобы не согрешить, а от того, что ты немощная, и бегать тебе можно тогда, когда будешь осознавать, что имеешь зуб на нее и не имеешь той любви, которая могла бы покрыть ее немощи. По твоей немощи Господь посылает тебе такую сестру, чтобы ты не думала, что ты такая хорошая-пригожая. А ее немощи Господь Сам исправит.

— Нет, просто я при встрече с ней начинаю нервничать.

— Осознавая свою немощь, свою греховность, обойди ее и все.

— Батюшка, а если по духу тебе не подходит человек?

— А какой у тебя дух?

— Не знаю.

— Вот я и говорю, своего духа не знаем, а о чужом рассуждаем.

— Я думала, в монастыре будет легко, а оказывается — нелегко.

— Легко будет, когда научишься смиряться перед начальствующими, старшими сестрами, да и перед самой собой, когда научишься терпеть саму себя. А когда имеешь свое «я», то этот для тебя будет хорошим, а тот — плохим, и будешь выбирать. Когда попадаешь в армию и солдатом становишься, то не выбираешь, где хороший, а где плохой — все люди. Это непонимание или неприязненное чувство — это наши грехи, это не дух, это наше «я», которое еще не усмирилось. Чтобы понять, подходит другой человек тебе по духу, как ты говоришь, или нет, нужно не иметь своего «я».

Вот вы в своей жизни сталкиваетесь с тем, что можно назвать злом. Скажем, бытовое зло. Вот, допустим, Евгения пошла на скотный двор, ногу сломала и начинает сетовать: «Камней тут накидали, ногу сломала». Это тоже зло, но она ругается, чтобы это зло из нее вышло; она вот так поругается, выплачется, а потом смирится и успокоится. Это самое простое, но и здесь тоже смирение должно быть: раз произошло, значит произошло — под Богом ходим. В этом плохом ты сам виноват и на себя только злишься, но в таком случае быстро смиряешься.

А есть другое зло, когда человек сталкивается с другим человеком и терпит какую-то клевету или злобу с его стороны. Чтобы с

этим совладать, *во-первых*, его нужно понять. Почему это происходит? Возможно, я сам являюсь причиной, это я насолил, что-то не так сделал. И если честно в себя взглядеться, то проблем не будет. Если ругают, значит, по делу ругают. *Во-вторых*, человек должен осознать, что он эту клевету терпит, потому что у него есть потаенные грехи. В житиях есть такое повествование. Посадили какого-то купца в тюрьму несправедливо, и он возмущается. Тут приходит к нему святой и говорит: «Ты терпишь это не за то, что украл, а вот за этот грех, который ты совершил. Бог так устроил, и ты страдаешь за свой грех». Мы только за свое страдаем. *В-третьих*, нужно понять самого человека, состояние его души, какой он, каков его внутренний мир. Мы должны смотреть на другого не как на комок какого-то зла, а как на творение Божие, которое связал дьявол. От такого понимания появляется жалость к этому человеку, понимаешь состояние его души, насколько эта душа повреждена. Вот один интересный эпизод. В лагере узнали о том, что Сталин умер. Там радость — свобода, а один стоит и плачет. Его спрашивают: «Ты чего плачешь? Наоборот, радуйся — умер тот, кто нас сюда загнал». А он отвечает: «Его душа в ад пошла».

Человек Божий, живущий по законам любви, всегда смотрит на другого как на поработанного дьяволом и начинает оплакивать его душу. Так мать плачет о своем сыне — не о том, что он такой плохой, а о том, что он отошел от Бога. Она его любит и душу его оплакивает, она может его лупить по-всякому, но никогда от этой любви не откажется. Если бы мы любили всех людей вот такой материнской любовью, у нас не было бы никаких проблем. Все люди были бы нашими детьми. Но, к сожалению, наша любовь эгоистична, мы любим только себя. У Христа любовь подобна материнской, это любовь Отца, вот такая любовь не может отвергнуть Своих чад, Свои творенья, хотя они Его на Кресте каждый раз своими грехами распинают. И у нас должна быть такая любовь. Если у нас нет вот этой материнской, жертвенной любви, это значит, что мы озлобляемся. Нам сделали плохо — мы ответили тем же. Вот в чем проблема. Поэтому в первых двух случаях мы страдаем за свое зло,

а в третьем страдаем из-за того, что не имеем той любви, которую имеет Бог, и не можем покрывать чужие немощи, не можем понять и даже не стараемся.

Отец Паисий всегда говорил: «Чужая боль становится своей», говорил о соединении с другими людьми в любви. Если не будешь сопереживать, то не полюбишь никогда. Главная цель нашего прихода в монастырь — научиться любить, а любви без единства, понимания, сопереживания другому человеку не будет, это закон. Апостол Иоанн говорил: «Тот, кто не любит ближнего своего, как может любить Бога?» (1Ин. 4:20) Поэтому все взаимосвязано — одна любовь связана с другой.

— Батюшка, объясните нам, пожалуйста, последнее прошение в малой ектенье.

— «Пресвятую, Пречистую, Препоблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми помянувшие, сами себе и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим». Со всеми святыми молимся и поминаем тех, кто в Боге. Бог объемлет всех — живых и мертвых. В первую очередь всегда поминается Та, ради Которой Христос прежде всего пришел на Землю. Ради Нее одной Он сотворил бы этот мир — ради Матери Своей. И Она, Матерь Божия, поминается не одна, а со всеми святыми, Ее детьми во Христе, — святыми, которые уже отошли, и теми, кто еще жив. Поминаются как одна большая семья.

«Помянувшие сами себе и друг друга» — молимся и о себе (Господи, помяни и меня), поминаем и молимся друг о друге, обо всех своих ближних. И заканчивается эта молитва словами о том, что всю нашу жизнь мы отдаем, посвящаем Христу Богу. Наша молитва действительна тогда, когда мы отдаем свое сердце и всю свою жизнь жертвуем Богу. Нашу молитву Бог слышит, когда мы поминаем себя перед Богом, как тот разбойник: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем» (Лк. 23:42). Вот такое состояние должно быть. И о других принимает нашу молитву, когда мы их любим, а о себе забываем. Как отец Паисий говорил: «Бог

тебя услышит в твоих молитвах, если ты готов пожертвовать собой ради другого».

Расскажу случай. Побывал я в монастыре Каракал, там один русский монах в гаражах нес послушание. Он узнал, что брат, который нес послушание в огородах, из-за тяжелого труда собрался уходить. Стал он тогда за этого брата слезно молиться, чтобы Матерь Божия оставила его в монастыре. И пришел ему помысел из любви поменяться послушаниями. Утром подошел он к начальнику гаража о. Иоанникию и сказал: хочу вот так сделать, чтобы брат остался в монастыре. О. Иоанний ответил: «Хорошо», и вместе пошли к отцу игумену. Подошли к игумену, отец Иоанний говорит: «Геронда, вот отец Филитэр уходит из монастыря». — «Пускай уходит, я никого не держу». — «Да, но давайте применим икономию (то есть поступим по любви, снисходительно)». — «Давайте этого русского отца отправим на поля, а того ко мне возьмем». Геронда ответил: «Хорошо». Когда этот русский отец на огороды попал, то понял, какой там труд и подвиг, а через десять дней уже возроптал, но Господь смилостивился, и его вскоре перевели на другое послушание.

Этот пример я привел для того, чтобы объяснить, что молитва — это не просто прошение о другом человеке. Молитва — это когда ты становишься на место другого (он — это ты), и в этом конкретном случае Бог показал брату, что такое настоящая молитва — готов ли ты выдержать труд, боль, душевную тугу другого человека. Святые отцы не зря говорили: «Молиться — это кровь проливать». О настоящей молитве за себя и за других можно говорить только тогда, когда в тебе не будет ни капельки эгоизма и себяжаления. Если ты хочешь молиться о пленных или о раковых больных, или еще о ком-то, ты должен встать на их место. Но если чувствуешь, что у тебя еще нет такой любви, то укори себя в своем эгоизме, помяни этих людей со скорбью о себе самом, и Господь примет эту твою малую жертву и поможет страждущим, о которых ты молился.

— *Батюшка, простите, а вот Иоанн Кронштадтский как молился-то Богу о людях, до изнеможения, горячо молился.*

— Да, святые — наши учителя в молитве. Хотелось бы, чтобы мы были хорошими учениками и не подвели своих наставников, чтобы были с ними одного духа и одной любви.

04.03.2007 г. Пюхтица

Беседа третья

Сегодня мы в иконописной мастерской смотрели картину, которую написала светская художница. Она хотела изобразить духовную жизнь сестер, а отобразила свой внутренний мир. Внимание привлекло не столько мастерство, сколько мировосприятие. В лице каждой из сестер передана плаксивость, даже не слезы, а именно плаксивость. Одну из сестер она хотела написать уходящей в себя, задумчивой, а изобразила пустой. Человек с таким неодухотворенным устройством не может запечатлеть лицо одухотворенное. Идея картины — святость, небесный свет, который отражается в мыслях человека. Однако понятно, что художник, не сознавая того, изображает на картине свой внутренний мир. Замысел интересный и понятный — она хочет уловить особую черту характера у каждой сестры, а в результате что получилось: одна из молитвенницы превратилась в плаксу, созерцание и уход в себя другой сестры — в безумство с выпученными глазами, даже послушание начальствующих выглядит командованием, а послушницы на этой картине как беззаботные дети. Изображая маститых монашек, чтобы подчеркнуть их долголетний подвиг, она показывает их усталость, только непонятно усталость от чего — то ли от трудов, то ли от жизни. В общем, картина-перевертыш получилась. Вот поэтому художник должен быть одного духа с теми, кого он пишет.

Я не хочу критиковать эту картину, говорить о том, хорошая она или плохая, просто делюсь тем чувством, которое испытал. Можно рисовать по-разному. Ведь есть и авангард, он тоже находит свой отклик, если его понимать. Любая икона, любая картина передает какое-то чувство. Делаешь фотографию — она тоже пе-

редает твоё состояние. Приходишь в Третьяковку и засматриваешься на картины великих художников, потому что они приводят тебя в то состояние, в котором пребывал сам художник. Так и здесь — она пыталась передать своё состояние, это понятно. Любой художник, любой иконописец пишет душой и отражает своё внутреннее состояние — именно душой, не умом.

— *Батюшка, простите, пожалуйста, а скажите про меня. Какая я в душе?*

— Я же тебе говорил.

— *Ну, пусть все знают.*

— Зачем всем знать? Главное, чтобы ты сама знала о себе, а другим своих забот хватает.

Это мои впечатления, они субъективны. Я не критикую, для меня неважно, плохо нарисуешь или хорошо. Просто рука иконописца пишет святых, пишет лик, а рука художника пишет лицо, то есть хочет он того или нет, но отображает он не только святое, но и греховное. Думаю, любая картина или икона передает то состояние, которое иконописец или художник испытал, передает то, что он чувствовал. Сначала ведь чувства возникают в душе, а после этого их переключают в какие-то формы и образы. Господь открывает одни и те же вещи, но опыт соприкосновения с этими вещами может быть разный и в разное время человек осознает и воспринимает их по-разному.

Я к чему это говорю? Мы всегда говорим о состоянии святости и состоянии прелести, обмана. В этой жизни человек познает Бога и познает дьявола. Когда человек прикасается к Богу, то благодать хранит его от зла и человек парит, как на крыльях, отстраненный, защищенный от тех страстей, что у него есть, он живет и чувствует Бога своим сердцем. Когда же благодать отходит от человека, оставляет его, человек встает на путь воинствующий, на путь борьбы со своими страстями и дьяволом. И на этом пути человек должен иметь опыт соприкосновения с дьяволом, то есть чувствовать его, чтобы не впасть в состояние прелести. Когда человек будет иметь опыт этой борьбы, то будет чувствовать, как этот опыт влияет на душу через помыслы, через чувства, через

лень, и будет отторгать дьявола и тем самым беречь свою душу. Когда человек приобретет этот опыт отторжения, познания дьявольской силы, тогда он сможет сохранить благодать Божию. И тогда приобретенное им состояние будет не падательным, а твердым, крепким, потому что многие в монашеской жизни, к сожалению, падают, не взирая на возраст и духовный рост.

Старайтесь приобрести этот опыт чувствований, потому что до Бога нам далеко, высоко по нашим грехам, по нашей нерадивости, отсутствию ревности и непонятливости. Вы на исповедь приходите: «Батюшка, в чем мне исповедоваться?» Именно в этих соприкосновениях с дьяволом, хотя не всегда они выливаются в грехи, а часто просто оседают в сердце. Человек должен чувствовать, анализировать, должен иметь опыт. Дьявол никогда не оставит тебя в покое и все время будет всевать мысли, которые ты принимаешь или отвергаешь. Твое сердце все время испытывает, что там, внутри, — тишина, мир, покой или тревога? Человек должен работать, человек должен анализировать, человек должен быть живым — вот в этом заключается исповедь, не только в проговаривании грехов, но и в открытии своих чувств и мыслей. Исповедь дана для того, чтобы человек учился распознавать правильность и неправильность своих чувств. Появилось какое-то озлобление, какая-то немирность в душе, какой-то помысел мешает, приходишь и говоришь: «Батюшка, у меня то-то и то-то, откуда это?» Раз-два пришла, на четвертый уже будешь знать, от Бога это, от дьявола или от тебя самой приходит. Помыслы, чувства — вот что человек должен нести на исповедь. Вы годами ходите на исповедь, каетесь в одном и том же, как по заученному, а исповедь должна душу разогревать, тогда твой внутренний огонь и Божий вместе сожгут твои грехи и очистят душу. Исповедь — это двусторонний акт Бога и человека.

— *Исповедуешься, например, раз в месяц, а помыслы-то каждый день.*

— Понятно, что каждый день, но помысел помыслу рознь. Можно подойти к духовнику или священнику даже без исповеди и выговорить ему помысл, который тебе досаждаёт, а на ми-

молетные помыслы даже внимание не обращай или скажи: «Господи, прости» и будь спокойна, делай дальше свои дела. Ты пришла в монастырь, ты должна что-то уметь. Ты чему учишься? Суп варить? Лепешки делать? Пирожки с капустой печь? Для чего ты пришла в монастырь? Научиться послушанию, а через него — смирению, мудрости и любви.

Монастырь — это институт. Здесь человек должен не только работать, но и познавать самого себя. Если не получается подойти к духовнику, веди дневничок для себя, чтобы тебе было понятно, что откуда пришло, что ты испытала — в голове своей прокрути и проанализируй. Благодаря исповеди, чтению Священного Писания, святых отцов и общению с опытными сестрами вы имеете навык различения помыслов: это — от дьявола, это — от меня, а это — от Бога. Раз, два, три спросили, и урок должен быть усвоен — что и откуда. Если Господь дал духовника, используйте это; не будете использовать — ничего не будет. Я понимаю, каждому человеку свое дано. У каждого свое повреждение — и у меня, и у тебя, у каждого. У кого-то — больше, у кого-то — меньше, но для того и дан нам разум, чтобы плохое отвергать, а хорошее принимать, и дух тоже нужно научать этой мудрости. Самое плохое — смотришь, годы проходят в монастыре, а такой мудрости все еще не приобрел. Вот это проблема.

Каждый из нас должен иметь ниточку, держась за которую, он будет искать спасение, какую-то надежду. В душе христианина всегда должно быть ожидание Бога. Душа в Священном Писании изображается как невеста, и говорится о ней в женском роде. Она и в русском, и в греческом языке женского рода: душа — ψυχή (психИ). Христос Бог всегда как Жених. Душа всегда тяготеет, тянется к своему Жениху, к своему Возлюбленному. И это чувство должно быть всегда. Любое послушание, которое вы не сете, любой подвиг, маленький или большой, трудовой или духовный — не имеет значения — должен развивать, разжигать это чувство встречи с Богом: «Я очень хочу Его видеть, потому что это мой Любимый, и я Им живу». Зачем вы молитесь? Именно для того чтобы иметь Бога в своем сердце и в своем уме. В Священ-

ном Писании написано: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всею крепостию твоей» (Мф. 22:37), а когда человек любит, то что бы он ни делал, у него сердце всегда горит огнем любви, и он всегда хочет этой встречи. В нем всегда живет память о любимом, и, если эту память, это желание начинает перебивать какая-то страсть, какое-то другое желание — поесть, поспать и так далее — это уже дьявол или наша лень.

Скажу немного еще о Литургии, о Евхаристическом каноне. Вопросу понимания Евхаристического канона в нашем богословии, в нашей практике уделено мало внимания, немногие из русских литургистов его касались: митрополит Арсений Киевский (XIX век), архимандрит Киприан (Керн) и протопресвитер Александр Шмеман, пожалуй, из русских отцов больше никого не назову. Из древних отцов — архиепископ Симеон Солунский (XV век).

Хочу своими внутренними переживаниями с вами поделиться. Самое главное в Литургии — Евхаристический канон, во время него происходит Пресуществление Святых Даров в Тело и Кровь Христовы. Начинается канон с возгласа: «Двери! Двери! Премудростию вондем!», то есть все молящиеся призываются ко вниманию, сосредоточенности, начинается кульминационный, самый ответственный момент Божественной Литургии. В этот момент происходит снисхождение Бога к людям и восхождение людей к Богу.

Затем читается Символ Веры. Символ Веры отображает самого Бога, только в догматах, то есть перед нами стоит Сам Бог. Символы Бога какие? Евангелие, Крест и Символ Веры. Это основные три символа. Во время чтения Символа Веры в древние времена дьяконы овеивали опахалами Святые Дары. Сейчас духовенство, священники берут воздух и овеивают им Святые Дары. Этот момент веяния над Святыми Дарами напоминает, как Святой Дух кружил над водами и согревал землю, в которой должна была зародиться жизнь. Если тогда Бог творил этот мир из ничего, то сейчас происходит не сотворение, а Пресуществление Хлеба и Вина в Тело и Кровь Христовы, изменение самой их

сущности. Теперь, когда Святой Дух кружит, овевает Святые Дары, когда Он находится над Чашей и Дискосом, начинается само таинство Пресуществления.

Дьякон или священник возглашает: «Станем добре, станем со страхом, вонмем, Святое Возношение в мире приносить». Нам геронда Христодул всегда говорил, когда собирались на керазму (угощение для братии): «Стómэн калós» (станем добре), то есть станем как воины, будем во всеоружии духа. «Станем со страхом» — будем внимательными и сосредоточенными как воины, правильно сгруппировавшиеся и вышедшие на брань. Здесь требуется собрать все мысли, стоять в своем сердце, чтобы ум не был рассеян. Вот в этом состоянии, какой бы ты ни был и что бы ты ни делал — поешь, читаешь, молишься — должна происходить группировка всех сил. Эти слова призывают к этому. Раньше как на войне было? От звука труб человек сразу собирался и готовился к бою. Так и здесь. «Святое Возношение в мире приносить» — Святое Возношение, Святые Дары только в мирном состоянии, в покое человек может приносить Богу. Каноны Церкви говорят, если человек пребывает не в мирном состоянии, а в озлоблении, то не может причащаться и не может соединяться с Богом. Он может находиться в храме, но не может встретиться со Христом.

Хор отвечает: «Милость мира, жертву хваления». Вот это отречение от зла, любовь к Богу, мир души — это и есть покойное состояние, «милость мира». В этом состоянии души и приносятся «жертва хваления», жертва благодарения Богу — Святые Дары, которые впоследствии должны стать Телом и Кровью Христовой. Речь идет о них и о душе человеческой, о том, что человек приносит Богу эту мирность своей души, это его жертва. Жертва души отображается в Святых Дарах. Так и здесь наше внутреннее устройство отображается в Приношении Святых Даров — хлеба и вина, которые будут Телом и Кровью Христовой.

Далее священник произносит: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа и Любы Бога Отца, и причастие Святаго Духа, буди со всеми вами». Как Моисей входил на гору Синай, получил

там скрижали Завета и молился Богу о том, чтобы народ Божий мог приступать к этой горе и не погибнуть, так и священник просит Бога о том, чтобы Господь принял народ, который стоит и молится вокруг. Осеняя крестным знаменем народ Божий, он дает благословение приступать к таинству Евхаристии. Греки не благословляют рукой, у них принято благословение воздухом. Воздух означает благодать Святаго Духа. После этого лик отвечает: «И со духом твоим» — народ желает священнику, чтобы и он с миром приступал к этому таинству, потому что ему предстоит совершить это великое священнодействие.

«Горè имеем сердца», — говорит священник, то есть оставим все суетное, отрешимся от всего земного и постараемся устремить свои сердца, свой ум на Небо, чтобы никакая суета нам не мешала. «Имамы ко Господу», — отвечает лик, то есть мы желаем иметь такое устремление, о котором священник нам говорит, мы хотим иметь устремление Туда, в Горнее.

Священник произносит: «Благодарим Господа». Вот с этого момента начинается само священнодействие, само таинство. До этого предваряющими возгласами священника и лика народ Божий приуготовляется. После этого священник приступает к священнодействию. Читаются уже тайные молитвы (в древности они не были тайными и всегда произносились вслух). В этой молитве открывается, что все, кто молится в церкви — священники, молящиеся — должны войти в параллельный мир, мир Царства Небесного, который опускается на землю, в храм Божий, а мы должны почувствовать это и войти в этот мир, пересечь эту границу. Что за параллельный мир? Там, на Небе, Литургия совершается постоянно, Христос постоянно приносит Себя в жертву Богу Отцу. В Апокалипсисе говорится о том, что Иоанн Богослов видел Агнца закланного, и сидящего на престоле Бога Отца, и он видел, что там совершается жертва до конца времен, до всеобщего Воскресения. Христос — второе лицо Святой Троицы, Он Себя приносит в жертву.

Мы, земная Церковь, подключаемся, входим в Литургию, которая совершается на Небе, поэтому на всех престолах всегда

Один и Тот же Христос. Ведь на земле совершается множество литургий, в разное время, в разных местах, но Христос всегда Один — мы входим Туда, в ту Литургию, и в этот момент соприкасаются и переплетаются два мира. Мы находимся на земле, и священник только один раз в сутки может совершать литургию. Это устав, то есть сутки олицетворяют целую жизнь: восход и закат солнца — рождение, смерть и Воскресение Христа, вся полнота Его жизни. Так и священник — в нем Христос — вместе с Христом рождается, умирает и воскресает. В Литургию, в эту небесную Церковь мы обязательно должны войти.

Во время Херувимской песни читается молитва священника о том, что страстный, скверный не может приближаться к Богу. Поэтому человек, обремененный страстями, грехами, человек с нечистой совестью не может соединиться со Христом, не может войти Туда. Недостаточно быть в храме и молиться, нужно быть чистым душой, чтобы приобщиться Небесной литургии здесь, на земле. Так и есть — одни на Божественной литургии присутствуют, другие — нет. То, что человек приходит на литургию и стоит, молится, еще ничего не значит. Когда я спрашивал мирских людей: «Что больше всего вас разволновало?», ответ был: «Как пели «Святой Боже», даже до слез». Это неверное восприятие литургии, чувственное такое. Литургию нужно переживать от начала до конца, должно происходить восхождение, отрывание от земли, чтобы мы вошли в духовный мир.

Вернемся опять к Евхаристическому канону. Лик поет: «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Троице Единосушной и Нераздельней». Так поют в русской традиции. Греки только поют: «Достойно и праведно» — первоначальные слова тайной молитвы, которую читает священник. В русской традиции смысл немного искажен, у греков более правильно, так как в тайной молитве внимание концентрируется на Боге Отце, а не на всей Святой Троице. Идет благодарение Богу Отцу за нашу жизнь и спасение, за ту службу, которую Он принимает от рук наших. И затем в этой же молитве после благодарения взор молящихся обращается к тому, кто вокруг Бога Отца:

«Аще и предстоят Тебе тысящи Архангелов и тмы Ангелов, Херувими и Серафими». Его окружает ангельский мир, и не только они сами себя видят, не только святые, но и мы духовными очами видим их. Важно понять, что происходит и куда ты попал.

Затем звучит возглас священника: «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще», то есть мы слышим голоса ангелов, которые присутствуют вокруг Престола Божия, они Ему посвящены, подобно орлу — поюще, подобно тельцу — вопиюще, подобно льву — взывающе и подобно человеку — глаголюще. Они говорят разными языками, у них разный глас, но наш ум воспринимает их как одну мысль, они разные, но ты их понимаешь. После этого хор начинает петь: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь Небо и земля славы Твоя; осанна в вышних, благословен Грядый во Имя Господне, осанна в вышних». Ангелы и херувимы поют эту победную песнь о том, что в мир пришел Спаситель, пришел Сын Божий, второе лицо Святой Троицы, который избавил род человеческий от дьявола, взял на Себя все грехи рода человеческого и взошел на Небо; принял природу человека, соединил с Собою и воссел по правую руку Бога Отца. После этого человек смог после смерти наследовать Царство Небесное и входить в область Божества. Это не третья, какая-то новая природа, а это усыновление, воссоединение Бога с человеком в лице Господа нашего Иисуса Христа. Священник говорит о том, что он слышит ангелов, и лик отвечает ему.

Слова «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще» очень напоминают сам Крест, саму жертву. В то время как священник произносит эти слова, дьякон или сам священник звездницей бьет по краям дискоса четыре раза. Прикосновение звездницы к дискосу происходит в виде креста: сверху вниз и справа налево. Это удары молотка при пригвождении Христа ко Кресту. Когда служат ночью, в тишине, эти удары из алтаря слышны молящимся. Жертва совершается, и мы с ней соединяемся через воспоминания о Кресте Христовом и вхождение в духовную жертву. На проскомидии священник вспоминает кровавую жертву словами: «В воспоминание Господа, и Бога, и Спаса наше-

го Иисуса Христа». И сейчас, когда священник или дьякон бьет о края диска звездицей, опять вспоминается та жертва. Мы соединяемся с Небом и можем войти в эту Небесную литургию, в этот параллельный мир посредством воспоминаний.

И опять читается тайная молитва священником о том, что народ Божий благодарит Бога за то, что Господь пострадал за нас, идет воспоминание жертвы, через которую мы можем соединиться с Богом. Вспоминается, как Христос взял в Свои руки хлеб, преломил, освятил и раздал его Своим ученикам. Руками священника приносятся Святые Дары — хлеб и вино, но эту жертву не может сам человек приносить, не священник или епископ приносит ее, а Сам Христос. Совершается таинство — переплетаются небесный мир и земной. Во время Литургии священник служит как человек, он предстоятель перед Богом, имеет хиротонию — дар от Бога, но в какие-то моменты он перестает быть человеком и становится Богом Христом, в нем соединяются Божье и человеческое. И эти дары приносит уже не человек, но Христос руками священника.

Священник говорит: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое», говорится от первого лица, то есть это не священник, а Христос. И каждый молящийся в храме эти слова должен пропускать через сердце — каждый должен участвовать в Литургии. В ваших умах не должно быть мысли, что батюшка молится, претворяет хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы, а я только приду, причащусь частичкой и все. Нет, каждый присутствует и каждый приносит эту жертву. Поймите, и священник, и каждый из вас имеет Христа в своем сердце. Поэтому ранее священник и возглашал, что нам всем необходимо мирное устройство, чтобы принимать участие в этом таинстве. И только тот, кто остается в озлоблении, не может войти в Небесную литургию и присоединиться к Тому миру. Когда же будете находиться в мирном, трезвенном, собранном состоянии, эти слова будут проходить через сердце, и вы почувствуете, что Христос живет в вас. «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое», «Пийте от Нея вси: сия есть Кровь Моя Нового Завета», — говорит священник, но во всех нас говорит Христос.

В Ветхом Завете Моисей приносил в жертву тельцов за грехи народа. Это была кровь животных, и ею освящались и очищались люди от своих грехов. А Христос пришел в мир и утвердил Новый Завет посредством Своей крови. Завет — это утверждение новых канонов, Христос изливает Свою кровь и полагает ее в Новый Завет. Если в Ветхом Завете убивали животных и окропляли их кровью людей, жертвенник, очищали священные места, то здесь Христос изливает Свою кровь на каждого человека, ею не просто окропляет, а погружает его в Свою кровь, то есть она начинает струиться в человеке и очищает все его тело, всю его душу. После того как произнесены эти слова, Святые Дары — хлеб и вино — перестают уже быть прежними хлебом и вином, но они еще не Тело и Кровь Христовы. Вот это священнодействие похоже на творческий акт, в результате которого Господь сотворил человека из персти земли. Персть — это пыль, земной прах. Сотворено было тело человека, но без души он еще не человек. Вот так и здесь. Что это? Это хлеб и вино, и тело, и кровь, но еще не Тело и Кровь Христовы.

Священник дерзает приносить их Богу Отцу — это Его, родное: «Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся». Как при творении человека был совет Святой Троицы, так и здесь, при Пресуществлении, происходит этот совет. Сын Божий обращается к Богу Отцу: «Отче, это Твои Дары. Мы их Тебе приносим как жертву Нашей любви за весь род человеческий». Вся Святая Троица участвует в этом Приношении. Это Ее Жертва любви, это Ее Любовь, для Нее Самой, и от Нее — людям. Эта жертва нужна Богу и нужна людям, потому что, приобщаясь ее, человек соединяется с Сыном Божиим, а через Него становится родным Всей Святой Троице. Но для спасения, для соединения человека с Богом, помимо жертвы Бога, нужна и человеческая жертва, помимо Божьего нисхождения, необходимо и человеческое восхождение. И в знак понимания этой истины священник поднимает Святые Дары со скрещенными руками (крестообразно). Получается возношение и Крест, смысл их такой: «Отче, прими от нас эти Дары, мы их приносим Тебе, ибо Они

есть наша любовь к Твоему Сыну и наша жертва Тебе», то есть мы приносим эти Дары из любви к Сыну Божьему. Они есть жертва, но и наша любовь тоже жертва. Что может человек принести в жертву Богу? Достойный Дар, который Бог может принять, — это Его Сын. И мы из любви к Богу Отцу приносим Ему Его Единородного Сына. Бог не может отказаться от этого, это Он Сам, это Его Сын. Вот такой смысл слов «Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся».

И дальше хор отвечает: «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш». Во время этого пения совершаются священнодействия для Пресуществления Святых Даров, читается священником тайная молитва и претворяются хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы. Это те же Тело и Кровь Христовы, но обоженные, вознесенные на Небо.

Какие выводы можно из этого сделать? Основной момент — это вхождение в параллельный мир, в ту Небесную литургию, которая идет постоянно, вечно. Христос постоянно приносит Себя в жертву Богу Отцу. Любовь живет жертвой и без жертвы не бывает, она постоянна. Наша задача — войти в эту Небесную литургию. И понимание, где мы находимся, должно быть, без этого мы будем пустыми, а наше пребывание в храме — бессмысленным. Как святые совершали чудеса — исцеляли больных, воскрешали мертвых? Они совершали их только тогда, когда входили в другой мир. И интересно, что для Того мира это не чудеса, а обычные явления, это для нашего мира чудеса. Поэтому обязательно в молитве нужно научиться переходить из одного измерения в другое — отстранив все земное, уходить в Небесное. Как праведный Иоанн Кронштадтский исцелял бесноватых? Он входил в Тот мир, предстоял пред Богом, и все, что он просил, Бог ему давал, поэтому он служил Божественную литургию и причащался каждый день, чтобы быть Там всегда. И когда он входил в область Божественную, он видел души человеческие. Вот так и нам нужно это знать и в своей жизни этот опыт отцов практиковать. Вхождение в Небесную литургию — это реальность, и происходит оно через причаще-

ние Тела и Крови Христовых. Христос опять нисходит к нам, это действительно так, перед нами Его Тело и Кровь. В таинстве Пресуществления происходит переход из Небесного в земное, Христа – в Святые Дары. Но и нам нужно вознестись, а это происходит только посредством веры.

Дальше идут молитвы о тех, кто может приступать к Святым Тайнам, и говорится о том, что Святые Тайны дают. Они очищают душу, сохраняют любовь, дают благодать и Царство Небесное. После этого читаются молитвы о тех, за кого эта жертва приносится. Она приносится за всех, кто вошел в Царство Небесное, и за тех, кто еще не вошел в Царство Небесное, кто попал в ад, но имеет надежду, ниточку, связывающую его с Богом. Эта ниточка, эта завязь спасения – в любви к Богу, к людям, главное, чтобы она была. Церковь земная имеет силу вымаливать таких людей благодаря тому, что Сын Божий Своими Святыми Тайнами присутствует здесь, на земле, то есть участь, которая уготована человеку после сорокового дня, может быть изменена. Если душа, которая переходит из этой жизни в иную, без любви и не готова соединиться с Богом, естественно, она отходит в то место, которое ей ближе по ее состоянию. Многие души отходят в ад, то есть в место, удаленное от Бога, а потом через связь с земною Церковью они получают недостающую любовь, и когда разогреются этой любовью, то уже могут жить в раю, с Богом, в Его любви.

Войти в Царство Небесное можно не только на литургии в храме, но и в любом месте во время молитвы. Поэтому святые и совершали чудеса не только во время литургии, но и в других местах, когда обращались к Богу. Преподобный Серафим Саровский был священником, иеромонахом, а потом оставил служение и ушел в пустыньку. На литургии он получил навык ухода в Божий мир, и в своей маленькой келейке он соединялся со Христом. Но есть одно условие вхождения в параллельный мир – человек должен отречься от мира, преодолеть свой эгоизм, себялюбие, свою гордыню. В Священном Писании написано: «Если не умрешь для мира, не родишься в Боге». И наоборот: «Умирающий для Бога рождается в погибель».

Святые отцы все время пишут, что монах должен быть нищим, ничего не должен иметь. Так ему легче достигнуть Царствия Небесного. Оставив все суетное, он соединяется с Богом. Когда же человек начинает обременяться какими-то вещами и его голова забита, молитвы не будет. Святоотеческий путь — путь аскезы, он всегда лежал через нищету. Невозможно войти в Царство Небесное, если человек душой цепляется за земное. От земного притяжения душа делается беспокойной, а когда уходит туда, где этих вещей нет, страсть и там не умирает, она остается. Поэтому после смерти душа и начинает маяться, если ее притягивает страсть и она зацеплена за нее. Страшное положение.

Где-то в житиях читал я историю про монаха. Накопил он денежек, а когда умер, стали готовить его к погребению. Нашли деньги и рассказали игумену. А игумен сказал: «Да будут эти деньги ему в осуждение». В гроб ему их бросили, не стали отпевать и запретили поминать, как самоубийцу. Невозможно соединить монашеское устройство, устройство человека, который молится, полностью отдал себя на служение Богу, с какими-то сбережениями, с привязанностью к земным вещам. На Афоне закон такой есть: если монах смотрит телевизор, то приезжает полиция и увозит его в мир. Несовместима монашеская жизнь, молитва с телевизором и мечтательностью, которая от него появляется. Посмотрел он новости или мультфильм, не имеет значения. Суть в чем? Начинает работать фантазия, и через ум в душу человека входит дьявол. Православие всегда боролось с мечтательностью. Мечтательность, привязанность к каким-то вещам уводят человека от Бога.

Пожалуйста, те чувства, которые должны быть у христианина во время молитвы, во время Литургии, обязательно имейте. «Стómэн калós» — станем добре, станем воинами, то есть воинственное состояние души нужно иметь. Не будете иметь воинствующее состояние души, не сможете побороть врага, не сможете соединиться с Богом. Это состояние необходимо человеку. И всегда знайте, о чем идет речь. «Станем добре, станем со страхом, вонмем, Святое Возношение в мире приносить» — где бы

ты ни был, о чем бы ты ни думал, чем бы ни был занят, оставь все и соберись. Эти слова — призыв, труба, зовущая в бой. Они должны отрезвить человека, должны его собрать. Человек должен понять, в каком он состоянии находится и с кем он — с Богом или с дьяволом. Вот это чувство присутствия Бога, страха Божьего, должно быть всегда и везде.

Уставом Оптиной пустыни было установлено после причащения Святых Таинств Тела и Крови Христовых читать благодарственные молитвы в течение дня восемь раз. Вот интересно, почему восемь? Цифра 8 — знак бесконечности. Это цифра будущего Царства, и Воскресение Христово было на восьмой день. Наша земная жизнь заключена в 7 днях, потом она кончается и начинается вечность. Думаю, что святые отцы Оптиной пустыни прекрасно понимали, что происходит в момент Божественной литургии, и восьмикратное чтение благодарственных молитв отражает внутреннее состояние человека и предвкушение им будущей жизни.

Очень важно сохранить Святое Причащение. Чем ближе человек к Богу, тем и дьявол к нему ближе. Божественная природа очень тонкая, одно движение твоего сердца, твоей мысли, и Он отходит. Так и с Причастием: ты соединился со Христом, но малейшее раздражение или суетливость сразу приводят к опустошению. Поэтому польза будет тогда, когда мы научимся сохранять благодать. Вы редко причащаетесь, да. Но что толку, если не можете сохранить благодать? Учитесь. Это тяжело, да, потому что приходится оберегаться даже от себя самого. Святые отцы большое внимание уделяют охранению себя. Когда Господь давал какую-то благодать, они очень берегли себя от лености, передания, излишнего общения, были очень осторожными, бережливыми и внимательными по отношению к себе. В святоотеческих книгах немного сказано о подготовке к Святому Причащению, но много говорится о сохранении благодати, которая приходит в душу человека после Приобщения. Используйте для сохранения себя и святоотеческий, и свой духовный опыт.

— *А можно спросить? После Второго пришествия тоже будет Литургия идти?*

— Всегда будет.

— *А вот вы нам говорите: «Благословите», а что значит «Благословите»? Когда Бог благословляет или священник, это понятно, а как мы можем благословить?*

— Душа благословляет. Связано это с тем, что благодать входит в природу человека, в его душу, и он этой благодатью любит и созидает, потому что благодать по своей сути — это энергия Божества. Вот вы подходите ко мне и говорите: «Батюшка, благословите». Что я делаю? Я даю вот эту благодать, своей душой и рукой я благословляю и отдаю энергию Божию. Почему, например, праотцы Авраам, Исаак и другие благословляли своих потомков? Чтобы через их душу и руку энергия Божия хранила, спасала и давала им добро в их жизни. Но для этого нужно, чтобы и сами потомки были достойными преемниками Божественной благодати.

— *Последний вопрос. Вы рассказывали про портреты и сказали, что если человек достигнет каких-то высот, связанных с духовностью, а потом низко упадет, то никогда уже до своего первого уровня не доберется. А я как-то читала житие преп. Иакова Отшельника. Он впал в страшные смертные грехи и потом своим плачем и покаянием так умолял Бога, что ему благодать чудотворения была полностью возвращена, то есть он понял, что Бог его простил и все ему вернул в полноте. Он же вначале тоже чудотворцем был.*

— Тут немного другое. Я имел в виду общий путь спасения — душа, искаженная грехом, как правило, будет иметь в себе слабое место. А общий путь спасения, восстания из греха для всех одинаков. Преп. Иоанн Лествичник говорит: «Первая тактика освобождения от греха, от дьявола — это бегство от соблазнов». Таким образом человек смиряется: «Господи, я немогущ, я не могу это перетерпеть!» А потом уже, когда человек укрепляется благодатью Божией, начинает противоборствовать греху, как Мария Египетская. Матерь Божия сказала ей: «Иди за Иордан, там спасешься» и указала ей путь спасения — бежать от соблазнов. Когда она это сделала и укрепилась в своем намерении спастись, ее

начали мучить воспоминания о прошлых грехах; тогда Господь дал ей силы и терпеть, и любить. Но в особых случаях, по промыслу Божию, душа от боли греха, наоборот, смирялась, возбуждалась ревностью по Бозе и еще выше, чем прежде, возлетала к Богу.

Благодать Божию надо хранить и беречь, малейшее чувство превосходства может привести к падению и потере благодати. Не зря преподобный Антоний Великий говорил, что последние христиане будут бежать из мира, скрываться в пещерах, горах и пустынях, потому что будет тяжело сохранить эту благодать, люди будут чувствовать малость своего смирения. В древности была ересь евхитов, они говорили, что в какой-то момент духовной жизни получали дар Святаго Духа и становились непадательными. Они переставали молиться, поститься, уходили в ложное созерцание и впадали в прелесть. Эти люди становились очень гордыми. Я хочу сказать, что святые, насколько бы они ни достигли святости, все равно боялись потерять благодать Святаго Духа. Существует такой духовный закон — не успокаивайся до тех пор, пока не умрешь, то есть до конца своих дней, до гробовой доски, так как дьявол все время будет атаковать тебя и будет рядом. В любой момент можно погибнуть. У святителя Игнатия Брянчанинова случай один описывается. Умирал епископ, пришла к нему игуменья с послушницей и оставила ее у Владыки помогать ему. Она только до пальца ноги ему дотронулась, у него страсти как разгорелись и грех произошел. Господь поднял его со смертного одра, и он остаток дней своих каялся в этом. Вот только в гордость чуть-чуть впадешь, позабудешь, что ты из плоти, как дьявол тут как тут. Это нужно помнить каждому. У святых отцов написано: выйдешь из келии, и обратно ты таким же не возвратишься.

Что делать? Мы живем под Богом, и Бог видит наши нужды. Если ты идешь в мир и общаешься с людьми по нужде, то Бог тебя покрывает. Когда же человек уходит в мир по прихоти и ищет развлечений, Бог его не покроеет и не сохранит. Давайте помолимся.

13.07.2007 г. Пюхтица

Беседа четвертая

Как в человеке много и хорошего, и плохого, так и окружающий нас мир и происходящие в нем события имеют много и плюсов, и минусов. Но из хорошего может получиться что-то очень плохое — это самое опасное и в нас самих, и в этом мире. Многие открытия человечества, вроде бы хорошие, начинают приносить зло, смерть и даже угрозу всей нашей планете. Взять хотя бы ту же атомную энергию. Все — от любой мелочи до самого большого дела — рано или поздно принесет огромный вред, если это делается без Бога. Поэтому если начинаешь что-то делать и чувствуешь, что теряешь Бога (а Бога теряешь, когда теряется вот этот плач единения с Ним), то такой труд не наполняет душу, а, наоборот, опустошает ее и уводит от внутреннего к внешнему. Не говори, что делаешь это ради Христа, не обманывай ни себя, ни других. Если ты потерял Христа, как ты можешь делать ради Него? Только словами, но не душой. Во всем есть цель, во всем — Бог. Он — Сущность. Эту сущность убери, и останется лишь форма.

Что такое грех? Это исполнение страсти. Любая страсть — это корень, откуда растет грех, склонность души, а грех — это ее исполнение. Сначала рассматриваешь сам грех, а потом путь ко греху. Этот путь лежит через мечтательность. Интересно, что мечтательность гораздо сильнее и слаще самого греха — в уме, в чувствах этот грех выглядит гораздо красивее, слаще, сочнее. И душа перед этой фантазией не выдерживает, лопается и идет, как замороженная, но, когда она вкусит этой мечтательности, — это у святых апостолов написано — сразу испытывает горечь. Поэтому дьявол приходит не через грех, он приходит через мечтательность, через помысел. Святитель Феофан Затворник говорит, что грехом считается сочетание помысла с чувствами, то есть появление фантазии, мечтательности, и в этом уже нужно исповедоваться. Мечтательность — это жизнь страстей в душе человека. Ее нужно искоренять, обрубить.

Если этого не происходит, то человек становится подобен бесу. Падшие ангелы ведь не грешат, они не могут грешить — у них нет плоти, как у человека. Но этот пузырь страстей единит человека с бесами. Бесы живут в мечтательности и не могут от нее освободиться. Человек, пока еще живой, в отличие от бесов, может свою страсть насытить, освободиться от нее на какое-то время, нагрешив. Как пьяница, который выпьет, сколько ему нужно, и ему хорошо и спокойно. Он нагрешил, и все нормально, но, если душе не дать согрешить, она жаждет, жаждет, жаждет, она все хочет и хочет, без конца, и это процесс, который никогда не кончается. А когда человек умирает, то он действительно испытывает муки, именно от страстей, и удовлетворить их невозможно, ад — это внутренний огонь страстей. Все, что написано в Священном Писании, истинно, и если человек уходит в ад, то он становится похож на беса, и когда его изображают, то эту схожесть как раз и отражают. Вот эта схожесть больше проявляется в душе, то есть мечтательность не в самом грехе, не в этом. Есть икона Страшного Суда, на которой изображены блудницы в человеческом лице — он не изменился, а это не так. У человека меняется душа. Поэтому изобразить на иконе человека, который находится в аду в человеческом облике, можно, если концентрировать внимание на самом грехе, который он совершал, но если заострить внимание на душе, на страсти, которая его поработила и свела во ад, то изображение будет другим.

Помню, у нас в Кутлумуше был иконописец из Салоник. Он расписывал новую трапезную и так талантливо ее расписал, что на стенах трапезной запечатлелась вся история Афона. Он изобразил и историю монастыря Ксиропотам, время католической экспансии на полуострове, когда братия монастыря приняла папскую унию. Он изобразил этих отцов в аду. Они похожи на обезьян — яркие бороды, все коричневые такие. Афониты говорят, когда они умерли, земля их не приняла, их останки по поднятию из земли были черными, и позже их выкинули в море. Иконописец изобразил их внутреннее состояние, их души, то есть как он видел их внутренними очами в аду, так и изобразил.

В истории Ксиропотама есть еще один момент. Там в главном храме в честь сорока Севастийских мучеников из-под престола росла виноградная лоза, и на их день памяти она плодоносила. Братия эти ягоды срывали и раздавали молящимся, и те получали от них исцеление. Но после принятия унии она перестала цвести и совсем засохла. Так явно проявился гнев Божий в отнятии этого чуда у монастыря за отступление от православия.

Еще одна чудесная лоза на Афоне растет в Хиландарском монастыре. Ее корни идут из-под храма, где стоял гроб преподобного Симеона Мироточивого. С ней связано пророчество о том, что братия должна жить и спасаться на Афоне до тех пор, пока лоза растет и плодоносит, а когда она засохнет — надо уходить со Святой Горы. Думаю, что существует некая параллель между двумя этими лозами — Ксиропотамской и Хиландарской. Православие — истинная и спасительная вера, и если умирает вера, то и жизни нет. Покров Божией Матери над Афоном будет до тех пор, пока там будут вера и любовь, а значит, можно будет жить и спасаться. Подобное пророчество есть и о Пюхтицах. Дорогой батюшка Иоанн Кронштадтский говорил: «Пюхтица достоин до Второго пришествия, если не прогневае Матерь Божию». А Матерь Божию можно прогневать только тогда, когда оскудеет любовь. Без любви наша вера пуста. Без любви монах — это музейный экспонат, поэтому будем беречь любовь, а с ней и присутствие Матери Божией. Мы ведь ее дети, и нам без нашей Маменьки никак.

— *Можно вопрос? Вот вы говорили, что монах должен вкушать одиночество, а мне скучно без людей, одна я даже в келье не могу жить.*

— А ты, пожалуйста, живи с людьми, тебе такое послушание.

— *Мне с людьми хорошо, а без людей я с ума сойду. Из меня монахиня не получится.*

— Как это не получится?

— *Мне без людей скучно и плохо.*

— Живи, пожалуйста. Это у тебя такое устройство. Посмотри,

сколько в истории Церкви было святых, посвятивших свою жизнь ближним. И странноприимные дома открывали, и за больными ухаживали, и братию окормляли.

— *А еще вопрос... Вы говорили про волю Божию. Но я не очень поняла, что значит свою волю подчинять чужой?*

— Чужая воля может быть разрушающей и созидающей. Та воля, которая направлена на удаление от Бога, разрушающая любовь в человеке, не должна вами приниматься, ее нужно отвергать. Эта *разрушающая*, дьявольская воля, в свою очередь, тоже делится на два вида. Первый — когда тебя в какие-то духовные рамки загоняют, навязывают другой дух. Второй — когда предлагают тебе страстные или материальные пожелания. Вот такое нельзя принимать, такой воле нельзя подчиняться, и от этих людей надо удаляться.

Другой вид — *созидающая* воля. Эта воля направляется через людей, животных и события, которые с нами происходят. Через все это действует воля Божия. Когда человек все случающееся с ним — и радостное, и скорбное — принимает, как от руки Божией, он от этого приобретает смирение. И когда человек готов на исполнение воли другого человека как своей собственной, то он от этого тоже смиряется. Даже когда муха бьется в форточку и хочет вылететь — человек откроет ей форточку — и от того будет смиряться и обретать любовь. Вот такая воля созидающая, она во всем и везде, потому что так устроил Бог этот мир и спасение людей, что человек должен забыть свое «я», уничтожить свой эгоизм через исполнение воли Неба. Дьявольская воля совсем другая, она обесценивает жизнь человека, ставит его в зависимость от каких-то вещей и страстей, чтобы человек не был подобен Богу. Мечтательность в голове и озлобленность — это уже дьявол, его работа. Состояние депрессии — тоже. У Бога всегда мир и покой. Есть еще и третья воля — человеческая, которая чужую волю перерабатывает или в Божию, или в дьявольскую так, что в конце концов она сливается, сродняется с одной из них и невозможно отличить, Бог это или дьявол. Человеческая воля бытовая — поесть, попить, куда-то сходить; сама по себе она не может

существовать и прилепляется, соединяется с другой волей, потому что природа души соткана из любви, а любовь сама по себе жить не может, ей нужен предмет или личность для любви.

— *Вы про страх Божий говорили, про исихию. А если обычной, бытовой жизнью живешь, вот мы в постриге, но нас все равно искушает враг?*

— В твоём состоянии это должно быть, это нормально. Здесь вражьих нападений смущаться не надо. Главное, чтобы душа во время этих искушений не озлоблялась, этим не жила, не осуетилась. В общем, делай все, что хочешь: молись, ешь, спи, только чтобы не озлоблялась. Выйдешь на эту отметку покоя, потом быстро пойдешь дальше и исихия будет, и память смертная, и все прочее.

— *Батюшка, а мечтательность сразу отсекает нужно?*

— А ты хочешь еще в ней побыть, поуслаждаться?

— *Я понимаю, что нужно сразу отсекать, но это же не всегда получается.*

— Старайся сразу, потом тебе самой легче будет. Если сразу не получается, не отчаивайся, но из этого все равно выходи, а главное — сердцем этого не желай, борись с этой прелестью.

— *Батюшка, бывает просто не успеваешь, так всего много. (Смеются.)*

— Ну, тренируйтесь. Вы знайте сам процесс, как он начинается. Начинается от сердца, не от ума: если ты вступаешь в контакт с каким-то помыслом, если принимаешь его, то появляется мечтательность. Она не может появиться на голом месте, возникнуть ниоткуда, то есть в сердце эти чувства есть, и когда приходит какой-то помысел, оно начинает переживать, с этим соединяться, появляются картинки, раздуваются чувства.

Святые отцы всегда говорили о борьбе с мечтательностью и трезвении. *Трезвение* — это видение своего сердца, наблюдение за ним. Они всегда охраняли свои чувства, не давали сердцу реагировать на греховные помыслы, отвечать им и жить ими. И вот этот момент пресечения своих чувств, не мыслей, а чувств — ты пресекаешь движения сердца, когда оно идет навывлет — это всегда скорбь, потому что ты его ломаешь, не даешь ему испол-

нить желание. Так вот, если этой скорби нет, то ты не молишься, не трезвишься, ты не живешь. Самое главное, чтобы вы ощутили, что там, внутри вас, происходит эта ломка, эта борьба с самим собой. От этого появляется чистота сердца, смирение, вопль о помощи к Богу, чувство Его присутствия и заступничества и в конечном итоге — любовь к Богу и людям.

— *Еще хотела спросить... Вот живешь, и бывает, что устаешь от этой духовной жизни, от трезвения, от напряжения этого, от того, что все время нужно за мыслями смотреть.*

— Но без этого никак, в борьбе — наша жизнь.

— *Порой хочется просто отдохнуть от этой борьбы.*

— Наш отдых заключается больше в том, чтоб какую-то радость почувствовать, какую-то пустоту. Если бы душа с самого начала монашеского пути привыкла к скорби, почувствовала вкус сладости борьбы, то она сама искала бы этого.

— *А если не привыкла?*

— Тогда нужно себя приучать. Понимаешь, без трезвения ты все время будешь валяться в грязи, которую тебе будет подавать дьявол. Ты сама от этой грязи устанешь, она тебе надоест. Пока молодая, ты можешь себе эту скорбь приобрести, можешь себя переламывать, потому что есть силы на это. Когда человек в возрасте, то у него и духа такого нет, и желания с собой бороться. Что несет эта жизнь, тем он и живет: хорошее — хорошим живет, плохое — живет плохим. Нет этой борьбы, вот этих чувств, ревности по Бозе. Это, знаешь, как раньше лошадей тренировали на войну? Трубы звучали, кровь им показывали, и от этого они прямо разгорячались. А когда приучили этих лошадей, то они в битвах, как танки, шли. Они уже ничего не пугались, и сама кровь, которую они видели, их еще больше разгорячала. Так же и здесь. Когда человек вступает в какую-то битву со своими страстями, когда начинает их ломать, вот тогда сама эта битва, сама ломка должна человека еще больше разогреть.

А у нас проблема такая: мы этой борьбы не чувствуем или хуже того — не знаем. Как мать Афанасия говорит: «Я устала». Неправда. По большому счету, вот этого понятия борьбы или

пути у нее нет. Она просто устала от самой себя, от непонимания что делать, в котором она живет. Терпит, просто живет, выплывает, а самой борьбы нет. Что такое борьба? Внутри это чувство ревности, когда человек целенаправленно хранит свою любовь, а если этого нет, то он как слепой котенок — там стукнется, сям стукнется. Это не боец, он не чувствует борьбы.

От разгоряченного духа ревности человек сам хочет в эту ломку страстей, душа сама тянется и от этого становится аскетичной. Помните, мы говорили, что у греков на иконах святые отцы изображаются аскетами, передается этот дух ревности, строгости и жесткости ко греху. У православных в России святые изображаются в созерцании, то есть итог этого пути трезвения и аскезы — уход из этого мира к Богу. Вот греки сами по себе очень темпераментные, кровь прямо горит в них, и когда они вступают в эту битву, то разгорячаются. Вот эта битва с дьяволом их разгорячает. А вот когда этого опыта борьбы нет, человек дьявола не чувствует. Поэтому преподобный Иоанн Лествичник и говорит: «Если человек не возненавидит дьявола, то он никогда не возненавидит грех и не освободится от своей страсти».

Мне вопрос задавали: «Батюшка, когда слышишь о чем-то падении, грехах, то как этого человека пожалеть, как ему сопереживать?» Во-первых, за этим грехом нужно всегда видеть дьявола. Если ты дьявола не видишь, а видишь само событие, у тебя будет работать только ум, а сердце будет молчать, и ты никогда за этого человека не сможешь помолиться, ты никогда не сможешь ни сам любовью к Богу возгореться, ни этому человеку помочь. Во-вторых, нужно не только в этом несчастье человека видеть дьявола, но и чувствовать гнев. Вот этот гнев на дьявола должен отторгнуть то зло, тот грех, который совершил тот человек, и отторжение этого зла делает человека чистым. Тогда он в твоих глазах становится «впавшим в разбойники», а ты — самарянином. Вот так человек, который видит падение другого, начинает молиться за его грехи: один выпивает, другой еще что-то, и он видит словно избитого разбойниками человека, обнаженного, несчастного, израненного, умирающего. Он его взваливает на

своего осла, везет в гостиницу и делает все, что нужно. А если б он начал думать о том, а что это за человек, что он натворил, за что его побили, он не смог бы стать его ближним. Поэтому умейте отделять грех от человека и тогда сможете принять его и молиться за него. В общем, исполните заповедь — любите грешника и ненавидьте грех.

Вернемся к уже сказанному... Напряжение, усталость и нервозность происходят не от того, что вы боретесь со своими страстями, не от трезвения, а от своеволия и гордости. Напряжение от трезвения приносит радость и внутреннюю насыщенность, а ваше напряжение — это уныние и озлобление. Поэтому давайте свои чувства исправим покаянием и послушанием.

— *Вот вы про привязанность говорили, а привязанность даже не к месту, а вот, например, к монастырю? Это тоже греховная привязанность? Если человек ощущает только это место своим?*

— Привязанность к монастырю, к сестрам — это все нормальные чувства. У каждого человека есть свой родной дом. Так и у человека, который пришел в монастырь, это чувство родины, чувство дома есть.

— *То есть оно не греховное?*

— Оно не греховное, но есть выше ступень, на которую человек должен взойти. Когда человек поднимается выше на ступеньку, он начинает уже искать волю Божию, а не свои чувства. Пока ты не взошла на ту ступеньку, твои чувства благодатные, хорошие, Божии, живи ими, спасайся, и они будут спасать тебя. Но когда взойдешь на другую, Господь тебе Сам это откроет или через настоятельницу, или через духовника, или другим образом, если это нужно будет для твоего совершенствования и спасения.

— *Вы говорили про чтение и пение в храме. Тут одна сестра была, сейчас ее нет в монастыре, она спустя несколько лет ушла. Я однажды слышала запись ее чтения в келье, записали, как она акафист читает. Такое одухотворенное чтение, а в храме она читала более дежурно. Я как-то спросила, почему такая разница, и мне объяснили, что она стесняется высказывать свои чувства.*

— Я не слышал эту запись, но обращать внимание на чувственность в чтении и пении нельзя.

— *Но такое ощущение, как будто человек с Богом разговаривает.*

— Не буду спорить, но есть какие-то правила чтения и пения, вы их тоже должны иметь в виду и исполнять.

— *Простите.*

— Сегодня в храме кто-то читал акафист Иисусу Сладчайшему с чувством, с толком, с расстановкой — так читать нельзя. Свои чувства изливайте на исповеди, у себя в келье, а в храме не надо. Душевности, такой чувственности при чтении не должно быть.

— *А если читаешь за послушание, с чувством долга, и какая-то внутри пустота. А вы говорите, что нужно понимать, что читаешь и что поешь, чтоб этой пустоты в душе не оставалось?*

— Послушание не ради послушания, а ради смирения. Если читаешь, поешь со смирением, то твоя пустота наполнится духом Божиим, даже если ты был невнимателен. Ваш труд тщетным не останется, только делайте его для Самого Господа.

— *Когда слушаешь, как-то вникаешь помаленьку, а часто бывает, что читаешь, думаешь, как бы правильно прочитать да не сбиться, и уже ничего сам не переживаешь, не испытываешь. Ну, будто тогда вообще не молишься.*

— Не надо бояться читать, это по первости может быть такое, а потом привыкнешь и не будешь замечать людей, будет только Бог и ты.

— *Иногда переживаешь, что читаешь, а иногда пусто, мимо все идет, только тра-та-та и все, прочитал и не помнишь, что прочитал.*

— С самого начала нужно отключиться от всех дел, тогда и читать будешь спокойно, а в покое и внимание есть, и чувства внутрь собираются.

— *Батюшка, скажите, пожалуйста, про жертвенную любовь. Какая у нас должна быть любовь к Богу и к людям?*

— Есть две любви: человеческая плотская и Божия. У каждого человека Божьей любви хоть зернышко, хоть капелька, но есть.

Всегда нужно, чтоб она развивалась, а наша мирская умирала. Если ты будешь давать своей любви ход, а Божию заглушать, возникнет проблема.

— *А как их различить?*

— Плотская любовь — это чувственная любовь, поэтому, когда у тебя возникают какие-то чувства к Богу, если в этом есть эта страстная любовь, то это не от Бога, и если думать, что это Божия любовь, то это прелесть. Не должно быть такого, это обман. Все секты, казалось бы, уходят от плотских грехов, но эту плотскую жизнь они переносят во внутреннюю. Они хотят тех же чувств, эйфории в душе, если можно так сказать, греховного экстаза, но без самих грехов, а от этого в человеке только гордость растет: «Я не грешу, и у меня столько любви...». Да, именем Христовым они могут возбуждать в себе *плотность* такую. Так может быть, но это неправильно, это прелесть.

— *Но как же в жизни бывает вот эта плотность? На самом деле не понимаю.*

— Вот эта плотская любовь, она всегда дает о себе знать чувственностью, когда сердце начинает играть, — это нехорошо. Духовная любовь — это всегда страдание, это крест; ее всегда различишь. В литургии человек тоже соединяется с той Жертвой, которая совершается. Христос страдает, любовь всегда связана со страданием. Если страдания нет, нет вхождения твоей души в душу другого человека. Если ты не сопереживаешь, не понимаешь его, ты не будешь его и любить. Когда человек страдает, то понимает, что на душе у другого, какую он боль терпит, какое отчуждение от Бога претерпевает, и от этого он начинает покрывать любовью его немощи, его недостатки, его озлобление, понимаешь? Поэтому первое, что нужно для обретения любви и для того, чтобы быть нормальным человеком, — это понимание, умение проникать в душу другого человека.

Если ты начинаешь что-то доброе делать, любить, не прочувствовав другого, не поняв его, ничего не получится. Ты всегда этого человека загонишь в какие-то рамки, и сам от этого повредишься. Вы на послушании сталкиваетесь сами с собой, друг с

другом. И понятно, происходят какие-то конфликты. Чувствуете, что человек что-то делает не так, что-то неправильно говорит и так далее, встаньте на его место, поймите, почему он хочет именно так, поймите, где его зацепил дьявол. И когда вы этому человеку будете сопереживать, понимать его, тогда покроете его немощь. Можно с ним жестко говорить или неприветливо, но любовь от этого не исчезнет, ты не озлобишься на него. А если ты его душу в рамки какой-то правды определяешь, это признак, что ты не нашел этого человека, твое «я» осталось без любви, и ты этого человека отстранил от себя. Твое «я» должно растворяться, его не должно быть. Спасение – это растворение нашего «я», избавление от своих страстей. Хуже всего, когда человек начинает подгрести под себя, чтоб ему хорошо было, а остальное его не интересует – мне так надо, я так хочу. Вот в чем проблема.

— *Сейчас что-то становится понятным.*

— Только умеете увидеть дьявола, который вот этого человека цепляет, погружает его в свою волю, и умеете в человеке отделить то дьявольское, злое, что в нем есть, от Божьего, святого. Всегда любите душу человека, потому что она любима Богом, а вы дети Божьи, значит, одного духа с Богом. И вы должны иметь такую же любовь, что и Бог. Не может чадо Божье ненавидеть другого человека, это не в его природе. Но если ты имеешь какую-то озлобленность на другого, то у тебя повреждение, и это большая проблема.

И когда ты уйдешь с этой земли, уврачует ли эту проблему Бог? Нет. Когда спрашивают о человеке, спасся он или нет, в первую очередь задается вопрос: «А была ли у него озлобленность?» Поэтому первый признак нашего спасения – любовь. Вот каждого за руку взять и спросить: «Имеешь ли ты какое-то озлобление?» Если ответит: «Да, имею», то не готов. Я не спрашиваю, молится он или нет, ходит в храм или не ходит, причащается ли, исповедуется, – не об этом я говорю. Говорю лишь об одном – есть ли в тебе злоба?

Помню, учился со мной батюшка один, память у него фотографическая была, но была и немощь – любил он заложить за

воротник. Но, несмотря на свой недуг, очень благодушный был. На него кричишь, дергаешь, еще что-то — ноль эмоций, никогда не раздражится, не рассердится. И вот поехал он как-то в Печоры, в монастырь. Ходит по монастырю, смотрит, и неожиданно из храма выходит отец Иоанн Крестьянкин, идет прямо к нему и так радостно: «Ой, кто к нам приехал!» и давай его обнимать, целовать. Тот не поймет, прямо расцвел и потом всю свою жизнь вспоминал, как отец Иоанн встретил его как родного, как самого любимого человека. Видите, какая у отца Иоанна душа: когда она любит, то последнего грешника с такой любовью и заботой принимает, что поток этой любви к грешнику еще больше, чем к праведному человеку, потому что душа ему сострадает и хочет, чтоб он спасся. Поэтому старайтесь и вы в себе иметь такой дух, такое незлобие, любовь и простоту. Тогда все мы спасемся и будем всегда с Богом, в Его любви и доброте.

— *А вот если один сказал что-то плохое или сделал, а ты видишь это и в душе появляется несогласие?*

— Больше всего бойтесь правильных помыслов. Правильные помыслы — ошибки сестер. Они начальников раздувают так, что, кажется, хуже этих людей нет на земле, — это дьявол. Понятно, что в голове у тебя возникнет мысль, что вот так правильно, но ты на этой мысли не заикливайся, иначе пищу дашь для гордости и сердце очерствеет и озлобится. Берегите себя. Любовь с правдой не стыкуется — с ложной, уставной правдой. Когда я в монастырь пришел, тоже поначалу по такой правде жил. Видишь, что кто-то что-то не так делает и начинаешь себя накручивать, доводишь до озлобления. Неправильно это, сначала любовь прививается, а после — правда и все остальное.

— *А если с любовью замечания делать, спокойненько так?*

— Спокойненько так всех пропесочишь. (Смеются.) Да, есть сестры, которые только и могут песочить, по-доброму, по-хорошему, но песочить. И это нормально. Не обижайтесь на них, они по характеру такие.

— *Это я, батюшка, такая.*

— Так и оставайся такой. Хорошо, скоро уже в храм идти.

— *Время, проведенное в церкви, — самым лучшим образом проведенное время.*

— *Ладно, давайте помолимся.*

27.09.2007 г. Пюхтица

Беседа пятая

Вот опять мы собрались все вместе, и я хотел бы поделиться с вами своими впечатлениями. Был я в Гефсиманском скиту, который раньше был скитом Пюхтицкого монастыря, за деревней Яама. Место, конечно, очень хорошее, красивое, чем-то похоже на Валаам — как островок среди болот и сосен. Сестры когда-то посадили на этой полянке сосны, теперь они выросли — такие большие, красивые. Корпус, где сестры жили, остался, а храма и других построек уже нет.

— *Говорили, что там на Погребение всегда служили.*

— Да, место очень красивое, очень намоленное, но сейчас для монашеского жития не пригодное, потому что обжито мирскими людьми. Вот здесь, в Пюхтицах, все время народ, все время суета, но те люди, которые приходят сюда, не нарушают эту молитву, они не довлеют над этим местом. А туда, как только монашки ушли, дачники пришли и проложили там свою колею, насадили свой дух, и нам под них подстраиваться не нужно. Никакая чужая воля, которая разъединяет нас с Богом, не должна доветь над нами. Монахи никогда не должны терять внутренней силы, должны быть похожи на воинов: сгруппированы, всегда в форме.

Хочу рассказать вам о книге — в Греции вышел трехтомный Великий патерик. На русском языке выходил Древний патерик, но он был краткий, а у них вышел полный. Братия афонского скита Новая Фиваида перевели какую-то часть Великого патерика, которая не вошла в Древний патерик, и напечатали небольшую книжечку. Я хотел бы самые интересные моменты из этой книжечки зачитать и над ними с вами вместе поразмышлять. Авва Феофил, архиепископ, приближаясь к концу сво-

ему, молвил: «Блажен ты, авва Арсений, что всегда помнил об этом часе», то есть о своем конце. Вот это тоже сущность монаха, неотъемлемая черта его мироощущения — постоянная память о том мире, в который ты уйдешь. Если у человека, приходящего в монастырь, молодого или старого, нет памяти о том, что он должен уйти с этой земли, должен соединиться с Богом, то он никогда не станет монахом, никогда до глубины души не соединится со Христом, потому что останется в расхлябанном состоянии и будет жить пустотой этого мира.

Святые отцы всегда говорили, что этот мир не идеален, он обманчив. Когда соприкасаешься с людьми, у которых кто-то уходит из этой жизни раньше (дети или кто-то еще), то замечаешь, что они сами начинают ощущать нереальность этого мира — человек, который моложе, здоровее, который должен жить да жить, уходит, и от него остается один холмик. Вещи какие-то, его улыбка на фотографии — все это есть, а его самого нет. Когда человека постигает такое несчастье, он на этот мир смотрит уже нерадостно, этот мир становится пустым. Без любимого человека, без его любви, без его души красота и радость этого мира становятся преходящими, ненужными, и человек уже не может жить и радоваться, как он радовался при жизни родного, близкого, которого сейчас уже нет. Вот после этого человек и начинает чувствовать, осознавать, что этот мир преходящий, исчезающий. Если человек мудр, если человек задумывается о чем-то, то в этих потерях он начинает находить Бога, начинает находить другую жизнь, да, печаль будет, но эта печаль уже не безысходная, не тупая, человек ее уже ощущает, как временное явление, и понимает, что Там она исчезнет, потому что он соединится со своими близкими.

Вот это памятование о смерти, о своем уходе из этой жизни должно быть всегда, а если его нет в монахе и в христианине, то человек начинает рано или поздно, хочет он того или нет, заземляться. И человек становится уже не человеком, а вот этой землей. Если в монашеском сердце нет памяти смертной, то оно остается пустым, даже если он живет в монастыре. И когда ты

соприкасаешься с таким человеком, то чувствуешь исходящий от него холод. Он может быть искусным поваром и каким-то мастером, но он будет земным человеком. Душа насыщается только Небом. Все страсти только опустошают душу человека, он становится голым и пустым. Одна только память о том, что я должен уйти, согревает душу, делает ее более сжатой, целеустремленной и живой, дает трезвение, какую-то печаль и сохраняет душу от привязанности к человеку или вещи какой-то, сохраняет душу в самой себе. Только в этом состоянии человек может стать монахом и соединиться с Богом. Вот об этом состоянии, об этой памяти о своем уходе, о своей смерти я хотел сказать в связи с этими святоотеческими словами.

Другое повествование. Отцы рассказали, что однажды, когда братья вкушали на трапезе любви (по всей видимости, это была литургия), один из них рассмеялся. Увидел его авва Иоанн и молвил со слезами: «Что же имеет брат сей в сердце своем, что рассмеялся, когда должен был скорее плакать, когда вкушает саму любовь?» Здесь речь идет о том, с какими чувствами, с какой душой человек должен подходить к Святому Причащению, о том, что никакая мысль, никакое чувство не должно рассеивать ум. По какой причине человек может рассмеяться? Или из своей жизни что-то вспомнил, или обратил на что-то свое внимание, рассеялся и рассмеялся. Здесь речь о том, что человек во время соединения с Богом должен быть всегда собранным, о том, что нельзя обращать внимание на пустые вещи, пусть и хорошие, но смешные, не обязательно плохие — человек должен быть собран. Если этой собранности не будет, то человек — пустышка. Опять мы говорим о пустоте и как ее преодолеть, опять возвращаемся к памяти смертной, так как она *собирает человека внутрь*. Главное — не быть рассеянным, иметь в своем уме, в своем сердце, в своих чувствах лишь память о Боге, о Царстве Небесном, и тогда к Чаше подойдешь достойно. Человек никогда не должен забывать, что он вкушает любовь.

И отец Иоанн говорит, что брат рассмеялся, а он должен скорее плакать, когда вкушает саму любовь, ту любовь, которая

всегда имеет привкус страдания, привкус жертвенности. Любовь страстная всегда эйфорию приносит, воздушность и легкость. Любовь Божия включает в себе тоску, плач. И невозможно иметь и страстную любовь, и духовную. Слезы внутренние должны быть в душе. Достоинно подходить к Чаше может только тот, кто собран, не имеет пустых помышлений, кто имеет покаянное состояние души и осознает, чего он причащается. Мы говорим: «Причащается Тела и Крови Христовой», и святой отец говорит, что человек вкушает саму Любовь — между Иисусом Христом и Любовью стоит знак равенства. Мы говорили, что Евхаристический канон невозможно логически и душевно сопоставить с мажором, песнопение мажорное — с жертвой, когда проливается кровь. Песнопения должны формировать душу человека, должны настраивать его на взаимную жертву любви, возбуждать в нем покаянные чувства, чтобы человек мог достойно причаститься Христовых Таин.

В душе человека есть любовь, каким бы падшим он ни был. Зерно любви у человека обязательно, поэтому это зерно, эту ниточку всегда можно затронуть или песнопением, или каким-то словом, как-то прикоснуться к ней. Душа расцветет, настроится на тот лад, который ты ей задаешь. Мы уже говорили, что Божественная литургия совершается постоянно Там, на Небе; мы просто входим в эту литургию, и происходит соединение Неба и земли, Небесной и земной церковью. Молящиеся они входят Туда, и мы видим тех ангелов, которые зрят Бога. Все храмы, в которых совершается Божественная литургия, входят в одну вневременную Небесную литургию. И непонимание вот этого момента Божественной литургии накладывает свой отпечаток. Человек приходит в храм, присутствует на службе, но словно не участвует в ней, не сопереживает ей. Внешняя жизнь, к сожалению, становится отражением нашей внутренней.

Все песнопения появились неспроста, они рождены внутренним состоянием людей глубоко церковных и светских. Песнопения церковных авторов всегда настраивают на покаяние и внимание; светские авторы — Мусоргский, Чайковский — свои

произведения писали в общем-то для людей светских, поэтому в их сочинениях много витиеватостей, красоты внешней, мажора. Уже тогда начиналось растворение, непонимание того, что происходит, но хуже всего то, что это вошло в обиход, в жизнь всей Церкви. Через Церковь проходит многое, через Ее призму. И даже сама Церковь многие вещи, которые были неприемлемы до какого-то момента, освящает, но мой помысел говорит, что не может Церковь принять и освятить того, что Ей не по духу, того, что не соответствует действительности. Такие песнопения говорят о непонимании духовного мира, в котором мы живем, о непонимании того, с Кем мы соединяемся (а соединяемся мы с Любовью), о непонимании этой Любви. Преп. Серафим Саровский всегда при встрече говорил: «Радость моя, Христос Воскресе!», он радовался душой, но это не значит, что у него всегда внутри был мажорный настрой. Наоборот, от этой печали, осознания своего недостойнства и постоянного пребывания в памяти Божией и происходит радость соединения со Христом. В этом состоянии души всегда переплетаются радость и печаль, но настрой на соединение с Любовью должен быть все же через скорбящее сердце.

Я уже рассказывал вам, что на Афоне в Великую Субботу при погребении Спасителя читаются три статьи. У греков внимание, конечно, сосредоточено на тропарях, и пение помогает проникнуть в смысл происходящего. У русских тропари читают. Да и само погребение — это же оплакивание Тела Спасителя женами мироносицами, традиция оплакивания умерших издревле существовала на Ближнем Востоке. Первые две статьи звучат в миноре, возбуждая в душе тугу и скорбь по умершему Спасителю. А вот третья совсем другая, она уже звучит в мажоре, и, если посмотреть, тропари в ней очень короткие, то есть они провозглашают славу, поют гимн, прославляют победу, которую совершил Христос над дьяволом, сойдя во ад. Песнопения любви соотносятся с тем, что происходит. Пусть я не вижу этого глазами, но это есть, и моя душа настраивается на то, что происходит Там, на Небе. Мы знаем Христа благодаря Евангелию, но мы и в Святом причастии соединяемся с Ним, и святой отец

говорит о том, что мы соединяемся с Любовью, то есть в себе самом нужно найти эту любовь Божию, хоть маленькую, хоть капельку, но почувствовать ее и понять. Если человек ни разу эту капельку не прочувствовал, не прогнал через свои чувства, свое сердце, свой ум, до Бога он никогда не дойдет, Бог будет где-то далеко. И он будет воспринимать Бога своей пустотой: ну вот, я пришел в церковь, свечку поставил, а что дальше? Или будет воспринимать Бога своим страстным сердцем, своей страстной любовью, и это будет прелесть, это уже будет проблема.

Почему в церкви много людей прелестных? Потому что они приходят уже со своим сложившимся миром, своими впечатлениями; они приближаются к Богу — Церковь предлагает им Бога, Христа, но у них другое внутреннее состояние. И если человек будет жить в своих заблуждениях и развивать в себе чувства, которые совсем не от Бога, то он погибнет. Поэтому все свои ветхие страстные чувства надо отвергнуть и принять Христа, Который есть на самом деле, а не которого мы хотим видеть своими падшими чувствами. Христос познается через любовь. Апостол Фома познавал Бога через осязание, а мы познаем Его через любовь. В наших храмах и в Священном Писании есть слова: «Ведомому Богу», то есть опытно познаваемому Богу, Тому, Который внутренне ощущается нашим сердцем, и Его нужно искать там, в глубинах нашего сердца. Но пока человек не отвергнет свою грязную, нечистую любовь, он не соединится с любовью Божьей. И, бывает, слышим: «Батюшка, как Христа познать?» А вот так. Пока ты любишь себя, пока гребешь под себя, живешь своим «я», ты никогда не соединишься с Богом. Бог есть в тебе, но нужно, чтоб Он рос, как плод в утробе матери, Он должен развиваться внутри человека, но для этого человек должен жаждать Его, хотеть, чтоб Он вышел на свет, чтобы Он родился в нем. При рождении человека семя Христа закладывается в его душу.

Согласно богословию, учению Православной церкви, даже если человек умирает и сходит в ад, это духовное семя Христа остается у него до Всеобщего суда. Почему? Потому что если у него сохранилась хоть капля любви, даже к родным и близким, то любовь

может жить и расти и через эту любовь Бог может вывести человека из ада, то есть может происходить изменение состояния человека: из пустого, отторженного от Бога — в новое, наполненное любовью. Вот такое можно извлечь толкование слов старца Иоанна.

Вот третье слово. Авва Исаак и авва Авраам жили в одной келье. Однажды авва Авраам вошел и увидел, что авва Исаак плачет, и спросил его: «О чем ты плачешь?» Старец ответил: «Как мы можем не плакать? Куда нам уходить? Наши отцы почил. У нас не достает рукоделия, чтобы оплатить проезд на корабле и поплыть повидать старцев. Теперь мы осиротели, потому я плачу». Весь святоотеческий путь лежал через старчество, через тех, кто приводил человека ко Христу, кто давал эти зерна любви, развивал ту любовь Божию, что находится в сердце человека. В Священном Писании есть слова: «С преподобным преподобен будеши <...> и со строптивым развратишися» (Пс. 17:26-27). Самое простое, самое легкое, когда человек черпает любовь, познает ее через другого человека. Через Священное Писание, труд, какое-то послушание тоже можно, но это очень трудоемкий и долгий путь, которым человек следует. Об этом отец плачет, об этом говорит: они умерли, а наших трудов не достает нам для того, чтобы мы могли пойти к отцам и опять почерпнуть вот эту любовь, через их дух.

Так и наши труды для спасения, пусть самые тяжелые и изнуряющие, будут малы в сравнении с послушанием у старца, потому что тут любовь Божия, смирение черпаются напрямую — из сердца в сердце. И если человек даже в самом неблагоприятном для спасения месте держится за старца, то он преуспеет гораздо больше, чем если бы он жил в самом благоприятном месте для спасения, но без старца. Когда просто пересекаешься со старцем, то благодаришь Бога за то, что Он Своей благодатью присутствует в людях. Любовь Божию познаешь по духовным людям, и после этого уже знаешь, какой она должна быть. На Афоне говорят: «Нужно идти подвизаться в тот монастырь, где сохранилось монашеское предание». Именно к тем, кто стяжал эту любовь к Богу, кто имеет ее, от кого можно ее почерпнуть, и надо идти.

Почему возникает много проблем во вновь открывающихся монастырях? Потому что таких кладезей любви не так-то много. Люди приходят в монастырь, хорошие люди, но не находят настоящего послушания и отеческого духа, и от того не могут развиваться. Это тоже проблема. В Пюхтицком монастыре есть у кого почерпнуть, у кого перенять дух смирения и любви. Не в каждом монастыре, к сожалению, этот дух можно почерпнуть. Конечно, если обращать внимание на плохое, его везде можно найти, но этим жить не надо. А вот крупицы благодати, крупицы любви Божьей здесь есть, и вы их собирайте. Да, человек может вмещать в себя и плохое, и хорошее, но как мудрый человек он будет сохранять лишь хорошее, а плохое оставлять. Глупый будет все черпать: и плохое, и хорошее — как пылесос, но нам такого не надо. Надо черпать только доброе и хорошее. Еще авва Иаков сказал: «Как светильник, поставленный в темной комнате, освещает ее, так и страх Божий, когда вселяется в сердце человека, просвещает его и научает всем добродетелям и заповедям Божиим». О страхе Божьем старцы много говорили: это чувство присутствия Божьего, без него нет молитв, без него нет любви, это чувствование всевидящего ока, присутствия Божьего внутри себя и вне себя. И святой отец указывал на этот страх.

У святых отцов есть такое выражение: вера начинается со страха Божьего. Без страха Божьего веры нет, и тот, кто из вас начинает терять страх Божий, начинает терять чувство присутствия Бога, начинает терять веру. Ко мне на исповедь приходят мирские, монашествующие и говорят: «Батюшка, такая пустота, как бы неверие такое». Ничего с этим не могут сделать. Это первый признак потери страха Божьего, потери чувства присутствия Божьего. Потерять легко, а приобрести очень тяжело. Мирские условия, в которые попадает человек, начинают давить и разрушать этот страх Божий в человеке. Приходишь домой к маме, к папе, там любовь и гостинчики, мороженое, пирожное и все прочее, кругом любовь, тебя обнимают, целуют — как сыр в масле катаешься. Но такие условия начинают разрушать чувство присутствия Божьего, когда человек погружается во все это, на-

чинает этим жить, то теряет это чувство. Сколько от сестер слышим: домой приезжаешь, день, два и все — назад в монастырь. Мама в слезы — только приехала и уже уезжаешь, но она не понимает, что душе плохо, пусто.

Вспоминаю отца Гавриила покойного, что в Абхазии подвизался. Приехали мы в Красную поляну, пошли в дом к батюшке ночевать, а он — рюкзак за спину и в лес. Клеенку достал, балаганчик себе поставил, костерчик внутри развел, так там и переночевал. Никого нет, спокойно, тихонько, полная исихия. Кто уходил в отшельничество, тот уже в таком общежитии не может жить, он там только по нужде прибывает. И он, когда приходил к отцу Науму за благословением и советом, то в какой бы монастырь батюшка его ни посылал — он не может, у него уже душа привыкла к одиночеству. У него в Абхазии келья была, называлась Ласточкин хвост, прямо в горе, а под его кельей змеи жили, гнездышки их там были. Вечером уныние находит, он выходит из келии, на выступ садится и начинает кричать. Луна да горы его только и слышат. Успокоился, опять в келью возвращается и ложится спать. И так продолжалось три года, а потом привык и уже другой жизнью жить не мог. Когда война в Абхазии началась, он ушел оттуда, скитался в России по монастырям, а потом вернулся, год или два прожил и поздней осенью как-то пошел к соседям, отцам отшельникам, через хребет. Пришел к ним, сколько-то побыл у них и стал собираться к себе, а погода испортилась. Отцы говорят ему: «Не ходи один, через пару дней пойдем вместе». А он: «Нет, нет». Все время в резиновых сапогах ходил. Когда отцы через пару дней пришли к нему — его нет; поняли, что куда-нибудь забрел. Они пошли, искали по горам, по тропам, но нигде не нашли. Значит где-то погиб, а тут и зима наступила. Весной, когда снег сошел, там, недалеко от кельи, его и нашли. Никто из зверей не тронул. Там и могилку выкопали на верхушке холма. От чего? Как? Может, медведь, а, может, и подстрелили — не определишь. Кто его знает? Там и охотники ходят. Это рядом с кельей случилось, он не мог заблудиться. Вот таким житие отца Гавриила было.

Можно еще это прочесть. Авва Лонгин сказал: «Пост смиряет тело, бдение очищает ум, исихия несет с собой плач, плач же омывает человека и делает его безгрешным». Все дела и добродетели: пост, бдение, молитва, которую мы совершаем в церкви, в келии — это очень здорово, очень хорошо, это смирение тела, но на первое место он поставил добродетель исихии. Исихия — это безмолвие, безмолвие дает плач, а плач очищает душу. В прошлый раз мы говорили о том, что человек должен вкусить свою однополовинчатость, скорбь от тишины с Богом, чтобы от этого вкуса родилась печаль по Бозе. Вот эту половинчатость человек может познать и вкусить ее только в состоянии исихии, безмолвия. Когда человек пребывает в какой-то суете, среди людей, он никогда не почувствует, что он одинок, что его душе нужна вторая половинка. Монаху его вторую половинку никто не должен заполнять, это место в душе предназначено Богу. И святые отцы указывают на это. Но путь к одиночеству лежит не только через исихию, основа этого пути — в послушании, в отречении от своей воли. В послушании человек должен получить это чувство одиночества, оставленности всеми, понять, какой он на самом деле, то есть познать состояние «только “я” и Бог»: одна моя половинка, а Божия — другая.

Это чувство присуще монахам, в супружеской жизни люди этого состояния не знают, они его познают, когда что-то теряют, но это уже другое, другая боль. Поэтому это состояние исихии, или одиночества, и уход в него, должно быть. Если душа жаждет какого-то безмолвия, то это естественное, правильное состояние, которое присуще каждому монаху и христианину. Если человек начинает искать, чем заполнить свое «я» — чем-то или кем-то, то он уходит от Бога, уходит от самого главного — спасения, поэтому практика безмолвия обязательно должна быть у каждой из вас. Если монах в своей жизни не практикует исихию, он не сможет стать монахом, каким он должен быть по призванию. Хоть какой-то час, какое-то короткое время человек должен побыть один, сам с собой. Если он этого не делает, если все время находится в кутерьме, в каше сует монастырских, то он не приобретает и не понимает, кто он и что он. Поэтому, пожалуй-

ста, те духовные качества, которые должен иметь христианин, монах, приобретайте, практикуйте их в своей жизни.

И как сказал святой отец, не аскеза главное, главное — безмолвие, к которому человек должен прийти путем послушания и скорбей. И только в этом состоянии человек понимает слова святых отцов, молитв, Богослужения, всего того, что есть в Церкви, потому что составлено все это именно в состоянии безмолвия. А когда мы находимся в состоянии постоянной взвинченности, то, понятно, что все Божьи слова не доходят до нашего сердца, наше душевное устройство не соответствует тем молитвам, которые мы читаем. Поэтому нам надо хотя бы немножечко уподобляться святым отцам в самоотречении. Если этого уподобления не происходит, мы с Богом будем говорить на разных языках. Для новонаначального несобранность, суета и пустота еще допустимы, но с самого начала нужно понимать, что это неправильно, чтобы такая жизнь не вылилась в пустую форму. Нужно понимать, что душа должна насыщаться, и когда человек становится на путь самоотречения, то в душе рождается печаль, которая и насыщает душу человека полнотой любви Божьей. Но ни в коем случае не оставайтесь в суете, не желайте себе каких-то душевных развлечений, чтобы заглушить одиночество. Иначе получится, как у святых отцов написано: «Приходим как ангелы, а уходим как бесы». Во многом это происходит из-за того, что человек заполняет свою душу не Богом, а житейской мишурой. Это неправильно, поэтому у человека должна всегда быть цель: я все это делаю ради Христа. Если в нашей душе не будет места Богу, то весь наш труд будет пустым, он не принесет пользы ни нам, ни другим. Даже в мире все, казалось бы, предназначено для блага людей и государства, но, когда люди забывают про Бога, все рушится и добро оборачивается злом. Бог — это фундамент, основа всего живого, без Него не будет ничего. Зная все это, будем стремиться к Его любви, к жизни с Ним и в Нем. Да поможет в этом нам Господь, потому что и Он Сам хочет быть с нами всегда и везде, и Он нас в Своей любви никогда не оставит. Давайте теперь помолимся.

02.09.2008 г. Пюхтица

Беседа шестая

Хочется сказать о происходящих в мире событиях и о Священном Писании, которое раскрывает нам книгу жизни: что должно быть, почему это происходит, и дает нам ответы на вопросы о происходящем и в нас самих, и вокруг нас. Постараемся посмотреть через призму Евангелия на нынешние события в Грузии, Осетии и России. Ни одна сторона не осталась безучастной, все как-то отреагировали на эти события. Какой можно сделать вывод с христианской точки зрения? В мире нет покоя, он в состоянии нелюбви — о Христе, о Боге практически забыли, об этом не говорят. Отношения выясняют, забыв про заповеди Христа, и своих целей добиваются без взгляда на Небо. Это означает, что мир приближается к своему концу, мир поражен безбожием.

В конфликте Грузии и Южной Осетии дошло до тактики «выжженной земли». Это гордые кавказские народы, и, если кровь пролита, они не забудут этого, не простят, поэтому политика Грузии очень простая — вырезать всех, в том числе стариков и детей. Боевики никого не оставляли, убивали всех.

— *Как может христианин такое творить?*

— Это не христианин. Это не православная Грузия, не христианская страна нарушила границы Осетии и начала творить такое. На такие злодеяния могут пойти только люди, чьи души изъедены национализмом — гордыней. Национализм поработывает ум. У националиста зло внутри не успокоится до тех пор, пока он не уничтожит того, кто приносит ему беспокойство, даже если он этих людей в глаза не видел. У каждого народа есть свои отрицательные черты. У русских, допустим, плотские: пьянство и прочее. Национализм, наверное, есть у всех народов, а гордыней он становится, когда люди чувствуют превосходство своей нации над другими. Национализм проявляется и на Украине, там эта зараза тоже есть. Если в сердце человека пустил корни национализм, то какие бы высокие идеалы он ни имел, как бы все ни исполнял (ходил в церковь, молился, добрые дела де-

лал), с этим злом он останется без Бога. Потому и устав говорит: если имеешь неприязнь, ненависть хотя бы к одному человеку, не можешь причащаться. Причастие будет тебе в осуждение. В Священном Писании есть слова о том, что в последние времена «восстанет народ на народ и царство на царство» (Мф. 24:7). И может это произойти только тогда, когда поднимется вот этот дух национализма, поэтому бойтесь любого проявления в себе национализма.

Но нужно быть готовым к любым событиям, которые могут произойти в мире, потому что многие страны, даже, казалось бы, христианские, отступили от заповедей, и Христос в них пребывает только потаенно. Поэтому во Втором послании к фессалоникийцам говорится о том, что «будет взят от среды удерживающий» (2Фес. 2:7). Наверное, удерживающий – это Россия. Это, возможно, последняя держава, которая может противостоять не только духом, но и силой физической всему тому злу, которое накапливается. Понятно, что тут необходимы мощь державы и святость народа.

— *Значит, скоро конец света?*

— Говорить о том, что скоро конец, не нужно, нет; нужно быть борцами, противостоять злу своим богообщением. Если не будем терять любовь к Богу и вот это богообщение, то не будет проблем. А паника, уныние, печаль – это не от Бога. Не нужно бояться этих событий. У Тютчева есть такая строчка: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Мы живем в благодатное время. Благодатно оно тем, что Бог к нам сейчас очень близко, и нам надо обязательно жить с Богом, волноваться о том, что происходит вокруг нас, за судьбы других людей, за свою душу. Душа не может остаться равнодушной к тому, что происходит. Когда Христос пришел в мир, то кто-то оставил суету этой жизни и пошел за Ним, а кто-то поступил иначе – отверг Христа, озлобился и стал равнодушным. Так и сейчас, происходящие события не оставляют человека равнодушным, он должен жить в ожидании пришествия Христа. Помню, во время учебы в Академии один из преподавателей говорил, что духовный подъем в

народе всегда ощущался, когда были актуальны идеи второго пришествия Христа, а упадок — когда чувство скорого пришествия угасало и человек переставал ждать личной встречи со Христом. Первые христиане причащались каждый день, потому что ждали Христа каждый день. Это чувство стало все больше угасать. Но святые отцы ждали Христа, для них времена всегда были последними, они каждый день готовились к этой встрече.

Самое большое переживание для нас — это Божественная литургия. Это всегда встреча с Богом, встреча со Христом, который приходит в Святых Дарах под видом хлеба и вина. Христос присутствует в Церкви, это Его пришествие в мир. И насколько человек переживает литургию, насколько он в ней участвует, настолько и душа его жива. Поэтому если человек приходит на литургию, приходит в храм, и у него нет мира в душе, его совесть нечиста, литургия пройдет мимо, он ее не поймет, не войдет в нее, не будет в ней участвовать и не будет к ней причастен. Литургия будет совершаться, батюшка будет служить, будут звучать церковные песнопения, а человек останется пустым. Поэтому первое условие — должен быть внутренний покой, мир в душе, праведность. Только смиренный человек может принять Бога, вступить в богообщение. Само покаяние для чего? Для того чтобы изменилась душа и смогла примириться с Богом. Покаяние — это всегда некая печаль, но оно наполнено и радостью, что Бог прощает твои грехи и принимает твое покаяние. И другое — человек в покаянном состоянии должен ощущать милость Божию, Его любовь.

Помимо того, что человек должен себя осудить, он должен еще и увидеть великую милость Божию по отношению к себе и ко всему миру. Святые отцы всегда говорили, что величайшее чудо происходит на престолах, когда хлеб и вино претворяются в Тело и Кровь Христовы — перед нами предстает Бог. Когда это понимаешь, то чувствуешь, что мы не достойны Его пришествия в мир и Его жертвы за нас: как бы мы ни готовились, как бы ни каялись, наша душа всегда будет не достойна Бога, не достойна Причастия, этого вхождения в Божественную литургию, в Царствие Небесное. Свою худость, свое недостойнство нужно обяза-

тельно чувствовать и, осознавая его, ты обретаешь милость Божию: Бог дает тебе Самого Себя, и ты можешь объять Его, принять в себя и быть с Ним. Вот на этих двух чувствах — своего недостойнства и любви Божьей — человек и может вместить в себя благодать Божию. Вспомните старца Ефрема Катунаского — когда он совершал литургию, потерял сознание и упал на престол. Думаю, что не столько от чувства худости и ничтожества своего он сознание потерял, а больше от любви Божьей, которую он воспринял, которую ощутил. Душа от этой любви вся трепещет. Когда же его стали тормошить: «Отец, очнись, ты что?», он пришел в себя, встал, закончил литургию и потом сказал отцам: «Если в следующий раз я упаду, дайте мне побыть так. Мне очень хорошо было». Со старцем Тихоном, духовником отца Паисия, тоже нечто подобное случилось во время Херувимской песни.

К любви Божией можно подойти только в одном состоянии — ощущении своего недостойнства, своей худости. И никогда ты не почувствуешь любовь Божию, литургию, пока не спустишься в глубины своего недостойнства, своего ада души, откуда тебя Господь выводит. Чем ниже ты спускаешься туда, тем глубже ощущаешь любовь, силу Божию и свою немощь. Поэтому основная цель нашей жизни и нашего послушания — осознать и почувствовать свою немощь и силу Божию, свою худость и Божию любовь. Вот эти чувства и дают прирост любви в душе, от этого и начинает жить сердце. Когда ты ощущаешь жертву Бога, ты будешь образом и подобием Божьим и будешь собой жертвовать ради других, будешь искать исполнения воли других, а не своей воли, своих желаний — повкуснее поесть, побольше поспать, чтобы тебя никто не трогал, не огорчал и благо было тебе на этой земле. Поэтому первый этап воцерковления проходит через исполнение воли других. И только встав на этот путь, человек может вкушать любовь к Богу, гореть этой любовью, а без этого горения уход в исихию, уход в какое-то отчуждение от людей и забот будет прелестью. Уходить в одиночество без любви опасно — душа еще не достигла состояния, когда можно это делать. Можно тренироваться, но уходить нельзя.

Все в этой жизни имеет ступенчатость. И духовная жизнь тоже строится в виде лестницы — что идет от Бога, то происходит само собой. Господь дает человеку по состоянию его души. Все Божье в вас приобретено смирением. А отсутствие какого-то добра, какой-то любви, правильного устройства, какое-то озлобление — это знак не совсем правильного внутреннего состояния, не совсем взрослого. Можно не быть великим подвижником и не уходить в глубокие и длинные молитвы, но, если есть смиренный дух, добрая душа, человек может получить великие прозрения от Бога. Очень часто случается, что у людей простых, каких-нибудь деревенских бабушек и дедушек, есть молитва и созерцание Бога. Почему? По простой причине — их внутреннее устройство хорошее, доброе, и Бог может в этой душе пребывать, этот человек не потеряет Бога, не отступит от Него, потому что он уже приобрел смирение своей простотой.

Где-то месяц назад приезжал ко мне один батюшка, он преподает антропологию в богословском институте. Заговорили мы с ним о сердце человека, о понятиях «сердце духовное» и «сердце телесное». В Священном Писании обычно говорится о сердце духовном. Что же это такое? Духовное сердце — этоместилище всех чувств человека. Сердце телесное — это орган, часть человеческого организма. Сердце духовное может перемещаться, его место зависит от чувств, которые его наполняют. Если духовное сердце наполнено Небесными чувствами, то оно находится над верхушкой телесного, а если плотскими, то опускается в почки. Когда ты своим умом и чувствами оказываешься над телесным сердцем и там пребываешь, то общаешься с Богом и духовно видишь Христа. Все прозрения у человека происходят тут. Внизу, под сердцем, человек соприкасается уже с дьяволом и его познает, и духовное сердце погибавших от страстей оказывалось именно внизу. От стояния сердца внизу душа впадает в прелесть. Когда пришли страстные чувства, твоя задача — поднять ум вверх. Совесть говорит, когда ум стоит в духовном сердце.

Наше тело связано с душой, поэтому, когда человек совершает грех, в канонах Церкви написано, какая епитимья положена

за тот или иной грех. Практически во всех епитимьях есть земные поклоны и пост, то есть цель епитимьи — физическим трудом и постом перебить страстные чувства и поднять духовное сердце из низов вверх, чтобы ум мог освободиться от мечтательности, от своей привязанности ко греху, а чувства — от жажды плотского наслаждения. Физический труд и покаянная молитва помогают сердцу начать работать в другом ритме, в другом режиме, и этот новый ритм поднимает опущенное духовное сердце вверх. Поэтому всегда, когда погружаетесь в какие-то мечтания, не смущайтесь, выходите из храма, походите по улице туда-сюда, поделайте что-нибудь, развейтесь и приходите обратно, можно даже подремать в храме, но перебивайте мечтательность, не бойтесь. Главное, чтобы вы понимали, в чем суть, что должно быть. А если решите, что из храма выходить во время службы нельзя, и будете стоять до конца, то до конца Богослужения будете пребывать с дьяволом. Молитва должна быть соединением с Богом, а не фоном. Должно быть утруждение тела, отсутствие телесного покоя. Преподобного Серафима как-то спросили: «Отец, зачем ты этот мешок с камнями носишь?», и он ответил: «Томлю томящего мя». У святых отцов очень интересно написано, что самое страшное не отсутствие поста и молитвы, а сон, то есть лень, упокоение. Когда человек переспит, то очень часто появляется чувство пустоты, словно потерял Бога. Преподобный Марк Подвижник тоже говорит: «Всякая молитва, при которой не утрудится тело, а сердце не придет в сокрушение, признается недозревшим плодом, потому что такая молитва — без души».

Обычно сердца духовное и телесное переплетаются друг с другом и зависят друг от друга. Однако духовное сердце может существовать и без сердца телесного. При пересадке сердца или когда у человека останавливается сердце и он подключен к аппаратам, духовное сердце остается в человеке прежним. Возможно, от недопонимания этого момента и закралась ошибка в каноны Церкви: «Аще родится чудо с двумя головами и общим сердцем, то крестить его нужно как одного человека», то есть предполагается: одно физическое сердце — одно сердце духовное.

Практика показывает другое. Помните канадских сиамских близнецов? У них было одно сердце, но это явно были два разных человека. Я думаю, что духовное сердце, или личность человека, зависит от воли. Формула: одна воля — одно духовное сердце.

Духовное сердце должно жить в любви. Любовь дается сердцу от рождения, но и с крещением дается огонек любви Божьей — рождение Христа внутри человека. После этого любовь Божия от нашего желания любить начинает разрастаться, начинает поглощать всего человека. На иконах у святых изображается нимб; я думаю, что нимб — это горение любви. И любовь Божия пронизывает не только самого человека, но и окружающих его. Преображение Христово — это явление этой духовной любви. Любовь была внутри Христа, исходила из Него и окружала Его вокруг. Так Спасителя и изображают на иконах — окруженным светом.

— *Батюшка, а как послушание действует на душу?*

— Пока человек еще живет в своих страстях, помысел у него еще поврежден, то есть он слушает себя, другими словами — свое сердце. Поэтому послушника всегда приставляли к старцу, и через послушание старцу у него очищались помыслы, очищались желания. Сердце чувствовало и сначала выходило на нулевой уровень, если так можно выразиться. Все гнилое, ветхое в человеке уничтожалось. И только после того, как уничтожался этот ветхий человек и ветхие желания отсекались послушанием, начинались рождаться мысли праведные. Почему в Оптиной была преемственность? Преподобные Амвросий, Иосиф, Анатолий и другие, находясь в послушании, перенимали — от одного к другому — внутренний мир старца. Послушники учились мыслить, чувствовать, как их старец, и после смерти старца Господь передавал им его дары.

Вот взять хотя бы нас, зачем мы читаем Евангелие? Чтобы быть как Христос, чтобы иметь такие же желания и мысли, как у Него. Евангелие останется для нас закрытым, если мы останемся при своем, со своими желаниями и мыслями, а Христос — со своими. Почему люди открывают Евангелие, но остаются пустыми? Потому что Евангелие требует жизнь, сердце, всего челове-

ка. В чем главная ошибка протестантов? В том, что они уклоняются в форму. Они изучают текст, события, время, когда это происходило, — уходят в знания, а вот дух Христов они не познают. Я не знаю Евангелие так, как они. У меня такой памяти нет, а они все расскажут — какая глава, какой стих, а вот что за этим следует, какие чувства должны быть, какой внутренний мир, их не интересует. Православие тем и отличается, что уделяет внимание внутреннему миру, заставляет работать сердце, чувства.

— *Батюшка, расскажите о рассудочности, как к ней относиться. Это добродетель или порок?*

— В общем-то, идея проста: от избытка сердца говорят уста, духовное сердце является вместилищем всех чувств, это источник всего. Ум формирует эти чувства в слова, в какие-то символы и выражает их вербально. Если у человека внутри страсти, ум выдает страстные речи. Если у человека в душе любовь, то и ум начинает работать соответственно и выдает слова любви. Происходит совместная работа ума и сердца. Рассудочность — это работа исключительно ума, когда человек начинает логически мыслить и к уму не подключаются чувства. Когда рассудочность берет верх ненадолго, это ничего, а если переходит в более продолжительное или постоянное состояние, то становится опасной. Допустим, мышление людей, которые занимаются математикой, напрямую связано с логикой, но эти мысли не связаны с сердцем, сердце ими не живет, они не из сердца исходят, а находятся только в голове — работает мозг. Другой вид рассудочности — суета, в которую, как святые отцы говорят, нельзя погружаться. Ум начинает бессердечно по полочкам все раскладывать и внешним миром жить. Победить рассудочность можно только уходом внутрь себя. Мысли должны рождаться у нас внутри.

Конечно, в быту у нас должна быть рассудочность: сходить в магазин, что-то посчитать, запланировать какие-то встречи, но она не должна завладеть нашим образом мышления. А у святых даже бытовой рассудочности нет. Это описывается в Древнем патерике, когда к старцу Пимену пришел один из братьев и попросил: «Авва, дай мне ветки». Тот ответил: «Да-да, сейчас». Пошел в

келью и забыл. Тот опять стучит: «Авва, дай ветки». Он опять ушел и не идет. Брат в третий раз стучит, и авва говорит ему: «Иди сам, зайди в келью и возьми, что тебе надо». Его ум не оставлял чувств, он не терял умом того, что происходило у него внутри, и не мог даже на секунды отойти от Божьей любви, поэтому и сказал: «Бери сам, что тебе надо». Но нам бытовая рассудочность нужна. Она нас даже в какой-то мере смиряет. Вот когда человек занимается рассудочным трудом, оторванным от его сердца, от его чувств, он может повредиться, а сердце — стать холодным. Очень опасно в духовной жизни иметь какое-то логическое построение. Все ученые святые отцы говорят, что всегда стремились к простоте; все, что им приходило, они говорили от сердца, от своих чувств и никогда не выстраивали логических построений.

Большая святость там, где есть простота, где мысли уже нет, потому что Там, куда мы уйдем, мысли нет, там жизнь именно сердца. Допустим, когда я исповедую — уже десять лет, с 1997 года — люди приходят, исповедуются, выговаривают грехи свои, проблемы. Проходит время, и кто-то приходит лет через семь или десять. Я его визуально, конечно, не помню и имени не помню, но, когда он мне напоминает свою жизнь, я чувствую, что когда-то я это переживал, этого человека я знаю. Только когда начинаешь переживать за что-то, сердце начинает вмещать. И вспоминаешь даже не события, а чувства, которые появились от встречи с этим человеком. Не зря говорится в канонах о том, что на Страшном суде священник будет свидетельствовать о исповедовании твоих грехов, будет как свидетель. Думаю, это именно от переживания; сердце священника должно вместить эти переживания за человека. Сердце как некий компьютер записывает всю информацию о кающихся, не в мыслях, а именно в переживаниях. И сердце может вместить огромный объем переживаний. Одновременно с этими переживаниями оно выталкивает из себя плохое, худое и вмещает в себя все доброе. Бывает, у людей какие-то проблемы и нужно им что-то сказать. Начинаешь говорить, опираясь на багаж своего сердца, и потом уже где-то у святых отцов находишь, что именно такая мысль их посетила,

такое же состояние они испытывали, только другими словами говоришь. Если правильное устройство, то чувства и мысли будут одинаковые. Если же мои слова не совпадают со святоотеческими, значит что-то внутри меня неправильно, не так.

Рассудочность — одна из основных проблем интеллигенции; очень часто приходят люди и говорят, что ничем не грешны, и что хочешь, то и делай. Почему? Я думаю, в первую очередь, из-за того, что сердце черствое. Не слушают, не чувствуют, а не чувствуют потому, что занимаются работой ума, — знаний много, жизнь воспринимается умом, а не сердцем, и нет переживаний. Есть, допустим, врачи, которые с душой подходят к людям, переживают, тогда они и к Богу близко. Но если без души и без волнений, то это проблема.

У преподобного Исаака Сирина написано: когда человек начинает молиться, когда обретает состояние любви, он входит в состояние словно неродившегося еще на этот свет — его никто не знает, никто не видит, он растворился, нет его. И он ничего не хочет, ничего ему не надо. Вот такое состояние должно быть. Поэтому логика — хорошее дело, но не в духовной жизни. По моему, у преподобного Льва Оптинского есть слова: «Когда я говорю от ума, то совершаю ошибку», а преподобный Амвросий Оптинский говорил: «Первая мысль, которая мне приходит, от Бога». Первая мысль без головы формируется, то есть ты говоришь от внутренних чувств, твой ум, твой язык формируют слова, которые исходят из сердца. Но это относится к человеку, который достиг бесстрастия. Излишняя рассудительность делает нас гордыми, сосредотачивает наш ум на правильности. А от правильности всегда происходят гордость и осуждение. Когда же ты проходишь через какие-то искушения и смиряешься, то рассудочность уходит и на ее место приходит любовь. Тогда ты всех будешь принимать такими, какие они есть, снисходить к ним и оправдывать.

Когда человек приходит на исповедь или просто разговариваешь с кем-то, по его мыслям можно понять, насколько человек Божий, насколько правильный в своем устройении или насколько поврежденный. Я имею в виду, когда он начинает

жизненных вопросов касаться и особенно своих переживаний. Хуже всего, когда переживаний нет, когда сердце неживое, это в человеке даже хуже страстей, это самое плохое. В этом состоянии у человека нет Христа внутри, нет любви, нет снисхождения. Такой человек уже поврежденный. Главное, чтобы у человека было сердце живое, чтобы оно переживало, тогда и Бог будет внутри, и бояться нечего, Господь тебя спасет; плохо, конечно, если со страстями будешь уходить Туда, но Бог спасет. Преподобного Макария Египетского спросил его ученик: «Авва, если человек грешил и каялся, где после смерти он будет?», и он ответил: «Там, где было его сердце». Живое сердце будет жить, а мертвое погибнет. Даже те грехи, которые совершал человек, Бог сожжет и ничего не останется. Поэтому часто бывает, что грешники, как разбойник, распятый на кресте, оказывались в раю, а люди правильные, как архиереи, приговорившие Христа на смерть, — в аду. Все зависит от сердца человека.

— *Батюшка, постоянно мы не можем любить. Бывает и раздражение.*

— Главное, чтобы озлобления не было.

— *Батюшка, как спастись?*

— Как спастись... Один вопрос тянет за собой другой: как не грешить? Спасение — это соединение с Богом, а грех эту связь разрушает. Поэтому давайте поговорим о том, как бороться с грехами.

Плохо, если человек уже впал в какой-то грех; грех, к сожалению, имеет свойство переходить в привычку. И дьявол за эти грехи держит человека и не отпускает. До конца человек от грехов не может освободиться, только Бог может его освободить. Но Бог освобождает только тогда, когда человек сам этого желает, своей волей, не чувствами, потому что чувства уже ушли в эту страсть, переросли в ложную любовь, стали жизнью. Главное, чтобы воля души утвердилась в любви, чтобы у нее было стремление к Богу. Вот тогда она спасется, потому что Господь даст ей решимость. А если воля уклонится от Бога, она будет все время витать и желать греха, и будут проблемы. Кто-то из святых отцов рассказывает: один из святых молился за девочку, ко-

торая умерла в 15 лет, и увидел ее в аду. Он пришел в недоумение — она ведь не грешила. И был ответ от Бога: своими желаниями, своей волей она блудной страстью жила, поэтому после смерти попала в ад, хотя явных грехов каких-то не было.

Встает вопрос: почему Господь не отнимает у человека эти страсти, разве Он не может? Может, но не делает этого, потому что человек имеет свободную волю, а если лишить его воли, то человек перестанет быть человеком, будет как робот. Когда Адам был в Раю, его воля подверглась искушению и таким образом отпала от Бога, и в своем отпадении познала дух гордости — я сама, без Бога. Чувства склонили волю ко греху. А теперь мы просим у Бога чувство любви, чтобы она склонила нашу волю к святости, к Богу. Здесь, на земле, человек сталкивается со страстями и встает между выбором: отвергнуть или принять, жить этим или нет. Здесь человек свободен в своем волеизъявлении — это самое главное.

Христос сказал: «Не всякий, говорящий Мне: “Господи! Господи!”, войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7:21), то есть Господь говорит о воле Отца. Не говорит о том, что надо быть святым, бесстрастным, нет, поэтому в искушениях страстями будем приобретать. Если наша воля будет укореняться в добре, если она не будет отвергать его, то от этих скорбей душа будет преуспевать, будет испытывать себя и от этого утверждаться в любви Божьей. Надо только свои страсти терпеть и с ними бороться и от этого стяжать Святой Дух в себе. Однако первый шаг спасения — научиться бегать от грехов, всегда помнить, что я грешный человек и воля моя всегда склонна ко греху. Отцы всегда говорили: «Лучше умереть, чем согрешить», они боялись греха как уклонения своей воли от воли Божьей, то есть отторжения от Бога. У преподобного Исаака Сирина написано, что ад крошечный — это место без Бога, отчуждение от Него. Самое большое страдание — быть в нелюбви, одиночестве, пустоте.

— *Батюшка, а как нам на скотном спастись?*

— Да, на скотном нужно очень много трудиться, поэтому бывает усталость, а от нее и нервное перенапряжение. Старайтесь,

насколько это возможно, поддерживать друг друга и с пониманием относиться. Господь вам в этом поможет. И научитесь терпеть и самих себя.

Бывает еще и святое терпение, например, когда отец Паисий болел раком и лежал в больнице, ему было очень больно, и врач ему говорил: «Геронда, возьми обезболивающие, тебе будет легче». На что старец отвечал: «Я хочу через свою боль почувствовать боль Христову на Кресте, те страдания, которые Он испытал за нас». Так же и вы — конечно, тяжело и скорбно бывает, но именно через это прикасайтесь той боли Христа и соединяйтесь через это с Богом. Человек так устроен, что только через страдания он соединяется с Богом. Иного пути нет. Кто в монастыре без проблем? Нет ни одного человека. Каждый свое терпит: кто-то — страдание от людей, кто-то — от болезней или себя самого, страсти свои терпит, мы все время в каких-то страданиях. А юлить, искать теплого уголка и уходить от этого неправильно. Могут быть вроде бы хорошие, благовидные помыслы, чтобы уйти от этих страданий, но от этого человек повреждается. Он уже не боец, и сколько бы он ни прожил в монастыре, все время будет искать комфорта. Для него уже Бог не в любви и страдании, а в комфорте, уходе от всех скорбей.

— Батюшка, а вот в монастыре, может, это моя точка зрения, есть люди, которые держатся за место, чтобы как-то можно было спокойнее жить и молиться. Они дорожат этим местом и не хотят менять его на какое-то другое. Это неправильно, а с другой стороны, даже не знаю, как сказать... такое бывает в монастыре. По-моему, это даже очень широко распространено в монастырях: на одних послушаниях хотят быть, а на других — не хотят.

— На Афоне послушания меняются каждый год, и человек не привязывается к послушанию. Да, брат мог быть по два, по три года на одном послушании, но все равно все знали, что послушания будут меняться. В уставах монастырей написано, что человек должен пройти все послушания, которые есть в монастыре, чтобы не боялся ничего. А если человек привязывается к какому-то

месту, то и это спасительное послушание может оказаться для него пристрастием, и внутренней свободы и готовности к исполнению любой воли Божией уже не будет. Такого не должно быть.

— *Батюшка, на послушаниях есть крайности: сначала дают одно послушание — осваиваешь его, вытягиваешься, а через какое-то время нужно идти уже на другое и все заново осваивать. От этого сильно расстраиваешься.*

— Да, это может быть плохо. Но если ты смотришь на послушание как на достижение какого-то результата — чтобы было хорошо, здорово, то это неправильно. Послушание для того, чтобы не было своей воли. Внешнее совершается ради внутреннего.

— *Батюшка, думаешь даже не о том, чтобы хорошо было, как уж получится, а о том, что ты от этой гонки начинаешь нервничать.*

— У отцов написано: если ты начинаешь делать что-то быстро и при этом появляется нервозность, все равно это послушание нужно исполнять, потому что устройство души остается мирным, и человек от этого приобретает смирение. Проблема не в этой спешке, а в нас самих, в том, как мы воспринимаем послушание. Помните, сестре дали послушание помыть комнату за два часа? Она начала там оттирать все. «Что делала?» — «Да вот, подоконники мыла». — «Зачем ты их мыла-то?» — «Ну как же, они грязные». Дали тебе два часа, все основное сделала, что в глаза бросается, а остальное оставь. Хотите чище, давайте еще два часа, будет еще чище. Благословили, тогда и делай дальше, а если нет — не переживай, оставь и переходи к другому послушанию. Когда послушник начинает свой рассудок включать: здесь грязно, там грязно, не могу же я грязь оставить, то из послушника получается ослушник. Дали послушание — как получается, так и сделай, отправили туда — иди туда, оставили здесь — будь здесь. Не привязывайтесь ни к чему. И не думайте, как лучше, как красивее, как скажут, так и делайте.

— *А если надо думать о других?*

— Если у тебя послушание благочинной или старшей, то думай о других; если послушание эконома, думай, как собрать уро-

жай, чтобы он не пропал. У каждой сестры на послушании свое поле деятельности и свои заботы; поменяют послушание — будет что-то другое. Пусть каждый выполняет свое послушание. Бог дает все по нужде людей, а когда ее нет, отнимает. Так было и во время революции: храмы, священники стали народу не нужны, Господь их и отнял. Так и в материальной, и в духовной сфере происходит.

— *Батюшка, если на послушании что-то не доделал, приходится в свободное время доделывать. От этого очень устать, как быть?*

— Все зависит от послушания: если можно оставить на потом, то доделай его завтра, если нет, то нужно закончить. Да, послушание может быть очень тяжелым и трудным, но без него никак нельзя. На Афоне в монастырь берут, если есть какое-то послушание; если послушания нет, то не возьмут. Без трудового послушания не будет и внутреннего, а без него нет смысла жить в монастыре. Духовник смотрит на духовные и физические силы человека, и в соответствии с ними дает послушание. Только не надо стричь всех под одну гребенку, все должно устраиваться благоразумно и духовно. А послушание нужно делать по благословению, по совести и по силам.

На Афоне игумен всегда старец; в его послушание входят обязанности и администратора, и духовника. Игумен-духовник и братия, его чада, — это идеал монастырской жизни. Помню, в Кутлумуше рассказывали. Старец Порфирий Кавсокаливит умер от рака в 1991 году в больнице. К нему поехал из монастыря отец Николай. Зашел к нему в палату, благословился и сел рядом у кровати. А старец ему и говорит: «У вас в Кутлумуше когда-то очень давно был игумен святой жизни, и все его чада, весь монастырь, были святыми. Их косточки сейчас находятся в келии над монастырем». Отец Иосиф Ватопедский говорил: «Раньше под руководством игумена все монахи спасались, а сейчас в монастыре двое, трое по духу находят друг друга и потихоньку спасаются». И это правильно. Вот вы пришли сюда, вы все разные. Если соединить вас, будет неразбериха, ничего не получится,

хотя духовник у вас один. Вы расходитесь по две, по три и такими группками идете к спасению. Вот такое время пришло, такой сейчас промысел Божий о человеке.

— *Мы собирали ягоды, приходилось вместе с мирскими людьми работать. Не знаю, кого они в нас видят, но обо всех своих скорбях и заботах они говорят нам. Принимаешь это близко к сердцу и начинаешь за них болеть больше, чем за себя, а как помочь им, не знаешь. Они спрашивают, а я не знаю, что говорить.*

— Они тебе душу открывают, и что тебе Господь на сердце положит, то и скажи или просто за них помолись. И твоей, и их душе от этого есть польза.

— *А как за них молиться и сколько?*

— Можно Иисусовой молитвой или своими словами, можно земными поклонами. А сколько... В зависимости от проблемы — от одного дня до семи, по вашей мере.

— *Батюшка, вы не читали книгу «Плач третьей птицы»? Ваше мнение?*

— Я в глаза эту книгу не видел. Чем она интересна?

— *Это новинка. Я не знаю, только пролистывала, она с любовью к монашеству написана, а с другой стороны, случаи приведены, в которых столько яда. Если почитать не монаху эту книжку, то сложится отрицательное впечатление о монашестве.*

— А зачем ты читаешь эту книгу? Я же вам говорю, что надо читать книги, написанные святыми отцами. Давно еще отцы говорили, что будет много книг нехристианского духа. Даже в те времена, когда существовали школы духовные, печаталась литература, которую нельзя читать. Вот, например, сейчас вышла, даже под патриаршим благословением, книга про преподобного Серафима Саровского — дневники Мотовилова, их недавно нашли. Нельзя эту книгу читать, она в прелести написана. Владыка наместник у нас говорил, что нельзя. Так же и книгу монаха Меркурия «На горах Кавказа» нельзя читать. Даже редактор в предисловии пишет, что книга написана не совсем в правильном состоянии, мы ее постарались исправить, но насколько это получилось, мы не знаем. Дух книги исправить не получилось.

— Она скорее описательная?

— Ничего подобного, духовного содержания, но дух в ней неправильный. Начитаешься таких книг и уйдешь в тартарары, поэтому не надо, не читайте. Вы уж воспитывайтесь и живите на святоотеческой литературе. Или взять хотя бы пророчества мальчика Славика — не от Бога они, нельзя это читать. А потом попробуй выбей все это из головы. Так люди и повреждаются.

— В одной книжке, батюшка, — я забыла название, автора нет — собраны жизнеописания и воспоминания разных людей, и рассказывается о нижегородском батюшке Григории Долгунове, он был прозорливым. Одна женщина записала свои воспоминания о том, как она просила у Бога прощения за то, что сделала аборт, молилась Варваре Великомученице: «Причастии моих детей», молилась Иоанну Крестителю: «Покрести моих детей!» Батюшка, как можно крестить тех, кто уже на том свете? А потом у нее было откровение — имена ей как бы прозвучали, по количеству аборт. Она поехала к батюшке, и он ей сказал: «Над тобой милость Божия. Господь тебя простил». Но разве может человек быть крещен после смерти, вот этот ребенок?

— Нет.

— Ну вот, а в православной книжке это написано.

— Сомневаюсь, что она православная.

— Пишут и ссылаются на этого батюшку.

— Не читайте такую сомнительную литературу, а то начитаетесь и будет каша в голове.

— Ну, это жизнеописания.

— Понятно, что жизнеописания интересны, только душу свою еще надо беречь.

Давайте помолимся.

05.09.2008 г. Пюхтица

Беседа седьмая

Обычно, когда мы собираемся, то говорим о проблемах, внешних и внутренних, связанных с душой. События, происходящие вокруг нас, влияют на наш внутренний мир. Наша душа не только принимает чувства, которые несут нам события, люди, страсти, но и наполняется мыслями, как хорошими, так и плохими, обогащаясь этими внутренними переживаниями. Как же быть с этим багажом чувств и мыслей, как им распорядиться? Что-то нужно оставить, а что-то — отсечь от себя. Правильное душевное устройство помогает все нужное, все Божие оставить, а то греховное, что произошло с нами, осознать, проанализировать и отбросить. В результате мы становимся мудрее благодаря горькому опыту и приобретаем иммунитет против зла и ностальгию по любви, покаянию и добру. Бог хочет от нас только одного — смирения, поэтому и промысл Божий не всегда заключается только в добре. Открывая жития святых, мы часто видим, что люди проходили через пути греха. И когда душа погружалась в грех, она проникалась ненавистью ко злу и вооружалась для борьбы с ним. В этой борьбе, в этом правильном восприятии происходящего она острее и болезненнее ощущала грех, в сердце укоренялись любовь и желание жить с Богом, жить Там, в Царствии Небесном, и происходило отсечение зла.

Евангелие и все святоотеческие поучения открывают нам состояние душ человеческих. Основная тема Евангельских повествований — правильное внутреннее состояние человека. Господь показывает нам, какое состояние спасительное, правильное и приводит к Богу, а какое неправильное, прелестное, то есть обманное, и приводит к дьяволу. Читая Священное Писание и творения святых отцов, мы должны не только знать их и уметь пользоваться цитатами, но и понимать те состояния, о которых говорят святые отцы. Зная святоотеческие мысли и испытав в своей жизни какие-то переживания, наша душа делает выводы, она познает свой внутренний мир, и это внутреннее познание отражается в нашем

уме какими-то мыслями. Душа себя — свои чувства, свои состояния — отражает в мыслях, поэтому по мыслям человека можно судить о его внутреннем состоянии: какой он, откуда и с кем он.

Хочу рассказать вам такой случай. Сегодня, когда я общался с людьми, столкнулся с одной духовной проблемой. Кажется, совершенно непонятное явление. Случается, что люди, которые ходят в церковь, годами ходят, молятся, исповедываются, причащаются, оказываются более, психически неустойчивее людей, которые не ходят в церковь и живут по принципу «как все идет, так пусть и идет». И вот те люди, которые не ходят в церковь, оказываются лучше тех, которые ходят. Это неправильно, не может такого быть, но факт остается фактом! А теперь я постараюсь объяснить причину этого явления. Когда человек ходит в церковь, он принимает мировоззрение, мировоззрение церковное, мировоззрение Божие. Если оно будет в чем-то ошибочным и неправильным, то и душа будет развиваться неправильно. Она будет воспринимать этот мир искаженно, ложно, и душевное устройство человека будет ненормальным, в результате поколеблется не только его физическое состояние, но и духовное, его психика. В человеческом мировосприятии может быть много ошибок, но сейчас я хочу сказать лишь об одном.

Все мы живем с Богом. Наша молитва должна иметь две составляющие: чувство страха Божия, или присутствия Божия, и внимание. На этом молитва строится, без этого ее нет. Как говорит прп. Марк Подвижник, молитва — это соитие, соединение человека с Богом. Вы должны иметь все это, в себе все больше это взращивать и приобретать, углубляя чувство присутствия Бога. Если человек бывает в церкви, читает молитвы, но не имеет этих двух свойств, по-настоящему молиться он не сможет. Не зря у святых отцов сказано, что страх Божий рождает веру. Без нее нельзя соединиться с Богом, а вера происходит от страха Божия. Это чувство должно быть всегда, чувство присутствия Бога вне нас и внутри нас.

Какая же ошибка появляется у людей, в чем они отступают от Бога? Мы знаем, что, помимо Бога, существует еще и дьявол, который становится первопричиной, вводящей человека в грех

и отталкивающей его от Бога. К нам приходят мысли не только наши, человеческие, не только Божии, но и от дьявола, который действительно есть в этом мире. Эти два понятия — Бог и дьявол — люди прекрасно понимают. Они принимают это христианское мировоззрение, оно правильное. Тогда в чем же ошибка? Люди начинают чувствовать, видеть, что дьявол их слышит, видит, знает каждое слово, поступок, следит за ними и подстраивает им различные искушения. Человек начинает все больше обращать на это внимание — рядом дьявол, который все видит, все знает, все время следит и хочет погубить. Это чувство начинает возрастать и накрывать человека. Вместо того, чтобы чувствовать вседеприсутствие Божие, происходит обратное, и человек начинает ощущать вседеприсутствие дьявола и бояться. Появляется такая мнительность. Чтобы не сглазить самого себя, на вопрос, как дела, отвечают: «Нормально». — «Как у ребенка?» — «Нормально». Кажется, если скажешь «хорошо», то дьявол обязательно вмешается в судьбу твоего ребенка, и ему будет плохо. Он же видит, он же знает, он же не хочет, чтобы твоему ребенку было хорошо, и обязательно сделает ему плохо. Если человек имеет какой-то грех, он на исповеди о своей страсти не скажет, ведь дьявол услышит и еще больше накрутит. В результате такого неправильного мировоззрения, такой подмены возникает болезнь, появляется мания. Кажется, мелочь, ведь правильно, что дьявол видит и знает, но главное помнить — над всем Бог.

Христианин — это человек, который служит Богу и свою волю подчиняет воле Божией. Человек, который действительно стал на служение Богу, готов к принятию различных скорбей, он не бережет свое «я». Он растаптывает в себе свой эгоизм. Пусть мне будет плохо, главное, чтобы было по воле Божией. Он не бежит от болезней, не бежит от скорбей, которые к нему приходят, и не боится их. Да, это больно, да, это скорбно, но он от этого не бежит. Когда же душа повреждена, человек боится этих скорбей. Когда ей сделают больно, душа сжимается, боится, хочет от этого уйти, поэтому и начинает себя беречь. И получается обратное — человек начинает бояться дьявола. Чувство присутствия Бога уходит.

Уходит любовь, появляются раздражение, мнительность, озлобление. Вроде бы мелочь, но этой мелочью человек повреждается, из-за этой мелочи он не может спастись. Он приступает к Таинствам Церкви — к покаянию и к Святому Причащению — но при этом не очищается от своих грехов, не исправляется, не освящается и не соединяется с Богом. Таинства перестают быть действенными, потому что человек оказался в прелести, в обмане. Они не могут помочь человеку, потому что душа его в неправильном состоянии. И не Бог виноват, а сам человек. Бог открыл человеку, как спастись, каким путем идти, но человек избрал иной путь. Поэтому отцы всегда говорили, что тот, кто остается вне духовного окормления, не может пройти этот путь без прелестного состояния. За тысячи лет дьявол множество людей искусил, он видит немощи каждого человека и использует их так, что человек прельстится, обманется. И человек, думая, что делает добро, попадет во зло, будучи уверен, что спасается, погибнет.

Теперь давайте опять поговорим о молитве. В прошлый раз мы говорили о том, что она бывает различной. Молитва — это соединение человека с Богом. Это не только чтение молитв. Молиться — это и просто смотреть на иконы, не мечтать, не думать, иметь трезвение и уходить в Бога, в созерцание. Это отрешение от всего земного. Молитва — это и чтение святых отцов, и погружение в те слова, в те состояния, о которых они говорили. Святых отцов всегда читали перед каким-то молитвенным правилом, чтобы разогреть душу. Молитва — это и дела любви, и покаяние, и прощение, и соблезнование. Все это входит в молитву и помогает соединиться с Богом. В молитве человек должен пребывать в духе любви! Дух любви — в примиренности со своими ближними. Божественная литургия вся пронизана пониманием и ощущением того, что только в мирном, покойном состоянии человек может приступить к Богу: «Миром Господу помолимся», «Паки и паки миром Господу помолимся», «Станем добре, станем со страхом, вондем, святое возношение в мире приносити», «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы». Если человек не будет иметь мира и любви в своей душе, а будет сто-

ять в надменности и превозношении, то его молитва принесет ему лишь вред, и то, что, казалось бы, предназначено для спасения, будет разрушать его душу. Не может этого быть, но это так. Почему? Потому что человек находится в состоянии прелести. В этом состоянии добродетели, предназначенные для спасения, становятся погibelью для души. Так Божественное, святое, ведущее ко спасению, может обернуться погibelью.

Сколько людей — монахов, мирян, епископов — из добрых, хороших становились злыми, гордыми и погибали. Сколько людей дьявол увлек в свои сети гордости через обман. Где-то, когда-то человек по своей гордости, прислушиваясь только к своему мнению, принял маленький греховный помысел и от него повредился. Началось повреждение, и тот подвиг, который он нес годами, десятилетиями, принес ему не любовь и смирение, а только зло и гордыню. Поэтому состояние прелести — это не простое, не безобидное состояние, это состояние погибели. Очень горько, когда люди, прожив свою жизнь в монастыре в служении Богу, а потом перейдя границу жизни и смерти, в результате проклинают тот день, когда родились на этот свет, — уходят в ад. Каждый раз во время наших встреч мы говорим об этих проблемах. Это касается не только понимания, что Бог рядом с нами, вокруг нас и не мы должны бояться дьявола, а он — нас. Мы не должны бояться жизни и этого мира, в котором человек должен быть воином и бойцом.

Самое бойцовское состояние монаха и любого христианина — это трезвение. Оно помогает наблюдению над своей душой, помогает понять, какая она, где она, с кем она. Когда вы приходите на исповедь, то не только называете свои грехи, но и проявляете свое трезвение, показываете, как вы видите свою душу, свой внутренний мир. Первая проблема исповеди в том, что человек делает сухой перечень грехов. Мало кто обращает внимание на то, как это все происходит в душе человека. Трезвение подобно лекарству. Появился очаг болезни, а лекарство как бы обволакивает этот очаг, обнаруживает его, отсекает от всего доброго, не дает ему распространяться и помогает отторгнуть от

себя. Когда человек в трезвении приходит на исповедь, он не просто перечисляет грехи, но говорит и о мыслях и чувствах, приведших его к этому греху. У него есть сила отторжения этого греха. Он ненавидит его и не дает ему распространяться дальше. Позже он может согрешить им, но этот грех у него всегда под наблюдением, как в тисках, в клетке. От этого душа становится более жесткой и воинствующей и это зло отторгает. Поэтому на исповеди таинство покаяния двоякое, происходит двойное очищение: и от Бога, и от человека. Не только Бог снисходит и очищает душу человека, но и человек отторгает грех от себя. Если нет достаточной силы, трезвения, наблюдения за грехом и отторжения от себя, то Бог не может испепелить его. Благодать проходит вскользь, попадает его, но не выжигает из человека. Грех остается корнями внутри, и человек не испытывает той желанной благодати, свободы и легкости после исповеди, которой жаждет, а потому не испытывает и той освящающей чистоты и благодати после Святого Причастия, поскольку одно следует за другим. Вот это двоякое действие Бога и человека должно быть.

Мы часто приходим на исповедь, думая, что во время этого таинства только Бог действует, но нет, Бог попадает, Бог очищает, рассекает душу человека, отделяя доброе от злого, но при этом должно быть и участие самого человека, его воли в отторжении греха. Порой люди мирские приходят, и приходится самому за них исповедоваться, спрашивать: «Такие грехи были, а такие?», а он головой кивает: это — да, это — нет. Человек поисповедовался, и Господь принял его покаяние. Но человек при этом не испытал того действия благодати Святого Духа, которое Господь дает людям после таинства исповеди, потому что душа была не готова к этому отторжению, потому что грех не был выболен, не был заключен в трезвение. Когда он заключен в трезвение, душа всегда болит. Я всегда ругаю людей, которые совершают большие грехи, совершают и с ними живут. Ненормально — чувствовать, что совесть мучает, что душа умерла для Бога, отчуждена от Него грехом, и заглушать эту боль. Он может принимать какие-то лжедобрые помыслы — «я не готов на исповедь» или какие-то иные — и

с этими грехами ходить. Это неправильно, он только разрушает свою душу, начинает привыкать к этому греху. Перетерпел, переболел, и когда наконец пришел на исповедь, вроде грех есть, и он кается в нем, но той боли, того отторжения греха, которое было в начале, когда совесть вопияла, уже нет. Это плохо.

И другой момент. Я вам всегда на исповеди говорю — совесть болит после совершения греха, поэтому называйте сразу грех, самый большой из тех, что вы сделали. Не затеняйте его, не заволакивайте. Бывает, исповедь начинается издалека: такие малюсенькие, маленькие грехи сначала, а после вскользь большие проходят. В этом лукавство, и вы не получите благодати Святого Духа, Его полноты, потому что нет полноты отторжения греха. Духовник не обозлится на вас, не подумает плохо, что вы такие-сякие, плохие, грешите все время одним и тем же грехом. Нет, духовник переживает только за то, что вы начинаете лукавить, в первую очередь сами себе. Тут ложная стыдливость, ложная правильность — так, между прочим вставить грех, за который надо от Причастия отлучить. Слышал духовник, не слышал... и все, пошел дальше. Этим человек повреждается, его исповедь становится пустой, и он не достигает той простоты, той святости, которую дает Бог через Свои Таинства.

Внаше время, в наших обстоятельствах человек в основном освящается и приближается к Богу через Таинства, в первую очередь через Таинство Покаяния: сначала в домашних условиях, в той бытовой обстановке, в которой ты оказался, сразу, на месте, позже покаяние в келии и потом уже — на исповеди. Вот ваши основные пути спасения — покаяние и Божественная литургия. Все послушание, которое вы исполняете, должно быть ради смирения, но не послушание ради послушания. Что должно давать послушание? Прежде всего — любовь. Послушание должно отрезать правильные, или рассудочные, помыслы, и оделять безумными, потому что любовь не имеет правильных помыслов, у нее безумные помыслы. Любовь покрывает вот эту рассудочную правду, которая открывает немощи других людей. Если жить только по законам правды, то человек будет строить всех, а лю-

бовь покрывает все немощи и грехи. Помысел правды, например, никогда не покроеет того, кто за углом любит втайне курнуть — обязательно обличит. Бывает, и такое услышишь: «Какой ему рай, он дьяволу служит?» В миру ведь эти девочки, женщины только так курят, не говоря уже о мужчинах. Если так судить — ну все, прощай спасение: никакого вам рая, пойдете в ад. Может, немножко утрировано, но вот это правильный помысел. Да, никто не спорит — курить плохо, но любовь имеет безумный помысел, помысел покрытия: «Ну, такой вот он, Господь его простит».

Господь всегда говорил — «любите враги ваша» (Мф. 5:44). Как любить врагов, которые тебя унижают, убивают? Господь говорил: «Люби». Умный, правильный человек скажет: «Ты что, как таких любить? Тебе плохо, тебе больно, а ты будешь любить?» Поэтому послушание отсекает не только волю человека, но и эту рассудочную правильность. Оно должно дарить безумство любви, простоту, как у ребенка, который не видит зла. Я как-то пришел в семью и пошутил с ребенком — неправду сказал, а мама мне говорит: «Батюшка, он же не понимает, что вы говорите неправду. Он все принимает за чистую монету». И мне стыдно стало. Родители эти моменты знают. Так и в послушании. Оно необходимо для того, чтобы ты стал похожим на маленького ребенка, но с разумом. Если человек действительно живет в послушании, он не видит зла. Если же человек начинает говорить о прошлом, вспоминая зло, то у этого человека проблема с послушанием. Послушание в первую очередь направлено на мысль, на то, чтобы помысел был чистым, послушливым. Когда мы называем икону Матери Божией «Скоропослушница», то имеем в виду — послушливая, мгновенно готовая на исполнение воли Божией, не размышляющая, а исполняющая сразу. Если у человека остается хоть малейший остаток неприязни, то у него есть внутренняя проблема с послушанием.

Послушание может быть внутренним и внешним. Внешнее послушание — это досконально исполнить, а внутреннее совершается в доверии и беззлобии. Поэтому я всегда говорю: если у вас происходит что-то скорбное, если вы, живя в монастыре, по-

падаете под какую-то опалу — терпите, а после не думайте, не вспоминайте прошлую жизнь. Что было, то было. Идите дальше, не вспоминайте ее вообще, чтобы у вас душа была без стрессов. Если человек проходит внутреннее послушание, то в первую очередь он обогащается помыслом безумства, и, обогащаясь этим помыслом, начинает прикрывать и разрушать правильный помысел. Он перестает строить людей, перестает быть строгим к каким-то недостаткам, немощам. Приобретение духа любви — это первый признак послушания, признак того, что человек спасается. Если же в человеке укореняются правильные помыслы и он начинает ими жить, это признак повреждения. Это я хотел сказать о послушании в монастыре. Ваша жизнь должна обогащаться мыслями. Если взять каждого из вас (а у каждого есть свой багаж правильных мыслей и безумных), то, к сожалению, придется признать, что правильные мысли превышают безумные, то есть ваша правда гораздо больше, чем ваша любовь. Конечно, любовь есть, но ее слишком мало, чтобы возлюбить всего человека — и его доброту, и его худость. Почему мы часто впадаем в уныние, в печаль? Потому что не хватает багажа безумных мыслей, которые всегда придают бодрость душе человека, разрешают многие скорби и проблемы и ведут к Богу. Правило не выполнил, покушал вдоволь или еще что-нибудь — все, надо умирать. Молитвы нет — все, отпал от Бога, жизнь кончилась. А дьявол так и уловляет, всегда что-то подкладывает.

Когда я на Афоне был, встречал там монахов серьезных, хороших. У тех, кто в послушании живет, монашеское устройство всегда переплетается с бодростью духа. О. Кирилл (Павлов) говорил: «Братия, тело немощно, дух же бодр». Все время о себе так говорил, всегда имел такое состояние души. У вас — у кого страсти, у кого мысли, кого обижают, кого ругают, и все, руки опускаются — бодрости никакой. Сестры, приобретайте больше добрых безумных мыслей! Подшучивайте над собой, поюродствуйте сами над собой. Влез в какую-то греховность, немножко взбодри себя: «Ну, такой я плохой, ну что делать», и выходи, живи, ползи дальше. А зацепился за уныние или зло в себе,

тогда дно тебе обеспечено, и неизвестно, поднимешься ли с этого дна. Тогда и вопиете: «Помолитесь, помолитесь», — к батюшке и к сестрам. Взбодрите сами себя. Взбодрите, выйдите в нормальное положение, тогда и Господь поможет, и молитва других дойдет до вашего сердца. А когда вы в таком унынии и переживаниях, кто поможет? Это состояние прелести и неправильности вы должны понимать.

Обогащайте свою душу добротой, чтобы в любой момент вы могли найти в своей душе, в своей голове взбадривающую, соединяющую вас с Богом мысль. И таким образом будете соединяться с Господом. Вспомните отца Иоанна Кронштадтского — он всегда перед литургией, если совесть его в чем-то обличала, становился на колени к Престолу Божию и каялся Богу, просил прощения. В этой его покаянной молитве, в покаянном сердце было не только чувство отторжения зла, тех плохих, худых мыслей и чувств, которые к нему приходили, но в то же время была и мысль любви. Он такой низкий, малый, такой гнилой, такой грешник, на которого даже не стоит взгляд обращать, которому не стоит даже мизинца подать, а Господь ему все прощает и дает даже Самого Себя, Свои Тело и Кровь. От этих мыслей, от этих чувств, которые приходили к нему после покаяния, он весь преображался, покрывался этой любовью и только тогда приступал к Таинству Евхаристии. Всегда, когда человек чувствует всепрощение Божие, когда Бог покрывает его, когда благодать Божия приходит к нему, он ощущает на себе и любовь Божию. Батюшка Иоанн до тех пор, пока не получал этого умиления, этого всепрощения от Бога, не приступал к Таинству совершения Святой Евхаристии.

Таким образом, и в домашней молитве, и в домашнем покаянии, и на исповеди, и в Таинстве Евхаристии вы так же должны обогащаться и все это так же понимать. Можно самому наполнять душу этими мыслями, возбуждать ее этим пониманием. За этим пониманием — чувства. Если они не приходят, это не значит, что внутри ничего не происходит: Бог как бы томит душу, готовит ее к принятию Его благодати. Пусть ты это не ощущаешь, но Господь с тобой это творит. Он отдает Самого Себя в

жертву за тебя! Это вы должны понимать и с этими мыслями должны жить. Если их не будет, будут проблемы: вы никогда тех состояний, о которых говорили святые отцы и Сам Господь, не вкусите на этой земле; вы не поймете, не познаете Живого Бога.

Для того чтобы все это пришло — и умиление, и всепрощение, и любовь, и покаяние — нужен багаж добрых, смиренных и кротких мыслей, которыми владела бы любовь, не ваша правда, а любовь. Я сейчас немного утрирую и разделяю правду и любовь. Когда же любовь начинает занимать свое место в душе человека, то есть над правдой, над чувством правоты, она поглощает эту правду, соединяется с ней, и они сливаются в одно чувство. Когда человек еще греховен, живет своим ветхим человеком, тогда нужно разделять «правду», правильность и любовь. Пока он еще такой ветхий, он будет все время меняться: то будет «правильным», в таком рассудочном состоянии, то будет в любви. Так должно быть. Это путь любви, путь совершенства, путь освящения человека. В конце концов любовь должна устояться, должна поглотить правду и соединиться с ней, и тогда ветхий человек уйдет. У святых отцов сказано, что и святые грешили, но любовь в них сразу пожигала грех. Святые жили в любви, по своему недомыслию, по детскости такой они могли совершать грехи, но смирение не давало уйти любви, поэтому Бог всегда был с ними.

Юродивые, блаженные мысли не дают превозноситься этой «правде» в человеке, не дают видеть, что ты что-то значишь, что ты кто-то есть. Ты можешь быть семи пядей во лбу, но если у тебя есть такое хорошее, доброе юродство, любовное юродство, то оно не даст превозвестись.

Я всегда думал, как же святые отцы творили чудеса, воскрешали мертвых, исцеляли больных, изгоняли бесов и... не видели, что творят чудеса? Конечно, они понимали, прекрасно понимали, какую силу имеют, какой властью наделены от Бога, были как боги на земле или, лучше сказать, сыны Божии по благодати. Почему же они могли утверждать это в себе, почему не возгордились? Видимо, потому, что имели эту любовь, юродивую, блаженную, безумную любовь, и она всегда опускала их на самый низ.

Помню, где-то у святых отцов рассказывалось, как один говорил другому: «Когда ко мне приходит помысел, что я что-то значу, какие-то чудеса творю, то говорю сам себе — старик, вспомни свой блуд и успокойся», то есть это своего рода юродство перед самим собой. Воспоминания прошлого, унижение самого себя — это тоже юродство. Оно не дает человеку возноситься. У гордого таких мыслей нет. Так и вы, если заметите умные мысли, так ушки наостро. Если же мысли юродивые, добрые, любовные, это наш человек, по духу, по духу любви. А умные мысли... куда все это приведет, куда выведет? Может пойти в одну сторону, может — и в другую. Это не плохо, но и не хорошо. Будьте благо-разумны, терпеливы, трудолюбивы. Головы не ломайте.

14.10.2008 г. Пюхтица

Беседа восьмая

Человек должен соединяться с Богом, то есть спасаться, — это основное, что нужно монаху и вообще христианину. Это цель и труд всей его жизни. Синонимом слова «спасение» может быть слово «молитва». Святые отцы говорят, что молитва соединяет человека с Богом. В сегодняшней беседе я хочу затронуть именно эти темы — тему спасения и тему молитвы.

Когда я читал святых отцов, меня всегда интересовало воздействие благодати Божьей на человека и то, как человек это воспринимает. Каковы признаки благодати? Когда об этом читаешь и об этом написано в духе, то и сам загораешься этой благодатью, то есть сам соприкасаешься с этим свидетельством вхождения Бога в человека и его жизни с Богом. Евангелие тоже отражает это соединение человека с Богом. Наш духовник о. Кирилл всегда говорил: «Читайте Евангелие», потому что так действительно происходит переплетение с Живым Богом. Помните, мы говорили о книге архим. Спиридона (Кислякова) «Из виденного и пережитого». Она рассказывает о сибирском миссионере: как он в тюрьмах проповедовал, как обращал к покая-

нию людей и как прошел свой путь единения с Богом. В ней описывается много интересных моментов, когда на него действовала благодать Божия и он даже терял сознание от молитвы.

Много таких мест есть у старцев Ефрема Катунакского и Тихона Афонского, у преподобного Паисия Святогорца. Интересно, что, читая Евангелие или книги, в которых идет речь о благодатных явлениях, соприкосновениях человека с Богом, люди по-разному воспринимают прочитанное. Человек внешний, мирской выбирает только информацию о событиях — что, когда, где и как было. Ему нужна лишь пища для ума. Человек верующий выбирает из прочитанного пищу для души, то есть то, что разогревает душу, дает ему любовь, потому что душа живет любовью и только ею. Если не давать ей этой пищи, она зачахнет, а если душа никогда ее и не вкушала, не имела опыта соприкосновения с Богом, то она проходит мимо, она Его не знает, не чувствует, хотя Господь соприкасается с ней. И скорбишь о том, что люди не чувствуют, не знают Бога. Как преподобный Силуан Афонский говорил: «Молю Тебя, Милостивый Господи, да познают Тебя Духом Святым все народы земли», то есть он просит о том, чтобы люди почувствовали Бога, прикосновение благодати Божьей к себе и к другим людям. Поэтому я хочу обратить ваше внимание на то, что всегда надо в молитве разогревать свое сердце. Душа должна быть живой, а молитва — давать соприкосновение, соединение с Богом, с Его Духом. Если же этого соприкосновения не происходит, молитва становится механической, мертвой. Молитва молитве рознь.

Теперь давайте остановимся на некоторых моментах из прочитанного — книга про геронду Ефрема Катунакского. В его житии описывается случай, когда душа его начала выходить из тела, но он ее возвращал обратно внутрь себя. Позже он все же отпустил свою душу, и она вышла. Старец увидел внутренними очами три фигуры, душа его обняла среднюю, и он почувствовал, что это Христос. Когда он вернулся в тело, то хватался за любые предметы — шкаф, стол, за все, что в комнате было, чтоб ему не умереть. Придя в себя, он побежал к старцу Иосифу и рассказал

ему свои духовные переживания. В ответ старец ему сказал, что он этого состояния молитвы, любви и благодати достиг в короткое время, тогда как другие отцы тратят на это десятилетия.

Другой случай. Во время литургии о. Ефрему открылся Тот мир, он стал сопереживать тому, что происходит во время священнодействия, и от этих чувств даже потерял сознание и упал на престол. Геронда зашел в алтарь, дернул отца Ефрема за ногу, и он очнулся, пришел в себя и продолжил литургию. Когда он отслужил литургию, то сказал: «Геронда, если такое повторится, ты не трогай меня, даже если потеряю сознание, оставь меня так».

У старца Тихона тоже описывается нечто подобное. О. Паисий пел во время херувимской песни, а старец служил литургию, долго молился и плакал. Когда служба закончилась, отец Паисий спросил: «Геронда, где ты был?», и он ответил: «Я на Небе был с ангелами». У этого человека душа тоже соединялась с горним миром.

Архимандрит Спиридон Кисляков описывает такой момент. Еще отроком он молился с блаженным Максимом в лесу, блаженный начал читать «Отче Наш», потом «Святыи Боже», и в такой молитвенный дух они вошли, что от этого чувства умиления он даже сознание потерял. Очнулся, а блаженный молился весь в слезах и по-прежнему пребывал в молитвенном духе.

К чему я привел эти примеры? Когда душа достигает живой молитвы, когда она оживает и в ней начинает действовать любовь Божия, то есть появляется чувство любви, сострадания, душа приходит в такое молитвенное состояние. Образно говоря, душа как птица: держишь ее в руке — эта птица лапки сложила, крылышки к телу прижала и вроде вся спокойна, но такое чувство, что если пальцы разожмешь, то птичка сразу выпорхнет и улетит. Вот такое состояние должно быть во время живой молитвы. Когда человек начинает молиться, душа словно выходит из него. Такое чувство, что ее держит только тело, сама душа вся наружу движется. Это новоначалное состояние живой молитвы. Старец Ефрем испытывал это состояние, когда душа трепещет и говорит, что выходит. Поэтому он и хватался за шкаф и за

стол — душа действительно выходила из него. Поймите одну вещь — любовь всегда вмещает все и вся. Она не делит людей на плохих и хороших. Природа любви, ее сущность всеобъемлюща: она себя отдает и в то же время собой все поглощает, поэтому если всех любим, а кого-то — нет, то это не настоящая, не Божия любовь. Это любовь человеческая. Истинная, правильная молитва дает Божию любовь и, наоборот, любовь Божия дает молитву.

На чем я хочу заострить ваше внимание? Если кто-то начинает серьезно заниматься молитвой, то он, как отцы всегда говорят, должен быть под контролем духовника, старца, того, кто сам прошел этот путь и знает, как надо делать, чтобы человек не повредился. От одной механической молитвы человек может повредиться. Приведу примеры повреждения при занятии Иисусовой молитвой. Эта молитва краткая и очень быстро собирает ум, то есть человек быстро начинает концентрировать свое внимание на самом себе и уходит сам в себя. Но, поминая имя Божие, обращаясь к Богу, он не оживляет внутренние чувства, сердце его не возгорается. Любви нет, а человек молится.

Первый признак этого неправильного состояния — если во время молитвы дернуть его, нарушить его молитву, допустим, каким-то вопросом, произойдет взрыв, у человека появится нервозность, неприязнь из-за того, что нарушили его покой и ему надо прервать молитву, оставить это состояние погруженности и обратиться к пришедшему. Это ложный покой, который корнями уходит в усаждение плотскими чувствами, эгоизм. Уход внутрь себя без любви — это прелестное состояние. У человека, который занимается молитвой и у которого есть любовь, она всегда направляет его к жертвенности — все ради Христа, ради людей. Душа, как птица, готова вспорхнуть вверх; сила любви этого человека обнимает, она его поглощает. И если кто-то пришел, то, естественно, что не неприязнь и нервозность рождаются в сердце человека, а, напротив, он ощущает еще сильнее любовь.

Я вам как-то рассказывал, что на Афонe у всех, кто находится в послушании, всегда есть признак послушливости — всегдашняя доброжелательность. Они всегда готовы исполнить волю

другого человека и доброжелательны к нему. Они не многословны, всегда расположены к ближнему, у них всегда есть любовь. У них в душе всегда живут тихость, кротость и смирение. Когда человек живет сам по себе и у него нет этой внутренней любви, то он не сделает шаг тебе навстречу, а, наоборот, будет готов бежать, бежать, лишь бы не трогали. Об этом я хотел сказать, чтобы вы наметили себе духовные ориентиры. Не зная их, можно идти в неправильном направлении.

Самый простой способ разогревания сердца – обращение к Богу своими словами. Этим методом пользовались святые отцы и подвижники, подвизавшиеся в недалеком прошлом. Своими словами душу разогреть быстрее. Когда человек обращается к Спасителю, к Матери Божьей, к святым, которых человек любит, душа начинает разогреваться. Это значит, что к словам молитвы подключаются чувства. Когда появляется чувство любви, слова произносятся не впустую. Я думаю, что самое простое – это обращение к Матери Божьей. Обращение к Ней нам более понятно, ведь каждый из нас имел или имеет мать. Эти чувства к матери очень близки нашему сердцу, они в нашей памяти. Более того, Мать Божия – мать всех христиан. У Паши Саровской всегда было такое простонародное обращение «маменька» как к родной, самой близкой. Когда мы к Ней обращаемся, чувства любви очень быстро разогреваются. Может, я потому еще так говорю, что на Афоне присутствие Матери Божьей очень близко и здесь, в Пюхтице, Ее присутствие тоже очень сильно чувствуется. Когда же душа своими словами разогревается, к разогретому сердцу нужно присоединять Иисусову молитву, а потом опять переходить на молитву своими словами и снова возвращаться к Иисусовой молитве. Так можно чередовать, пока сердце не разгорится и не устоит в Иисусовой молитве и само уже будет ее творить. Это уже будет Иисусова молитва живая, не механическая.

Когда молитва пошла, это еще не значит, что она будет все время в душе, – она побудет какое-то время и отойдет. Когда у отца Ефрема Катунского спросили: «Отче, сколько времени ты

в благодати пребываешь?», он ответил: «Часа три». Как только сердце разогревается, как только входит в него благодать, Иисусова молитва становится живой. Каждый свое время может в этом разогретом состоянии быть, кто-то — больше, кто-то — меньше. Когда Иисусова молитва начинает остывать, тогда уже появляются помыслы, а за ними суетность опять выводит сердце в холодное состояние. Когда это произошло, нужно опять возвращаться к молитве своими словами. И так чередовать. Когда человек будет иметь навык молитвы и живую молитву, как преп. Силуан Афонский и другие отцы, он будет пребывать в этом благодатном состоянии и сердце будет постоянно разогрето. Тогда уже не нужно чередовать и переходить от молитвы своими словами к Иисусовой — все, Иисусова молитва пошла. Даже если сердце по каким-то причинам остынет, Иисусова молитва вновь его согреет. Вот так можно учиться молиться. Каждый может сам для себя выбрать путь единения с Богом — какой ему проще. Попробовал так — не получается, делай по-другому — это твое право.

Только знайте, что без живой молитвы, без разогретого сердца, без любви, человек не может быть с Богом. Человек — живое существо, и хочет любить и быть любимым. Это свойство его природы, потребность души. Если она этого не испытывает, то начинает чахнуть. Когда человек рождается, он держится за материнскую и отцовскую руку, то есть растет в любви семейного очага. Потом он переходит из этого очага в другой семейный очаг — супружеский, и там тоже любовь. Все время Господь дает человеку эти сферы, в которых бы любовь человека развивалась, в которых могла бы жить, потому что в этой любви — Бог. У монаха нет этих земных очагов, которые предназначены для мирских людей. У него очаг малой семьи — души и Бога. Если человек этот очаг своей семьи не создаст, он будет мертвым. Может быть, телесно он и будет здоров и благоразумен, но от недостатка любви душа начнет чахнуть, потому что ей, как и телу, необходимо питание, нужна энергия. Она питается не хлебом и водой, а любовью и, не получая этой пищи, духовной пищи, начинает чахнуть.

Когда сталкиваешься в миру или в монастыре с человеком, который не живет этой живой жизнью, этой любовью и соприкосновением с Богом, замечаешь, что его дух отличен от живого духа любви, духа Божия. Человек, который живет в послушании, живет в лоне Церкви, имеет здравый дух. Обычно дух проявляет себя через мысли. Когда вы соприкасаетесь с другими людьми и книгами, всегда испытывается ваш дух: здравый он или нет, потому что вы находите в книгах что-то близкое себе или чуждое. Душа, впитывая какую-то информацию, соприкасается с жизнью духа и приобретает опыт, она анализирует и чувствует, что ее, а что — нет. Здравие души этим тоже проверяется. Мы должны это знать, а если мы этого не понимаем, это проблема, потому что без этой чуткости будет тяжело и человек без этого может повредиться. Ведь сейчас, к сожалению, выпускается очень много литературы, в которой совсем нет духа любви. Нам нужен духовный опыт.

Всегда в ходе бесед мы касаемся темы прелести, обмана. Если человек имеет живую молитву и стремится к ней, Господь всегда его выводит из прелести. Чем? Смирением. Божия любовь всегда связана со смирением души — Бог не может войти в душу, если она не смиренна. И когда человек в своей живой молитве призывает имя Божие, он всегда внутренне просит отречься от самого себя, от своих привязанностей и страстей, чтобы соединиться с Богом. Монах отрекается от земного счастья, ему нужен только Бог. Только когда происходит это внутреннее отречение человека, это самопожертвование, его сердце может ожить. Без этого самоотречения, смирения души не может сердце согреться, не может начать действовать молитва. Смирение — это всегда принесение себя в жертву самому Богу, отречение от всех своих страстей и привязанностей. Ты можешь не освободиться от них, но само желание дает человеку возможность соединиться с Богом. А если не будет этого желания, не произойдет возгорания сердца и любовь Божия не войдет в душу человека. Душа должна быть способна принять эту любовь. Молитва тоже живет по своим внутренним законам.

Если не происходит самоотречения и человек не отказывается от своих страстей, от своих привязанностей, то ни о какой любви и речи быть не может. Бог не войдет в эту душу. Я понимаю, человек есть человек: какие-то неприязненные чувства, тщеславие, нечистые помыслы — все это есть, но молитва, направленная на самоотречение, смирение, покрывает эти чувства любовью. И Бог входит в душу, несмотря на то, что у человека все это есть, потому что волей своей человек не хочет зла. По-моему, в «Прологе» описывается случай, я его уже приводил в пример. У матери умер ребенок, и она, обезумев от горя, шла по дороге и младенца своего на руках несла. Ей навстречу — блудница, и, поравнявшись с ней, мать бросила младенца в руки блудницы. А та, тоже в шоковом состоянии, посмотрела на мертвого младенца, который оказался у нее на руках, и от сострадания возопила к Богу: «Господи, воскреси его!» И Бог воскресил этого младенца не по молитвам матери, а по молитве блудницы, которая обратилась ко Христу. От всего себя отрекся человек и попросил Бога об этом, то есть вопль отречения от самого себя необходим в молитве. Если этого нет, то молитва будет глухой, земной и не будет услышана. Каков бы ни был человек в падении своем, в своих грехах, если у него есть этот вопль души, он спасется, потому что Бог будет с ним.

У отца Спиридона (Кислякова) в его миссионерских рассказах повествуется о заключенных, которые по уши погрязли в грехах, убийствах и во всем, что только можно себе представить. В его книге описывается снисхождение благодати Божьей и любви на этих людей, их раскаяние, их покаяние и как они чувствовали эту любовь. Интересный момент — люди интеллигентные, у которых нет больших грехов, когда это читают, то не понимают: «Как может Бог принять этих убийц, на которых столько крови, которые столько сделали зла на этой земле? Как Он может их простить? Почему Он их не накажет, не уничтожит, а дает им прощение и любовь?» Гордость не дает этим людям смириться, потому что только в смирении можно понять Бога и любовь. В стихирах Страстной Пятницы есть такие слова

апостола Петра: «Господи, если и все отрекутся от Тебя, я никогда не отрекусь». Церковь как бы от лица Господа отвечает: «Петре, Петре, ты еще не познал милосердие Божие, Его милость». Промысел Божий в том, чтобы человек познал всепрощающую любовь Божию, именно для этого нужно было это падение апостолу Петру. Не познав ее, он не смог бы наследовать Царствие Небесное, не смог бы стать апостолом, который полюбил людей так, как их любит Бог. Когда мы в какую-то прелесть впадаем, какой-то помысел неправильный принимаем, наша душа начинает отпадать от Бога и каменеть в этом состоянии, и Господь через какое-то падение, через какие-то грехи вразумляет нас и прощением вселяет в наши сердца любовь. Душа опять разогревается и взлетает к Богу. Любовь Божию познаешь больше не когда получаешь от Него что-то доброе и хорошее, а когда Господь тебя спасает от какого-то падения, спасает из ада грехов Своим всепрощением и ты чувствуешь Его руку. От этой любви душа вся разрывается и трепещет, появляется чувство, что душа не выдержит ее напора, не выдержит и вот-вот умрет. Так посещает и спасает Господь.

Что еще я хотел сказать вам? Главное в этой жизни — творить волю Божию. Воля Бога живая и благая и всегда ведет человека ко спасению. Над каждым из нас в отдельности и над всеми нами вместе совершается Его воля. Мы должны не только в молитве приобщаться любви Божьей, не только ею обогащаться, но и пониманием, в чем заключается воля Божия для нас и для окружающих, для всего мира. В воле Божьей всегда присутствует любовь Божия: когда душа осознает, что именно Господь хочет от нее, она сразу приходит в состояние горения в любви. Без понимания, без видения воли Божьей невозможно пребывать в молитве и в любви. Святые отцы говорят: «Чем больше человек живет, тем глубже он погружается в волю Божию, в видение этой воли». Старайтесь во всем видеть цель, тогда будете получать внутренний ответ через духовника или еще каким-то образом, и душа все время будет обогащаться любовью. Даже то зло, которое происходит вокруг нас, надо принимать как данное

Богом и воспринимать его как вразумление и лекарство от греха и прелести, в результате чего душа еще сильнее начинает любить Бога. Вы сами пришли в монастырь, стали здесь жить, соприкоснулись с его насельниками, не только с хорошим, но и с плохим, и когда душа какое-то внешнее зло принимает как лекарство от грехов, начинает видеть в нем руку Божию, то от этого она смиряется и становится добрее и любвеобильнее. Если душа искушения принимает как от руки Божьей, она не обозлится, не станет трусливой и забитой, а, наоборот, выздоровеет, если была больной, возмужает и станет сильнее.

Если же человек начинает от того зла, с которым он соприкасается, съезживаться, бояться его, происходит повреждение, и человек становится забитым и боязливым. Человек молится, обретает состояние любви, но теряет его, потому что не видит воли Божьей и от того не принимает ее. Даже если бы он в молитве преуспевал, но промысла Божия не видел бы и не принимал, его труд останется тщетным. Хуже того, душа от этого неведения и своей самости повреждается. Когда на исповеди и в личной беседе соприкасаешься с теми, кто принимал от руки Божьей только хорошее, а плохое отвергал, то находишь в этих людях этот изъян любви. Значит, человек, живя в мире и что-то переживая, никогда не задавал себе вопрос: «Господи, а Ты что хочешь?» В нашей жизни участвует Бог, и всегда, что бы в ней ни происходило — хорошее или плохое — мы должны задавать этот вопрос: «Господи, а что Ты хочешь?» Этот вопрос не означает, что надо со всем смириться, что на тебя наваливается, нет. Это смирение будет ложным, неправильным; оно может сломать человека, потому что многие беды, которые приходят на человека, могут быть ему не по силам. И если он, как ослик, будет все время наклонять голову и их принимать, он может сломаться, надорваться. Когда же человек начинает искать ответ на свой вопрос, Господь ему ответит, не оставит его, и он возьмет те скорби, что ему по силам, а к чему-то отнесется равнодушно. Смирение смирению рознь.

Смирение прививается душе человека только тогда, когда человек начинает искать и исполнять волю Божию. Смирение всег-

да идет в союзе, в соединении с волей Божьей. Они переплетены, связаны между собой. Воля Божия всегда дается Богом человеку по его внутреннему смирению. Если душа человека недостаточно смиренна, Господь никогда не даст тех тяжелых скорбей, которые могли бы раздавить его душу. А если человек не понимает воли Божьей и начинает на себя набирать, тогда действительно приходящие скорби могут надорвать человека. Каждому человеку свой предел положен. Один может понести много, другой — мало. Для всякого человека свой Промысел, свои скорби и страдания, и телесные, и душевные, поэтому и молитва, и знание и исполнение воли Божьей обязательно должны быть. Если один из этих аспектов отсутствует, то душа повреждается. Без исполнения воли Божьей и без молитвы она не может спастись, не может жить в полноте, развиваться и прилепляться к Богу, без этого душа будет неполноценной. В молодости эти проблемы души не так видно, но с возрастом они все сильнее и сильнее будут проявляться, и станет видно, чем человек жил в молодости.

Спасение — это путь и тяжелый, и легкий одновременно. Надо просто все принимать, легко и в то же время благо-разумно, на чем-то заострять свое внимание, а на что-то внимания не обращать. Воля Божия обычно познается человеком через духовника, поэтому главная задача священника не в исполнении треб, а в умении соединить человека с Богом, в том, чтобы он мог и сам исполнить волю Божию, и открыть ее другим. Еще один момент. Мир дает все больше и больше соблазнов, неестественных, от которых человек повреждается очень сильно. С естественными соблазнами душа знает, как бороться, это более естественно для нее. А вот когда человек все время соприкасается с экраном компьютера и телевидения, душа повреждается очень сильно. Воображение начинает работать совершенно неправильно. Если он видит все время эти картинки, не бережет себя, то это очень плохо, пагубно. Для молитвы это смерть. Если человек смотрит телевизор, какие-то передачи, в голове у него всегда будут фантазии. Преп. Никодим Святогорец говорит, что фантазия — это мост для дьявола в ум человека, по нему дьявол

входит внутрь человека. Никаким другим путем он внутрь не пройдет, только через фантазию. Посмотрев какой-то фильм, передачу, человек уже не сможет молиться, пока не пройдет время и ум не успокоится, поэтому берегите себя.

Когда приходят помыслы от Бога, они всегда приносят покой и умиротворение, душа всегда приобретает любовь. При этом от этих мыслей идет надлом воли греховной, идет в хорошем смысле слова ломка души. Хотя она может продолжаться минуты две, а потом греховная воля снова накатывает и «правильные» мысли овладевают человеком, и от них он снова впадает в раздражительность и беспокойство. Самое плохое, когда человек такими «правильными» мыслями начинает жить. Этот человек всегда будет всех пилить. Он будет говорить правильно, но мира и покоя в душе у него не будет, пока он не станет жить по закону любви, пока не начнет оправдывать других. Любовь всегда имеет свойство покрывать, а дьявол — открывать: этот такой, а тот такой. Нет идеальных людей, в каждом есть какой-то изъян, и дьявол эти изъяны открывает. Если на это попался, то пока не исправишь свой помысел, любви не будет.

Отец Паисий всегда говорил, что в наше время самая большая проблема не в страстности и обилии грехов, а в поврежденном помысле. Когда здоровый у человека помысел, в нем действует любовь, она всегда оправдает и грехи людей покроет, при поврежденном человек начинает всех по правде строить, все время у него кто-то будет виноват. Вся загвоздка в том, что он говорит правду. Если бы ложь говорил, было бы понятно, а он говорит правду, но от такой правды одно зло. Этот человек сам начинает страдать, он все время скорбит. Отец Паисий говорит, что у таких людей начинается расстройство психики. Если продолжится долго и пойдет по нарастающей, то рано или поздно произойдет душевный срыв и человек заболевает. Он не поддается вразумлению, живет только своими мыслями. Нормальный человек прислушивается ко всему доброму. Например, вы мне скажете: «Батюшка, вы то-то и то-то не так делаете». Я отвечу: «Да, я плохо сделал, не надо так делать». И исправлюсь. Вы говорите

хорошие, правильные вещи, и я их принимаю, а человек с поврежденными помыслами не может отречься от своего «я». Все, что бы он ни делал и ни говорил, он делает и говорит правильно, для него выше его «я» никого нет. Он не принимает замечания других. Это самое плохое, самое страшное. Если человек страстный, греховный, у него какие-то страсти возбуждены, но голова нормальная, он понимает, что это плохо, и он от этого отказывается. У него всегда есть возможность обратиться к Богу и вместить в себя любовь Божию. Даже страстный человек может принять замечание, смириться и исправиться, а человек с поврежденным помыслом не может. И промысел Божий об этом человеке: со временем он начинает страдать от себя самого. Он скорбит и своими скорбями спасается. Это его путь. И, к сожалению, таких людей становится все больше и больше, особенно в престарелом возрасте... Теперь, если есть, задавайте вопросы.

— *Я хочу спросить про записи духовные, которые мы слушаем. Что вы скажете?*

— Понимаете, все это слушание от того, что у человека еще нет молитвенного горения, ему нужно разогреваться. А когда человек входит в молитвенное состояние, когда молитва идет, тогда все само собой отходит. У отцов всегда были книги. Книги дают духовное возбуждение, даже когда ты к ним не прикасаешься, когда они просто на полке стоят. Это естественно, потому что книги хранят слово. Когда я еще учился в семинарии, у нас преподавал Новый Завет о. Василий (Строганов). Он говорил, что апостолы Евангелие записывали на дощечках, до них же евреи писали на свитках, поэтому Евангелие появилось в форме книги, а Ветхий Завет был в свитках. У меня такой помысел: даже форма стоящих на полках книг — это уже своего рода благовестие, и сам их вид побуждает душу к молитве. У кассет есть свой плюс — они могут запечатлеть интонацию и голос отцов, передать в какой-то степени их дух, воспроизвести информацию молитвословов или духовных книг. В общем, все хорошо в свое время и в своем месте.

— Если видишь, что кто-то делает какое-то зло, как настроить свой помысел, чтобы не осудить, а оправдать того человека, который делает зло или ведет себя неподобающе?

— Здесь два момента. Первый — во всем надо научиться видеть промысел Божий. Когда это чувство привьется, ты будешь понимать, что Господь хочет в этой ситуации. Например, если человек грубит кому-то, может быть, это Божие наказание тому, на которого изливается зло, то есть Господь здесь на земле его очищает, и если это так, то нужно отойти, потому что, если начнешь вмешиваться, можешь повредить себе и тому человеку, пойти против воли Божьей. А может быть другая ситуация — Господь тебе откроет, что человек не может понести того искушения, которое на него навалилось, тогда тебе нужно ему помочь. Душа живет и функционирует нормально, когда есть смирение. Это нормально, когда человека смиряют, так должно быть. Но если у него немного смирения, то он может немного и понести каких-то невзгод. И если ты чувствуешь, что его начинают ломать, он повреждается, тебе нужно ему помочь. Всем нам нужно учиться чувствовать и видеть промысел Божий. К каждому случаю свой подход. Нельзя сказать, что надо все время всех защищать. Это неправильно. Должно быть внутреннее чутье. Господь Сам открывает, когда нужно заступиться, а когда — отойти.

— Но если ты не заступаешься, а человек начинает озлобляться от того, что с ним происходит?

— Если человека ломают, а ты остаешься в стороне — это неправильно. Не бойтесь испортить отношения с людьми, не надо быть забитым человеком. Нужно быть бойцом, сильным человеком. Не бойтесь разладить отношения с кем-то, защищая человека. Не надо ни под кого подстраиваться. Да, надо по-доброму, но в каких-то случаях нужна и твердость. Если чувствуешь, что тебя ломают, надо как-то за себя постоять. Когда дьявол действует через человека, а ты начинаешь в ответ смиренничать, этот человек чувствует свою правоту, делает больно, и его уже несет — видя правильность своих поступков, еще больше начинает унижать и ломать ближнего. Но если поставить такого человека на место, он

может почувствовать, что он неправ. Когда человек начнет кого-то ругать, оскорблять, останавливайте. Если он начинает на кого-то давить, через него не Бог уже действует, дьявол, его надо пресекать. А если будешь пред дьяволом смиренничать, то повредишься. Вспомните отца Иоанна Кронштадтского и других отцов, которые бесноватых исцеляли, и как Спаситель бесов изгонял. Всегда сила проявлялась. Мы часто со смирением связываем молчание. «Простите, простите», но не всегда это смирение, смирение гораздо выше. Смирение во многих случаях — это ответный удар, поэтому часто нужно действительно быть бойцом, постоять и за себя, и за других. Тогда твое душевное устройство будет нормальным. Причем постоять за себя — это не значит ругаться, когда тебя ругают, но быть подобно безумному, как будто тебя это не касается, а если кричать, то без зла. Этому тоже надо учиться.

— Я прочитала в одной книге, что люди, которые не участвовали в церковных Таинствах, были большими грешниками и с Богом в этой жизни не общались, пойдут на веки вечные во ад, и вымолить их невозможно.

— Все в руках Божиих. Догмат один должен быть — Бог благ. И что бы Господь ни делал, как бы ни поступал с человеком, Он все равно поступит с ним по Своей благодати, по Своей милости. Насколько человек может вместить Бога, настолько он Его вместит. Вы немного неверно понимаете, что такое Царство Небесное. Как будто мы умоляем не милостивого Бога, а грозного владыку помиловать и ввести в рай грешного человека. Нет, все зависит от состояния души. Бог всегда хочет принять человека. Здесь другое. Душа, если она не имеет в себе любви, не может воспринять Божию любовь, она отторгает ее. Всегда говорили, молитва матери выводит из ада. Что под этим подразумевается? Если человек сохранит хотя бы любовь к матери, у него всегда будет зацепка за Бога, потому что и в этой естественной любви есть Бог. Отец Паисий говорил: «Если человек имеет милующее сердце, о его спасении не беспокойся. Его спасет Бог». Не пытайтесь умом проникнуть в эту область спасения, что и как там происходит. Нельзя раскладывать все по полочкам. Душа человека

— это целый мир, в котором столько всего. Господь говорит, что ради души человека Он создал весь этот мир, насколько же тогда она дорога Богу, раз Он сотворил все ради нее. У Бога любви гораздо больше, чем у нас всех, вместе взятых.

— *Прожила жизнь и только под старость нашла книгу о воле Божьей, читаю каждый день и учусь.*

— Да, можно столько хороших и прекрасных книг прочитать, а ведь чтобы все это исполнить, сколько нужно сил и трудов. Все книги святые отцы писали из духовного опыта. Насколько опыт отцов ты сможешь через себя пропустить, насколько сможешь его воспринять? Это ведь тоже непросто. Часто бывает, прочитаешь что-то у отцов, а после годы, десятилетия проходят, пока эти слова дойдут до сердца. Если душа нормальная, смирение есть, то Господь в свое время эти страсти исцелит. Человек рождается страстным, и страстное сердце сохраняется до конца его дней. Но Христос пришел на землю и дал человеку новые чувства, дал ему новое рождение. В человека всевается семя Христа — у него появляется новая жизнь, новое сердце. Это чувство любви к Богу должно перекрывать страстное сердце, должно заглушать его. Если же не хватает любви к Богу, то человек будет жить своими страстями. Он будет только осознавать, что Бог есть, это будет только в его уме. Поэтому, как только отходит благодать, вся страстность сразу выходит наружу. Святые отцы всегда говорили: «Господи, только не дай нам в этих грехах умереть. Пусть любовь Твоя всегда нас покрывает». Отцы всегда боялись потерять благодать.

Свою человеческую природу мы должны знать. Будем разогревать свое сердце, чтобы там были чувства Божии. Если их не будет, то будем жить по страстям. У Екклесиаста говорится о том, что нам дано время не думать, а жить. Отец Кирилл учил: «Будьте маленькими юродивыми, на многие вещи смотрите попроще, не закикливайтесь на них, и даже на то зло, которое в вас есть, во многом не надо обращать внимания». И я вам говорю: ко многим вещам, что внутри вас и вокруг вас, относитесь попроще. Все, что делается по воле Божьей, само собой происходит. И благодать сама тихо и мирно приходит в душу человека. Тут нужно безум-

ство — многие вещи пусть проходят только через ум, не надо пропускать их в сердце, иначе можно повредиться. Если постоянно будете терпеть даже то зло, которое в вас есть, то от этого повредитесь. Это не смирение, это смиренничество. Смирение — это «да, я такой, но я не хочу быть таким», и от этого отходишь, то есть зажигаешь сердце свое неприязнью к тому злу, что в тебе есть, и одновременно надеждой на то, что Бог видит твое желание и, когда нужно, исполнит его. В любом возрасте, сколько бы ты ни прожил, нужно иметь здоровую душу — не быть постоянно в нервном состоянии и в беспокойстве. Это неправильное устройство, от него надо отходить, иначе дьявол на всем нас будет ловить.

— *А как от такого напряженного состояния отходить?*

— Не надо прокручивать через свое сердце лишние проблемы. Перекрестился и пошел дальше. Не заводи диалога с этими мыслями и чувствами. В сердце чувства могут бурлить, но если голова твоя к ним не подключается, то есть ты этого не хочешь, пускай бурлит. От тебя требуется одно — не жить этим и об этом не думать. Вот поэтому блаженные и были блаженными. Должно быть состояние, словно в поезде едешь: сел и в окошко смотришь — там деревни мелькают, леса, поля, люди, а ты сидишь в этом вагоне, едешь. Такое состояние души должно быть и по отношению к окружающему миру, и к тому, что у тебя внутри происходит. Бурлят себе страсти, а ты в своем вагончике сидишь. Ну что поделаешь? Надо потерпеть. Никуда от себя не денешься. Понятно, что это страдание, но относиться к нему надо спокойно. Если будешь заикливаться на этом, то себе не поможет, только заболеешь. Проблемы всегда будут: и скорби, и болезни, и наговоры. А проблемы в душе человека — за непослушание воле Божьей, а начинаются они в уме человека, когда ум начинает чем-то поработаться. Если страсти какие-то в сердце возникают, то обычно с этим можно справиться, когда ум с Богом. А если ум забит каким-то человеком, событием или переживанием, то это уже непослушание, и от этого происходит падение и потеря Божьей любви.

04.12.2008 г. Пюхтица

Беседа девятая

Хочу поговорить с вами о памяти. Насколько я понимаю смысл этого слова, это запечатление какого-то образа внутри себя. Так, спустя годы после встречи с человеком при воспоминании о нем в уме складывается его образ: вспоминаются его лицо, фигура, голос, интонации, походка — ум в основном запечатлевает внешний облик. Почему человек не видит душу другого человека? Ведь если душа пребывает в любви, если она чуткая, то она должна оставлять в себе самой образ души человека. Священное Писание говорит: «Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5:8). Это можно сказать о святых отцах, которые достигли чистоты сердца, но в первую очередь человек начинает видеть души ему подобных и ангелов. В сердце человека, живущего по-христиански, по любви, по закону Божьему, другой человек обязательно запечатлется своей душой. На литургии мы соприкасаемся с ангельским миром. У святых отцов сказано, что при приближении к Богу первое, что открывается человеку, — он начинает своими внутренними глазами видеть души людей и ангельский мир, не Бога, но души и ангелов. Но самое главное, что Бог открывает человеку его душу. Только когда ему открываются его грехи, он может покаяться, исправиться и спастись. Так бывает, когда Бог приходит в душу человека. Тогда дьявол не может войти внутрь, поэтому приходит только снаружи — через помыслы. Если человек их примет, у него появится мечтательность. Например, во сне человек видит фигуры, лица, чувствует страх или, наоборот, неестественную радость, и, погружаясь в них, соприкасается с дьяволом. Бог и дьявол могут открываться через видение одних и тех же тел или предметов, но дьявол открывает их всегда через фантазию, а Бог — через дух. Фантазия концентрирует внимание на виденном и на чувствах, а дух — на глубине содержания и цели. Дьявол запечатлевает себя в воображении; а Бог, ангелы, души других людей — в самой душе человека.

Память человека можно разделить на память ума и память

сердца. В памяти ума берут свое начало мечтания. Видение духовного мира относится к памяти сердца, потому что любовь — в сердце, а уму принадлежат только мысли. Мысль возбуждает любовь, приводит в движение сердце, отчего сердце начинает видеть, поэтому в богослужении, в молитве в первую очередь должно участвовать сердце. Если наше сердце соединяется с Небесным миром, который во время Божественной литургии снисходит сюда, на землю, служба не проходит для нас впустую. Если сердце осталось без чувств, то время прошло напрасно. Душа должна через любовь проникать в другой мир.

На панихиде поется о вечной памяти. Вечная память принадлежит Богу. Мы просим Бога о том, чтобы Он запечатлел, помянул и имел в Себе, в Своей памяти этого человека. В имени — сущность человека, и мы просим, чтобы человек был в памяти Божьей, в Самом Боге. Интересно, когда молишься, совершаешь панихиду и смотришь на икону Спасителя, то в Его глазах видишь не только Его взгляд оттуда, с той стороны, с Небес, но и взгляд тех ушедших в мир иной, которые запечатлены в Его памяти, потому что они там, у Него, в Его любви. В этом взоре — весь Божий мир. Через Бога, через память Божию мы и в Иисусовой молитве общаемся не только со Христом, но и со всеми, кто ушел из этого мира, и с теми, кто еще живет в нем и находится в любви Божьей. Потому Господь в литургии и призывает человека быть в единстве со всеми, кто живет в духе любви, в духе Христовом. Только дух гордости противоречит духу Божию, он отторгается от любви и памяти Божьей. А книга жизни и есть память Божия. Если у человека есть смирение и любовь, то он соединен с Богом, он в Боге — и те, кто сейчас на земле, и те, кто ушел из этого мира.

Хочу еще поговорить с вами о событиях, происходящих в нашем мире. Все в этом мире происходит по промыслу Божию. Господь никогда не оставлял и не оставит наш мир, Он знает обо всем, не может не знать, потому что Он сотворил этот мир, которому в свое время придет конец. И закончит мир свое существование из-за духовных причин. Человек отступит от Бога и перестанет быть человеком, потому что не будет в нем любви,

тогда и наступит конец. Чаще задавайте вопрос: «Господи, а Ты что хочешь?» Познавайте волю Божию. Кризис несет семьям большую скорбь и вообще людям. Людям семейным надо детей поднимать, семью кормить, а работы нет и зарплаты маленькие. Это большие переживания.

Остановимся на нескольких моментах этого кризиса. Во-первых, мир, в котором мы живем, уже объединенный — одна страна зависит от другой. Это раньше каждый мог существовать сам по себе, а сейчас мы видим, что кризис, начавшийся в Америке, захлестнул весь мир, и каждый почувствовал, что экономическими нитями мы связаны между собой. Во-вторых, пришедшие скорби должны были подтолкнуть христианина к самоуглублению. Господь пришел на землю и показал путь на Небо, который лежит через Голгофу, через скорбь. Не будет скорбей — на Небо никто не взойдет. Мы должны правильно принимать скорби и использовать их во благо. Если человек начинает переживать, нервничать, ситуацию он не изменит, а только повредит себе. В таких ситуациях нужно надеяться не на себя, а только на Бога. Людей неверующих, подверженных страстям пришедшие скорби приводят в еще худшее состояние. По миру прошла кризисная волна грабежей и воровства — начинают отнимать продукты, вещи у тех, кто еще что-то имеет. Если такие скорби будут увеличиваться, то агрессия в мире начнет возрастать. Это мои помыслы, может, в чем-то я и неправ.

Человек воспринимает другого человека не только внешними органами чувств, но и своим сердцем. Очень опасно для души ставить печать на человека: этот плох, а этот хорош. У каждого есть изъяны, свои немощи. Если душа выносит суждение о ком-то и у тебя в сердце будет неприязнь, то ты не будешь любить этого человека. А если у тебя нет любви, значит, ты уже отпадаешь от Бога — у Него есть любовь даже к самому последнему, к самому нехорошему человеку, потому что это Его природа. Печать неприязни уничтожает любовь, поэтому старайтесь не судить человека. Владыка Василий (Кривошеин) не называл человека плохим, а просто говорил, что он чудаковатый, и всегда

без зла. Тем самым он не обижал человека, хотя тот, может, и был плохим; он не ломал в себе любовь, и дух Божий в нем оставался. Сколько я замечал из своего опыта, когда видишь что-то смущающее, плохое в человеке и выносишь ему приговор: «Он такой и такой», то запечатлеваешь в памяти такой облик человека, ставишь печать на него и от этого сам повреждаешься. Позже снова сталкиваешься с ним, хочешь его любить, а любви-то нет, в сердце уже неприязнь. Старайтесь такие приговоры, такие печати не ставить ни на кого. Лучше не анализировать и не обсуждать никого, а если увидел какую-то немощь, какое-то зло, смиришься с этим: «Вот такой он, а я, может, и того хуже». Не характеризуйте и не осуждайте за какую-то страсть, не надо делать этого, иначе вы останетесь без Бога. Об этом прелестном состоянии я хотел вам сказать, разъяснить его, потому что это касается в первую очередь монашествующих. Почему? Потому что они живут общежитием, сталкиваются друг с другом.

Вы кружитесь в общежитии в своем маленьком мире, и если вы ощущаете неприязнь хоть к кому-то, то у вас будут проблемы не с этим человеком, а с Богом. Будете и на службы ходить, и к Святому Причастию приступать, а любви от таинств получать не будете. Любовь Божия, Божия энергия входит в душу человека, только когда она богоподобна. Откройте Евангелие, посмотрите на Христа: когда Его прибывали к Кресту, кого Он проклинал? Никого. Кого осуждал? Никого. Он только говорил: «Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят» (Лк. 23:34), никакого озлобления у Него не было.

Мне нравится один момент в Евангелии от Луки — предательство апостола Петра. Когда Христос сказал: «Вы все отречетесь от Меня», апостол Петр возразил: «Даже если все отрекутся, я никогда не отрекусь». И Господь ответил ему: «Говорю тебе, Петре, не пропоет петух, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня». И все апостолы так же сказали: «Не отречемся от Тебя, Господи» (Мк. 14:27-31). А когда Христа повели на архиерейский суд, к Петру подошла служанка и сказала: «И этот был с Ним». Сначала он отрекся так: «Я не знаю Его». Во второй раз

отречение было сильнее: «Нет!» А в третий раз, когда ему говорили: «И этот был с Ним, ибо он галилеянин», он уже клялся, что не знает этого человека. И когда он был в таком состоянии, когда к нему приступили и он трясся за свою жизнь, был весь во власти этого страха, Христос повернул голову и взглянул на Петра, и Петр вспомнил слова Христа (Лк. 22:56-62). До этого он не помнил Его слов, а когда их взгляды встретились, он вспомнил. Этот взгляд — это взгляд не осуждения, а памяти, взгляд любви, который говорил, что этот человек, апостол Петр, — в памяти Божьей, в Его уме и в Его сердце. Апостол Петр горько заплакал и ушел, он каялся. Это очень интересный момент в Евангелии, и апостол Лука его запечатлел.

Такие нюансы о многом говорят. Когда начинаешь втягиваться в суету, по хозяйству что-то делать, то чувствуешь, как потихонечку в этих суетных делах начинаешь заземляться, это начинает нравиться, и уже чувствуешь свою зависимость от этого — так действует любая страсть. То же произошло и с Иудой Искаротским. Потихоньку страсть сребролюбия разрослась в нем. Разве он глупый был? Его душа не чувствовала Бога? Все она чувствовала, все знала. Но хочешь не хочешь, головой понимаешь, что ничего мне не надо и ничто меня тут не держит, все равно умрешь и жизнь моя будет там, на Небе, а здесь все временно, но нет, когда какие-то страсти тебя улавливают, сердцу это уже нравится, и начинаешь этим жить. И уже не скажешь: «Я этого не хочу». Сердце говорит обратное: «Нет, дорогой, ты будешь здесь, на земле». Вот поэтому святитель Иоанн Златоуст говорил: «Не дай нам, Господи, остаться здесь, на земле», страсти заземляют человека, держат его, и человек не может своими чувствами оторваться от земного. Вот и Иуда. Он потихоньку пристрастился к деньгам, с ковчежцем ходил, денежки собирал. А когда женщина пришла с алавастровым сосудом мира и умывала ноги Христу, Иуда сказал, что можно продать все это и получить динариев триста, то есть он стал все переводить в деньги (Мк. 14:3-5), (Ин. 12:5). Божественное ушло на задний план, поэтому он весь мир стал видеть через призму денег. Когда он пре-

дал Христа и стража взяла Его, Иуда отошел, упал и плакал, то есть он прекрасно осознавал, что сделал, и что Христос — это Бог. Тогда он взял эти деньги и в таком унынии, в такой печали принес и бросил их в храме (Мф. 27:3). Вот интересно, в великом покаянии душа отказывается от всего и в великом унынии — несмотря на страсти, ей уже ничего не надо. Но покаяние возвращает человека к Богу, дает ему надежду, а уныние отрубает все и приносит гибель.

Евангелие важно для нас в первую очередь своим глубинным смыслом, передачей тех внутренних духовных состояний, которые были у людей и Самого Спасителя. Евангелие — это Благовестие, но это не только благовестие — учение о Той жизни, но и учение о том, как спастись, как взойти Туда и какими нам нужно быть. Евангелие открывает правильное состояние души и неправильное. Есть в Священном Писании заповеди, своего рода духовные формулы. Если бы Господь говорил только одними формулами и не открывал бы их сути, то мы не могли бы их вместить, не могли бы понять, потому что толкование формул может быть различным. Но Господь и конкретно говорит, что Он имеет в виду. Когда еретики начинают толковать Священное Писание, они начинают противоречить контексту Священного Писания, Его духу, сами толкуют эти формулы. Святые же отцы всегда все заповеди раскрывали, исходя из тех состояний, о которых говорил Сам Спаситель, и своей жизнью это исполняли. Это не выдуманные какие-то толкования. Священное Предание — это толкование святыми отцами Священного Писания, которое приводит человека к Богу. И эта встреча с Богом происходит внутри человека, когда человек соединяется со Христом в духе, и обретает то правильное внутреннее состояние, которое открывается в Священном Писании. Поэтому к молитве относится не только прочтение вечерних и утренних молитв, посещение служб, Иисусова молитва, самая главная задача молитвы — это вхождение Бога в нас, то есть достижение состояния смирения.

Это состояние смирения может быть двояким: умилением или сухостью. Посещение Божие может быть в слезах и в радо-

сти, а может быть и без видимых чувств. Но мы знаем, что состояние присутствия Божия — это всегда состояние мира и покоя. Поэтому и на литургии, и на вечерней службе всегда говорим: «Паки и паки миром Господу помолимся». О покойном, мирном состоянии, о стяжании мирного духа говорит Церковь, не о состоянии смирения, а о мире. И если Богу угодно, посетит человека и что-то ему дать: кому дать слезы, кому — радость, а кому — сухость, в зависимости от того, кто что может воспринять, понести и удержать. Если же не будет этого мирного состояния, то единения с Богом не произойдет. Почему в уставе Церкви сказано: если человек раздражается на кого-то, если не прощает, то он не может причащаться? Понятно почему: его состояние души не мирно, он не может соединиться с Богом. Мир души — это основное состояние, которое человек должен обрести в себе. Не зря у святых отцов сказано: «Если ты стоишь на молитве, и кто-то придет к тебе, то оставь молитву и прими гостя, ибо любовь превыше молитвы». Ты оторвешься от молитвы, но твоя совесть при этом останется мирной, покойной. Если же ты не примешь пришедшего, то совесть твоя забеспокоится, ты придешь в непокойное состояние и пока не покаешься, не исправишься, не поймешь, в чем проблема, Бог не придет в твою душу.

— *Если состояние такой физической усталости, что чувствуешь равнодушие ко всему и в то же время душа в мирном состоянии, это смирение-сухость?*

— В этом состоянии душа спокойная, мирная, только не испытывает чувств радости, какого-то умиления, она просто умиротворенная. Для нас главное — приобрести то состояние, в котором в душу может войти Бог. Как святые отцы жили? Они были от Божьей любви на девятом небе и эту любовь могли удержать. Уходили ради этого в пустыню, этим жили. А нам эту любовь Божию не удержать, поэтому Господь ее прикрывает. Это не значит, что любви у человека нет, она есть, смирение само имеет в себе любовь, но проявления этой любви не будет в душе, будет состояние некой сухости, бесчувственности.

— *Я не чувствую радости праздников, хотя на душе мирно.*

— Бывало, к отцу Кириллу придешь: «Батюшка, не знаю, на преп. Сергия причащаться или нет? Суета такая, заботы, в гостинице столько людей, всех накормить. На раннюю литургию надо идти, три-четыре часа поспишь и вставать, а после литургии — опять в суету». А батюшка и говорит: «Причащайся, обязательно причащайся, где много благодати, там много и искушений».

— *А вот, например, Пасха, а у тебя нет Пасхи внутри, хотя ни на кого вражды не держишь?*

— Ты почаще и подольше заглядывай в душу. Если говоришь, Пасхи нет, значит, там что-то не так. Ты и не заметишь, как проскочит мыслишка какая и наделает бед. Из своего опыта и из опыта святых отцов говорю: если тебе делают замечание, обижают или еще что-нибудь случается, особенно во время литургии, когда ты находишься в таком сосредоточенном, воздушном состоянии, а тебя начинают дергать и отвлекать со всех сторон, то в душе, хочешь ты того или нет, возникает ответная защитная реакция. Появляются правильные помыслы защиты от этого человека — он такой-сякой. Это все, может быть, и правильно, человек действительно неправ, он тебя обидел или замечание делает не по существу, но ты уже потерял мир и до тех пор будешь в таком немирном состоянии, пока эти правильные помыслы не заменишь на блаженные, юродивые. Надо немного посмеяться над собой, а своего собрата оправдать, его немощь покрыть своей любовью. А ты несешь послушание на Пасху и волей-неволей соприкасаешься с людьми. Они не дают тебе оставаться в воздушном состоянии, все время тебя дергают, все время помысл твой заземляют, и досада на душе появляется от того, что ты хочешь помолиться, а у тебя не получается. Нехватка блаженных мыслей приводит к тому, что душа становится скованной, обиженной, не напитавшейся любовью. Это духовные законы, такова природа человека.

— *Батюшка, а если человек имеет обиду, но кается в ней, может ли он причащаться?*

— Может. Главное, чтобы человек хотя бы в уме своем имел намерение отречься от этого зла. В сердце может еще долго оставаться обида, а ум от одного желания может сразу очиститься. Если же

и ум не меняется, если злобный помысел не меняется, то это твоя воля не дает тебе покаяться. Спасаются те, кто хотя бы умом покался. Когда я прихожу причащать старых людей, спрашиваю, есть ли озлобление на кого-то или еще что перед Богом. Конечно, они многого не помнят, но если они говорят хотя бы каюсь, признают свои грехи, то соединяются со Христом. А если упрутся в том, что ничего не делали плохого, то ум у них остается без изменений и покаяния нет. Есть покаяние сердечное, есть покаяние ума, но в любом случае сначала происходит переворот в уме.

Вспомним житие преподобной Марии Египетской. В ее жизни произошло чудо — она не могла войти в храм. Она ощутила на себе силу Божию, ощутила свою греховность и молилась Божьей Матери о том, чтобы спастись. Посмотрите, это интересный момент — человек хочет знать волю Божию о себе. И святая ее услышала. Она не только покалась, она услышала волю Божию, поняла, как ей спастись. Мало того, что покаяние принесла и умом изменилась, необходимо еще и покаяние сердца, а чтобы его изменить, нужно очень много трудов и слез, поэтому она и слышит глас Божий: «Иди за Иордан, в пустыню, и там спасешься». Как сказал ей Господь, так она и поступила. К сожалению, когда люди приходят на исповедь, в основном происходит покаяние ума и редко покаяние сердца. Я прекрасно понимаю, и они понимают, что сегодня они умом каются, а завтра опять пойдут грешить теми же грехами, малыми или большими — не имеет значения. Немногие из приходящих каются от сердца, то есть меняются полностью. В основном из-за малодушия своего, из-за этого развратного мира они остаются в таком страстном состоянии. В конце XIX века святитель Феофан Затворник говорил, что спасется тот, кто сохранит целомудрие, то есть тот, кто вступит в брак в девстве. Так и здесь: спасется тот, кто принесет покаяние. Это признак последнего времени. В Священном Писании сказано, что в последнее время, кто призовет имя Господне, тот спасется. (Деян. 2:21) Призывающий имя Божие всегда кается и осознает свою худость. Гордец — человек, отвергающий Бога — считает себя хорошим. Большая проблема с интеллигентными людьми, приходящими на исповедь. Они

говорят: «Не грабил, не убивал, все у меня в порядке. У меня нет проблем, и грехов нет». И батюшка начинает ему грехи собирать: «А вот это было, а это?» Грех гордости. Главное, чтобы человек осознавал, чувствовал свои грехи и хотел измениться, чтобы понимал разницу между собой и Богом: Бог — это свет, а он — нет, он грешен. А когда человек ее не чувствует, это самое плохое.

— *Как научиться быть внимательной к людям, то есть, как вы говорили, научиться душой запечатлевать человека? Не только умом, а душой сострадать его проблемам?*

— Когда у человека есть покаяние, есть любовь, то душа уже живая. От покаяния душа всегда страдает, и она не может пройти без сострадания мимо другого человека, она его запечатлевает в себе. А если душа беспокоянная, ленивая, то она не может запечатлеть другого в себе, она остается равнодушной. Помните, мы говорили, что молитва должна быть живой? Я не просто молюсь Иисусовой молитвой — творю, творю, а она ничего не дает, на душе холодность. Все зависит от души человека, насколько она живая. Если в душе что-то не так, ты действительно будешь равнодушным. У святителя Иоанна Златоуста в «Слове о священстве» говорится, что священник на Страшном суде будет свидетельствовать о том, что этот человек каялся в своих грехах. Душа священника переживает и запечатлевает в себе покаяние другого человека, и эта память переживания или боли остается у него в сердце. Так и здесь. Если ты не переживаешь, если этого волнения не происходит внутри тебя, то этот человек остается без внимания, ты его не впускаешь в свое сердце. Если в глубине у тебя хоть какое-то волнение произошло, то твоя молитва дошла до Бога, потому что сердце страдает. А если ты равнодушно прошел — ну, плохо кому-то или кто-то без работы остался, что поделаешь, у каждого свои проблемы — это признак мертвого сердца и пустой молитвы.

В сочинении преп. Иоанна Мосха «Луг духовный» описывается житие одного подвижника — он ушел в пустыню, и никто не мог к нему прийти. Одна женщина очень хотела попасть к нему и смогла как-то добраться. Когда подвижник увидел ее, то

воскликнул: «Молю Бога, чтобы Он вычеркнул тебя из моей памяти». От этого она пришла в сильное уныние и в такой печали пошла к епископу, все рассказала ему. А епископ ей ответил: «Знай, он молил Бога о том, чтобы в его уме не было воображений о тебе, а твою боль, твоё страдание он запечатлел в своём сердце, твой облик души остался у него внутри». Вот такой случай был. Поэтому и вы, если будете правильно воспринимать другого человека, если будете ему сострадать, то в вашем сердце запечатлется его душа, а от этого и ваша душа будет живой. У отцов написано, что старец или игумен всегда должен ценить отречение от мира своих послушников. Они отказались от всего: от семьи, от земных благ, и он должен это ценить. Видя их жертву, он многие немощи будет им покрывать. Ведь люди пришли, от дома оторвались, и старец должен их любить, чтобы они чувствовали себя в кругу семьи. Если послушник такого тепла не ощутит, его сердце может повредиться.

— *Батюшка, как получается, что живешь, по мере сил трудишься, молишься и сопереживаешь кому-то, но все равно на первом месте остаешься ты сам? Как на первое место Господа поставить?*

— В этом вся проблема, у человека есть эгоизм, самолюбие. Оно выражается во многом, в первую очередь в том, что человек начинает «грести под себя» — чтобы ему было хорошо, человек угодает своим страстям. Поэтому в практике Церкви и существует аскеза, то есть отречение от каких-то материальных благ. Это предназначено для разрушения своего эгоизма, сластолюбия. Все святые отцы были подвижниками, у них всегда была аскеза, отречение. Так? А если в твоей жизни аскезы нет, нет самоотречения, то понятно, что на первом месте будет твое «я», а уже потом только Бог.

— *От чего же еще отречься?*

— От комфорта. К нему привыкаешь, и он становится необходимой, незаменимой частью твоей жизни. В житии старца Хаджи-Георгия — это один из афонских подвижников — рассказывается, как он набирал к себе послушников: одним из послу-

шаний было никогда не подметать пол, не убирать в келии. Что-то подобное есть и у преп. Нила Сорского: привезли ворота, закрепили — братия вышла, смотрит, любитесь. Он посмотрел на все это и сказал: «Надо бы их покосить». Согнули, постучали — ворота хлоп и не закрываются, как надо. «Вот теперь хорошо», — ответил (любоваться уже нечем). Душе ничего не должно мешать и отвлекать от главного — от беседы с Богом. Спасение идет царским путем, когда человек делает по силам и чуть-чуть сверх того. Тогда оно идет в плюс, и душа возрастает. Немногие могут взять на себя большую аскезу, и в то же время нельзя жить в развалочку, потому что леность — это прелесть.

— *Если к человеку придираешься, это уже не любовь?*

— Надо разобраться, как ты придираешься: от неприязни или по делу. Само слово «придираться» означает, что у человека есть какая-то неприязнь. Это греховное состояние. Если же ты имеешь в виду, что просто отчитываешь кого-то по делу (то-то и то-то ты не так делаешь), то это нормально, в этом нет греха. Но если два человека делают одно и то же дело с погрешностями, а ты одному из них ничего не скажешь, а другому выскажешь, то это значит, что к одному из них ты относишься с неприязнью. Если делаешь замечание, то надо делать обоим. И нужно учесть еще, сможет ли этот человек понести замечание. Если нет, то лучше его и не делать. А из неприязни никогда не надо.

— *Преп. Амвросий Оптинский говорит, что духовная жизнь основана на покаянии (нет покаяния — нет духовной жизни), что Евангелие начинается со слов: «Покайтесь!», то есть на первом месте не любовь, не смирение, а именно покаяние. Объясните, пожалуйста, почему это так.*

— Покаяние — это изменение. Человек по своей природе грешен. Когда пришел Господь, Он дал новые стремления, цели, образы, к которым человеческая душа должна стремиться и на которые должна ориентироваться. Когда человек живет неправильно, то, чтобы приблизиться к этим новым образам, ко Христу, он должен измениться. Смирение — это уже итог, плод покаяния. Первым же движением должно быть изменение, то

есть человек должен сделать какое-то усилие, напрячь свою волю, чтобы исправиться. Поэтому больше всего Бог ценит даже не те добрые чувства, что есть у человека, а именно его волю, устремление. Помните, я вам рассказывал про монаха Августина? Когда к нему стала приставать женщина, он ее оттолкнул и бросился в море с берега. И произошло чудо: он встал на воде и по воде пошел. Ясно, что в его сердце страсти были, но при этом: умру, но не согрешу, то есть любовь к Богу была больше, чем сама жизнь. Бог может присутствовать в человеке без каких-то явных признаков. Человек живет, как все, но, когда он оказывается перед выбором — совершить грех или пойти против него — вот тогда Бог и открывается в человеке. Если человек идет против греха, то Господь спасает его и дает ему Свою благодать. А если человек идет ко греху, то Бог отходит.

25.01.2009 г. Пюхтица

Беседа десятая

Каждый раз, когда мы собираемся вместе, я стараюсь не облекать свои слова в форму нравоучений. Не хочу вас учить, просто говорю о своих переживаниях, о своем внутреннем мире. Это скорее беседа, чем нравоучение. Когда же вы задаете вопросы, я отвечаю на них, опираясь только на свой опыт, хотя на какой-то вопрос можно ответить и иначе. Сегодня я тоже хочу поговорить о разных состояниях человеческой души. Не всегда все в жизни бывает хорошо и гладко. Очень часто душа оказывается в пустоте, в богооставленном состоянии. Ад — это всегда пустота, всегда разъединение, удаление от Бога, а любовь — это единение. Если говорить о плотской любви, то это брачное единение; о любви как о дружбе (агапе) — это единение между братьями, сестрами; о Божественной любви — это единение человека с Богом. Все в этой жизни построено на единении. Где есть любовь, там всегда единство, внутреннее объединение людей. И, наоборот, когда человек теряет любовь, теряет благодать Божию, про-

исходит разделение. Тогда человек, даже если что-то и предпринимает — молится, поклоны кладет, совершает добрые дела, живет в монастыре или в миру как христианин, соединения, внутреннего единства и полноты не ощущает, а ощущает обратное состояние — пустоту. И когда люди уходят из этой жизни в Тот мир и оказываются в аду, они испытывают именно это состояние — одиночество. Преп. Ефрем Сирийский говорит о том, что самое большое мучение для человека — отсутствие возможности соединиться с Богом. От этого он терпит душевные мучения, и мучения эти уходят в вечность. Один из основных признаков ада — именно состояние пустоты, одиночества. Каждый из вас испытывал это адское состояние. Господь попускает такое внутреннее страдание из-за грехов или для вразумления, или по другой причине. Сейчас я хотел бы поговорить об одиночестве — об этом состоянии души. Какое оно, когда возникает, почему, как его переносить, терпеть и до какого предела?

Есть такое состояние — легкость души, в плохом смысле слова, потому что когда душа пребывает в Боге, когда она в движении, в работе, когда она любит, тогда она тяжелая, наполненная. Сердце души — как бы средоточие всех страстей в человеке — как губка, вмещает в себя всю его жизнь, не только хорошие, но и плохие моменты: и обиды, и воспоминания, и страсти. Они все остаются там и покрываются благодатью. Когда благодать приходит в душу человека, она утяжеляет ее и не дает всему этому хаосу — страстям, сердечным чувствам — всплывать наверх, они в нее погружаются. Как только благодать уходит, начинается всплеск всего плохого, что есть внутри. Когда душа приобретает греховную легкость, что происходит? В первую очередь начинают одолевать мысли, обычно сразу появляется мечтательность, когда к мыслям присоединяются и чувства. Душа так устроена: какой-то запечатленный в душе момент, когда-то пережитый человеком, можно через много лет снова испытать.

Из-за чего и почему это происходит? Причины разные. Одна из них — грехи человеческие. Когда человек впадает в какие-то грехи, благодать от этой худости, от этой злобы начинает отсту-

пать, покидает душу человека. Другая причина — прелесть. Она бывает от лености телесной. Она может появиться и когда человек в какие-то рамки загоняет других или загоняют его. Эти моменты очень тяжелые, потому что с ними бороться практически невозможно, если только не упразднить прелестное состояние души. Тогда человек начинает приходить в себя, его душа отяжеляется благими, добрыми мыслями и чувствами, которые он усилием воли начинает в себе взращивать.

Это нехорошее состояние легкости в душе человека всегда присутствует и тяжелое, Божие, тоже. Допустим, заболеваешь гриппом. В первый день температура высокая — ты словно проваливаешься куда-то, а потом, когда температура еще повышенная, а ты уже отдохнувший, выспавшийся, более-менее на ногах, начинается себяжаление, даешь себе послабление, еще поспишь, а сон уже легкий, поверхностный. Ты все осознаешь, понимаешь, и появляется мечтательность. Из запасников души вылезает все плохое, что там скрывается. Это бывает, когда телу дается избыточный покой. В книге «Жизнеописания афонских подвижников XIX века» рассказывается о том, как старца Даниила спросили: «Скажи, отче, сколько человеку можно пребывать в состоянии созерцания — сутки, двое, трое, шестеро? Говорят, нельзя этого делать, так как душа повреждается». И он ответил: «Да, больше трех суток созерцать нельзя, потому что приходит леность, человек должен двигаться, но для совершенных таких границ нет». Видите, даже святым отцам в состоянии молитвенном нужно движение. И даже молитва, созерцание, связь с Богом прерываются, чтобы не впасть в другую крайность — леность. Душа очень быстро может переходить из одного состояния в другое: из состояния Божественной тяжести и Божественного насыщения — в состояние греховной, пустой легкости, от которой в голове человека начинает крутиться калейдоскоп. Святые отцы все эти состояния пережили. Ошибки, которые бывали у них во время молитвы и подвигов, все известны. Я вам в прошлый раз говорил и в этот скажу: когда душа что-то претерпевает, за что-то страдает, она всегда испытывает прибыль, обогащение Божьей благодатью.

Когда человек попадает на Святую Гору, он оказывается в более привилегированных монашеских условиях, и этот светлый мир начинает понемногу отходить. Душа очищается от этих мыслей и начинает успокаиваться. Мысли, которыми жил человек, отходят, и что-то другое должно прийти взамен — нужно чем-то жить, чем-то насыщаться. Если же в душу человека еще не пришла Божия любовь, благодать, если человек этим не живет, то возникает вакуум — состояние, как будто ты сходишь с ума. Ты все понимаешь, а жить нечем — пустота. Человек трудится, подвиги какие-то несет, но оказывается, что в пустыне человек может больше повредиться, чем живя в миру. Из-за чего? Сердце еще не привязалось к Богу, еще не живет в единстве с Ним. Оно то соприкоснется, то отпадет.

В прошлый раз мы говорили о том, что молитва должна быть теплой, настоящей, живой. Недостаточно поклонов, поста и механической молитвы — душа должна чувствовать Бога, в молитве должно участвовать сердце. Если этого нет, то происходит повреждение. Оно может произойти где угодно: в миру, в монастыре, в пустыне. Часто для новоначального бывает полезнее иметь в душе какие-то страсти, даже нечистые, и их терпеть, с ними бороться, чем пребывать в пустоте, в вакууме, потому что, когда душа что-то терпит, даже самого себя, свои греховные наклонности, она все равно живет. А когда ей нечего терпеть, происходит омертвление, поэтому у святых отцов сказано, что человек, раньше времени ушедший в пустыню, становится словно дикий зверь. Вроде подвизается, к Богу тянется, а сердце неживое, оно ничего не пережило, и страсти остаются неуврачеванными, они просто притаились. И пока нет предмета для раздражения, человек видит себя святым, потому что он спокоен. Как только оставит эти условия, страсти тут же начнут вылезать наружу. У святых отцов написано, что промысл Божий совершается только в терпении. Нет терпения — нет промысла Божьего. Это действительно так. Но и у терпения должна быть своя мера — Божия мера, когда человеку дается по силам.

Я уже говорил, что многие проблемы человек сам на себя набирает. Многие кресты Господь не дает, человек сам на себя на-

вешивает: или за все начинает переживать, или берет на себя подвигов выше своих сил. Вот и получается, что он ломается: или озлобляется, или у него появляется мнительность как душевное повреждение. Душа неправильно функционирует, неправильно воспринимает окружающий мир, неправильно чувствует саму себя. Крест, который дает Господь, всегда по силам. Это всегда спасительный крест, который всегда дает силу душе человека. Даже те страсти, которые Господь не исцеляет до конца, которые остаются в душе человека, но с которыми он борется, приносят ему пользу. Если он их отторгает от себя, то всегда приобретает, он приобретает Христа.

Хуже, если человек ничего не терпит, если внутри у него пустота: ни внутренних, ни внешних скорбей не испытывает. Этот вакуум, эта тишина чувств очень опасна. Если человек еще не научился живой молитве, если он не молится, то ему, по сути, жить не с чем. Его начинает заносить, его несет на все, что попадается: что дьявол подставит ему, то человек и начинает перемалывать. Душа устроена так же, как и тело. Мы пьем, едим, все это перемалывается организмом, переваривается и превращается в энергию, без которой человек не может двигаться. Так и душа должна чем-то жить, что-то перемалывать: поток событий, информации, мыслей, чувств. Она должна их перемалывать и не может без этой работы. Все это она перемалывает в энергию: плохую или хорошую, в Божию или противоположную. Когда душа приобретает смирение, в нее может входить благодать Божия, и она этим начинает жить. А душа, которая потеряла Бога, которая жить с Богом не может, начинает подсесть на какие-то пристрастия, и это естественно, потому что сердце живое, и когда оно недополучает любви Божественной и не может соединиться с Христом, тогда начинает искать единения в другом. Душа не может быть без единения. В этом ее природа, поэтому если у монаха не происходит соединения с Богом, появляется прелесть — уклонение в другую сторону.

Бывает, что человек уходит в монастырь и не живет хоть как-то по-монашески, отчего становится уродливым, его душа иска-

жается. И люди в миру оказываются гораздо здоровее и любвеобильнее человека, живущего в монастыре. Почему? Причина проста — душа не насыщается Богом и начинает перемалывать мирское, становится приземленной, хоть и не живет в миру, и больной. Это изуродованная душа. Неправильно говорить, что лучше быть плохим монахом, чем мирским. Нет, в монастыре повреждение гораздо сильнее, чем в миру. Природа одна у всех. Человек должен жить в единстве, ему нужна любовь. Без любви он жить не может. Я об этом много раз говорил, и еще раз повторю.

Поговорим еще о воле человека. Недалеко от нашего скита как-то пилили липы и привезли на свалку — ветки, сучья машина выгрузила. Я лучшее отобрал на дрова, вытащил, сложил аккуратно и батюшке знакомому позвонил, сказал — есть дрова, приезжай, забирай, все для тебя. Только приезжай, ведь они все-таки на дороге лежат, не на территории скита. Он сразу не смог, я вечером выхожу — машина легковая подъехала, все лучшее, что я отобрал, погрузили и увезли. Посмотрел я на все это и покой потерял. Я работал, трудился, позвонил, а тут кто-то незнакомый приехал, у тебя на глазах все забрал и увез. Прошел день, второй — нет покоя. Вроде умом все понимаешь — мне это не надо, а нет, воля не хочет принять происшедшее, потому что, когда ты принял решение в сердце, ты от этого уже не убежишь, оно у тебя внутри. Если решил, что так должно быть, а складывается иначе, не по-твоему, то начинается внутренняя сердечная ломка. Сердце уже пристрастилось к этим желаниям или, лучше сказать, к своеволию. Я вам уже говорил, что надо всегда заботиться о том, чтобы желание оставалось на уровне мысли! Хочешь что-то приобрести или сделать, пусть будет такой помысел, но, если он соединится с чувством, с сердцем, ты начинаешь уже этим жить, начинаешь растворяться в своем желании, и здесь появляется свое «я». Господь будет эти желания ломать, какими бы хорошими они ни были. И тогда хватаешься за голову: что это во мне? То ли жадность, то ли еще что-то, почему скорбь на сердце? А это твоя воля. Для того-то и нужен духовник и какое-то начальство, чтобы не давать человеку исполнять свою волю. Об этом я хотел вам напомнить.

В прошлый раз мы говорили о кризисе, хочу кое-что еще сказать на эту тему. В Священном Писании сказано, что из-за охлаждения любви и веры в мир должен прийти антихрист. Перед приходом антихриста денежная единица будет упразднена. Чтобы упразднить деньги, нужно внести в мир хаос. На протяжении всей истории человечества возникали кризисы, только они не были так заметны, потому что государства были не так зависимы друг от друга. В каждом государстве случалась то засуха, то другие бедствия, и свои кризисы люди сами переживали. Сейчас не так. Мы все зависим друг от друга. Если раньше мировые кризисы разрешались путем стабилизации доллара или каких-то политических отношений и все нормализовывалось, то в будущем должен наступить такой кризис, из которого человечество не сможет выйти. Этот кризис повлечет за собой всеобщий хаос во всех сферах: и в финансовой, и в производственной, и в сфере сбыта.

Если Господь продлит нам наши дни за покаяние и по Своей милости, то нынешний кризис не станет последним и все нормализуется. Если же он последний, то хаос будет распространяться все дальше и дальше. Только на этом фоне всеобщей деморализации сможет появиться антихрист. Когда все гладко и все государственные структуры работают, он никогда не придет. Такая мысль у меня возникла, и я ею решил с вами поделиться. Если не в этот раз, то в будущем возникнет кризис, из которого человечество не выйдет. Он приведет к морам, голоду и войнам. Это земные события, но они связаны с нашим духовным состоянием.

Когда говорили, что женщинам дано разрешение вступать на Афон, я как раз был на Афоне. Геронда тогда сразу сказал, что как в России в семнадцатом году за грехи народа произошла революция, так и сейчас Господь может попустить это за наши грехи, и нам придется не с сопротивлением, а со смирением и покаянным сердцем это принять. И дал по четкам каждому, чтобы Господь смиростивился и простил наши грехи. То, что происходит в стране или в мире, это проблемы не только этой страны или мира, это наши проблемы, нашего покаяния, нашей души. Я вспомнил слова святителя Игнатия Брянчанинова. Он еще тогда,

в середине XIX века, писал об оскудении монашества, «являющегося барометром по отношению ко всему христианскому обществу», о «повсеместном оставлении внутреннего делания» и о грядущем на Россию наказании. Внутреннее делание — это соединение человека с Богом, обретение любви, благодати Божьей. Когда этого не происходит, когда сердце человека не вмещает в себя Бога, то начинаются наказания, наказания как вразумления.

— *Мы постоянно соприкасаемся с ситуациями, о которых вы говорили (дрова). Как же жить, как из них выходить? Ведь человек не может быть совершенно безучастным ко всему?*

— Во всем нужен опыт и практика, я имею в виду душевную, не житейскую. У тебя много переживаний из-за того, что ты все берешь на себя. Тебя благословили что-то сделать, и у тебя уже появляется свое желание, чтобы все было хорошо и красиво. А на самом деле, благословили тебя — и делай потихоньку. Как выйдет, так выйдет. Не должно быть своего желания. Никаких своих переживаний и чувств вносить не надо.

— *Батюшка, но все равно ведь будет появляться такая прилипчивость к делу. И если ты правильно к этому отнесешься, поймешь свою ошибку, то польза какая-то будет? Ведь если не будет искушений, то как же тогда спастись?*

— Ну да, что не доходит через голову, дойдет через руки и ноги. Потому лучше жить по святым отцам: туда не лезть и сюда не лезть. Ну, а коли залез, тогда уж остается только терпение. Одно дело, когда залез, пораздражался, потерпел, это ничего. А если тебе еще это и понравится, уже хуже. Если душа нормальная, у нее есть какие-то страсти, но она на уровне ума, своих чувств, бережет себя, не исполняет их волю, то она функционирует нормально, у нее природа здоровая. Страсти могут ее терзать, беспокоить, но она все равно в силе. Если же страстям дать волю, дьявол никогда этого не упустит, и в душе образуется дырка. У преп. Исаака написано, что в первую очередь повреждение проявляется в лукавых помыслах. Лукавые — это хитрые. Человек какой-то правильный выкрутасик делает, чтобы оправдать себя и удовлетворить свою страсть. Когда образуется такая дыр-

ка, дьявол получает власть над душой, и душа испытывает наслаждение не столько от самой страсти, сколько от этих лукавых помыслов. Преп. Исаак Сирийский говорил, что первый признак святости души — это чистота внутреннего человека, то есть когда внутри лукавые помыслы перестают действовать. Не страсти, а лукавые помыслы. В таинстве крещения есть молитва об изгнании лукавых духов. В ней есть такие слова: «Изжени из него лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его».

— *Батюшка, простите, но если в душе образовалась такая дырка, такое состояние, то все равно надо как-то выходить из него. А как?*

— Только терпеть его. Для этого Господь болезни и дает. Когда враг начинает атаковать такими мыслями, тогда ты весь на нервах, вся нервная система приходит в движение, и болезни физические бывают спасением, отдохновением для души. И если не совсем, то в какой-то мере ослабляют эти помыслы. Многие отцы говорили, когда заболеют: «Господь меня посетил за грехи мои». И они правы, это не просто смиренничество или дежурная фраза, а так и есть. Ко мне подходят: «Батюшка, вы того, этого, выпейте, тогда болеть не будете». Неправильно. Физические заболевания в основном идут от нервных перегрузок, и организм сам разрешает эту ситуацию.

Господь дал душе человека какое-то послушание, какие-то свои законы. Они в душе человека, они от природы, а дьявол всеми силами старается эти законы в душе человека разрушить. Напрямую их не разрушишь, это природа. А если подойдешь с подвохом: «Посмотри, сколько ты молишься, сколько постишься, и ничего не получаешь от этого, мизер какой-то. А ты попробуй вот это, сразу появится такая сила, столько любви». Человек чувствует, что это подвох, но сам себя начинает обманывать. В первую очередь помысел: «Ну, можно же немножечко, что ж тут такого», и все, человек начинает этим жить, и начинается прямое повреждение. Но это бывает с верующими и совестливыми людьми, у которых есть какие-то рамки, какие-то законы. А неверующие как дети природы: как идет жизнь, так и идет.

— Батюшка, Вы сказали о том, что мы кресты на себя набираем. Поясните, пожалуйста.

— Это на тему послушания: не лезь, куда тебя не просят.

— А если залез уже?

— Повредишься головой. Каждый человек может только свою тяжесть вынести. А если начинаешь набирать лишнего, то что с тобой происходит? Какой первый признак повреждения? Прелесть. Это слово из старославянского языка, которое переводится на русский как обман в высшей степени.

Святые отцы никогда не говорили о высоких материях, о том, что будет с нами, когда мы уйдем из этой жизни, как будем там наслаждаться и прочее. Если и говорили, то вкратце и не вдавались в подробности, потому что это не очень-то душеполезно. Всегда говорили о грехах. Уходили в пустыню, подвизались в монастырях и в первую очередь познавали самих себя. Если сталкивались с человеком, который видит себя таким возвышенным, хорошим, пригожим, то видели, что он в прелести. Если же человек все время смиренничает, в грудь себя бьет — я такой-сякой, это тоже неверно и ведет к унынию, это тоже прелесть. Свою худость надо воспринимать спокойно, нести ее как епитимию, как крест. Для твоего смирения это нужно, и в свое время Господь Сам все сделает, душу очистит, смирение даст и спасет.

Человек должен осознавать, какой он есть. Почему Господь какие-то грехи попускает? Возьми жития святых, сколько отцов и матерей впадали в грехи, тяжкие и нетяжкие. Впадали, чтобы познать себя. Познав свою худость, смирялись, а через это соединялись с Богом. Поэтому всегда, когда идешь к Таинству Причастия, ты всегда должен осознавать, что ты не достоин этого Причастия, недостоин этого соединения с Богом, у тебя нет никакой святости, благодаря которой ты мог бы приступить к этому Таинству. Ты причащаешься только по той милости и любви, которую Господь проявляет к человеку. Помните, мы говорили о старообрядческом расколе. Если бы этого раскола не было, вся русская Церковь уклонилась бы в прелесть, пошла бы по неправильному пути. Этот раскол показал, насколько умы людей были

повреждены. По своим усилиям, подвигам, своему законничеству человек считал, что достоин святости. В старообрядчестве все построено на обрядах. Гордость очень сильно выпирает. Все упование не на то, что Господь милостив, что Бог есть любовь, а на то, что я делаю поклоны, читаю молитвы, пощусь. Ты не делаешь — никакого тебе рая, ты грешник.

— *Батюшка, приезжают паломники из Питера и говорят, что в Питере жить невозможно, это преисподняя.*

— Если не живешь с Богом, везде будет плохо и весь мир вокруг тебя будет злобный. Человек не только сам внутри себя создает какой-то свой мир, но и вокруг себя. Преп. Серафим не зря сказал: «Стяжки дух мирный, и вокруг тебя спасутся тысячи».

— *Батюшка, нам знакомая написала. Мальчик, около четырех лет, не разговаривает, не слушается и не хочет причащаться. Несколько человек не могли подвести его к Причастию. Она спрашивает, может, это что-то духовное, может, его надо отчитывать? А таких маленьких детей разве отчитывают?*

— Не надо отчитывать и причащать насильно не надо. Как-то мы служили в белых облачениях на Афонском подворье в Москве, и девочку лет шести привели причащать. Она упиралась, я стал причащать, и искушение вышло. А потом родители подошли, извинились и объяснили, что она долго в больнице лежала, а там врачи все в белых халатах. И у нее этот страх остался, сопротивление. Потом я ее за руку взял, по головке погладил — нормальная девочка, никаких проблем.

— *Батюшка, Вы говорили про разные виды любви, что любовь-дружба — это агапи, а, по-моему, любовь-дружба — это филия. А агапи — это Божественная любовь?*

— В греческом языке есть четыре слова, переводимых на русский как «любовь»: э́рос, фили́я, ага́пи, сторге́ (семейная, родственная любовь). Да, филия — это дружба. А «эрос» и «агапи» по-разному используются. Когда о. Доримедонт старца Паисия переводил, у него для Божьей любви часто используется слово «эрос». У греков не так все просто. Если он хочет показать более возвышенные чувства, более сильное соединение, созерцание,

уход в Бога, использует слово «эрос». Но и слово «агапи» тоже может означать Божественную любовь.

— *Батюшка, Вы говорили о состоянии пустоты и богооставленности. Допустим, ходишь, претерпеваешь его. А я не очень поняла, нужно что-то предпринимать, чтобы из него выйти?*

— Конечно, оно же возникает из-за каких-то твоих проблем. Когда все встает на свои места, человек начинает выходить из этого состояния. А если в голове неправильные помыслы, то пока в голове порядок не наведешь, ничто тебе не поможет: ни поклоны, ни молитва. Показатель прелестного состояния — мысли человека. Вспомните покаяние Иоанна Кронштадтского. Когда какой-то батюшка у сестер на подворье пчел забрал, то о. Иоанн прогневался из-за такой несправедливости — все себе у сестер забрал. А после видит, что благодать потерял, и упал на колени: «Господи, прости». Изменил свой помысел в первую очередь, и уже от этого изменилось и его внутреннее состояние, то есть эта тяжесть безблагодатная отошла. У него написано, что батюшка не совершал литургию до тех пор, пока не чувствовал соединения со Христом, примирения с Ним. Это правильное состояние.

Когда вы приходите на литургию, вы должны обязательно соединиться со Христом, если этого не происходит, то все впустую. Для этого соединения есть свои определенные законы. Не должно быть никакой вражды к ближним. Если она есть, хоть какая-то, даже если ты причастился, ты не соединился с Богом. Если ты в обиде на кого-то, то молись и кайся: «Господи, прости, пусть будет так, как этот человек хочет, а мне бы только, чтобы мир в душу вернулся». Если ты умом осознаешь, что обида, зло — это неправильно, так нельзя, хоть на душе и остается чувство «помойки», но Господь слышит эту молитву и соединяет твою душу с Собой.

Если же вы живете на поводу у своих чувств, то появляется мнительность, подозрительность. Сколько я вам говорил: не ропщите, не злобствуйте, даже если что-то плохо у вас. От того, что станете роптать, лучше не будет. Вы повредитесь от этого, а ситуацию не измените. Если во всем начинаете видеть плохое, то повредитесь. Всегда бойтесь анализировать и все подгонять под

свои рамки. Если начинаете так делать, обязательно повредитесь. Не имейте своего суждения. Не вникайте в то, каков этот человек, — какой есть, такой есть, что с него требовать. А если начать рассуждать: он не так делает, не так говорит, бестолковый такой, то гордыня появляется, и Господь отходит.

Душа должна быть чистой, как лист; никаких негативных чувств не должно быть в ней. А то обидно получится: годы летят, жизнь проходит, не сладкая она, жизнь-то, а в результате ты ничего не получаешь. В молодости ты губы поджала и пошла, а в старости молчать уже не будешь, в старости все вылезает. И если человек живет неправильно, то в старости, хочешь ты того или нет, неправильное состояние человека вылезет наружу. В молодости страсти, повреждения можно как-то скрыть, но с годами их уже не скроешь.

— *А если ты вроде бы прощаешь человека, но неприязнь все равно остается?*

— Видишь ли, одно дело — какие-то чувства, а другое — помысел. Если неприязнь приходит, ее уже так просто не выкинешь из души. Тем более, если она накапливалась постепенно. У тебя уже мнение о человеке сложилось. Главное, чтобы не было этой неприязни, чтобы она долго не носилась в душе. Не имейте рамок правильности: не рассуждайте, как должно быть, какие люди должны быть в монастыре, а каких не должно быть. Господь дал их тебе такими, чтобы тебе с ними жить. Смиреничать не надо, а смиряться надо. Смирение в первую очередь в том заключается, чтобы чистоту души сохранять. Если сам что-то начудил, то нужно извиниться, прощения попросить. А в других случаях — промолчать, просто потерпеть других. Когда есть какое-то повреждение, всегда ищи причину в мыслях человека, в его голове. Здравие человека можно определить по его исповеди, по его мысли. Не по страстности, а по голове. Если у человека голова нормальная, то из любой дыры, из любого болота он может выбраться.

В книге Любви Миллер о святой Елизавете Федоровне есть интересное письмо, в котором святая говорит: как мать любит больше больного дитя, так и сейчас, когда Россия находится в бо-

лезненном, прелестном состоянии, Бог любит ее больше. У нормального, здорового человека должно быть именно такое восприятие мира. Всегда в душе должно быть сострадание, не только желание защищать, но и сострадание к человеку, от которого исходит зло. Помните рассказ про преп. Силуана Афонского? Вышли они из келии в бурю, а корабль подошел к пристани и не мог пристать. Около старца Силуана стоял послушник, и старец его спросил: «Ты переживаешь?» — «Да, отче». — «Ну, значит, спасутся». Старец Силуан указал на истинную молитву, на действенную молитву, в которой участвует сердце и которую слышит Бог.

— *Надо иметь плач о грехах? А если его не чувствуешь?*

— Игумен Никон Воробьев говорит, что последние христиане будут спасаться покаянием. Покаяние имеет прямую зависимость от молитвы. Если у человека есть живое общение с Богом, у него всегда будет покаяние, у него всегда будет плач о своих грехах, о своем внутреннем мире, потому что он может видеть свою душу, которую только Господь может просвещать. Только когда Бог входит внутрь человека, открываются эти тайники человеческой души, и только тогда человек может вопиять на Небо, только тогда он может молиться правильно. Когда Бог не приходит внутрь, когда нет этого посещения Божественного, человек не видит грехи. Ты говоришь, что не чувствуешь тяжести своих грехов, — это признак того, что нет той живой молитвы, которая должна быть. Механическая, возможно, есть, но той живой, которая просвещает душу, нет.

Помнишь, в конце литургии священник благословляет Евангелием и произносит слова: «Яко Ты еси Освящение наше», а потом выходит на заамвонную молитву «С миром изыдем»? Литургия — соединение с Богом, со Христом и всегда просвещает душу человека. От этого происходит покаяние. В Священном Писании говорится, что в последние времена всякий, кто призовет имя Господне, спасется, то есть невозможно призвать имя Божие, покаяться, если Господь Сам не придет и не войдет внутрь души. Поэтому если есть этот плач покаяния после литургии, независимо от того, причащались вы или нет, то литур-

гия не прошла для вас впустую. Если вы этого состояния не имеете, просто приходите и красиво поете, ублажаете мирских людей, которые приходят молиться, это все проходит мимо вас, и обидно, что от самой литургии вы ничего не получаете. Механика. Привычка. Благодать сходит, Таинство совершается, а вы остаетесь вне его. Освящение человека может произойти только тогда, когда он находится в мирном, покойном состоянии души. Слова говорят о действии, которое произошло. В начале «Благословенно Царство» — вхождение Святого Духа, а в конце «Яко Ты еси Освящение наше» — освящение произошло. Церковь возвещает и подтверждает, что произошло очищение, вхождение Духа Святого внутрь человека. Пустых слов в литургии нет. Другое дело, что наши души не готовы принять это освящение, потому такими пустыми и остаемся.

Св. Иоанн Златоуст говорит о восприятии литургии: «Не дай Бог нам остаться здесь, на земле», то есть в своих мыслях, своих чувствах, во всем земном, потому что Небо сошло, и ты должен Туда уйти. Монастырь должен давать тебе свободу, отречение от всего суетного. Если условия монастыря, в которых ты живешь, не дают тебе этой свободы, это неправильно, все действия священноначалия должны быть направлены на то, чтобы человека до минимума разгрузить, чтобы у него не было мыслей о суетном. Другое дело, когда человек сам начинает забираться в мирскую кашу, начинает набирать на себя заботы. Этого не надо делать.

— *Но как же, батюшка, нам дано послушание, это заботы, и ты заботишься, заботишься...*

— Я не говорю, что тебя должны полностью освободить от всего, от всех дел, но разгрузить до какого-то минимума. Все познается в сравнении. Если ты когда-нибудь поймала такую чистую молитву, какая должна быть, и вкусила то состояние, какое у тебя должно быть, ты от этого никогда не откажешься и к этому всегда будешь стремиться. Но если ты этого никогда не испытывала, то ты будешь все время в своей суете, будешь в ней жить. Бог познается только опытным путем. Это всегда соприсутствие, единение человека с Богом. Если сам ты этого не пережил, ты не

поймешь, о чем идет речь. И когда мы говорим о суете и о всем прочем, мы говорим о той скорлупе, которая на нас налипает, об этой пыли. Мы не должны этим жить, а если этим живем и другого состояния не испытываем, это неправильно.

— *Получается, что все время попадаешь на суету. Ведь такого нет, чтобы никогда в жизни не было покаяния, все равно было когда-то, и ты его помнишь. На службе стоишь, все в порядке, а пойдешь работать — все потеряла. И не знаешь, что делать.*

— Когда я был на Афоне, там учили послушанию. Можно и в нервное состояние прийти, и быстро делать работу, но при этом, я вам всегда говорил, нельзя терять внутренний мир. Если внутренний мир потерял, ты тогда все потерял. И тогда эта работа, это послушание тебя засасывают, увлечение появляется. Вот во время работы тебя за руку взять и привести в келию... если ты сразу отключаешься от работы и сосредотачиваешься на молитве, то твое состояние правильное.

25.02.2009 г. Пюхтица

Беседа одиннадцатая

Недавно я сидел и размышлял: сколько вас я уже знаю, а вы — меня, сколько всего было, и я благодарен вам, думаю, и вы благодарны мне. Много всего в этой жизни было: и я кому-то больно делаю, кого-то недопонимал, и вы мне докучали своими плохими поступками и мыслями. К чему я это говорю? Когда есть такие отношения, семейные по сути, с любовью друг к другу, то всегда будет снисхождение, будет всепрощение. И дай Бог, чтобы этот дух любви и взаимопонимания был всегда, потому что только в нем — Бог и только по этому духу узнают, что мы Христовы. Эти отношения, полные любви и всепрощения, должны быть не только между мной и вами, но и у вас между собой, в монастыре. Нормальный монастырь должен строиться именно на таких отношениях. Конечно, будут и обиды, и нехорошие мысли, и мнительность, может быть, у кого-то, но всегда должно

быть понимание другого человека, снисхождение к нему. Если этого нет, то в душе человека появляется изъясн, а у вас — и искажение монастырского, монашеского жития. Монастырь должен жить по этим принципам всепрощения.

Любовь имеет свои признаки. Когда мы говорим о любви, нам понятно, что это за чувство, но любовь имеет очень много граней. Каждая грань открывает себя в какое-то свое время, при каких-то обстоятельствах. И тогда мы познаем себя — есть у нас любовь или ее нет, и если есть, то какая она. Мы заговорили о любви, и мне хочется поделиться с вами некоторыми своими мыслями и впечатлениями на эту тему, потому что любовь — это наша цель, наша задача. У нас она должна быть, потому что Бог есть любовь. И любовь — это мы сами, потому что мы сотворены из любви, ведь Бог сотворил человека по образу и подобию Своему. Душа наша соткана из этой любви.

В первую очередь мы должны знать сами себя: как мы живем, как проходит наша жизнь и каково наше «я», наша сущность. Когда святые отцы уходили в пустыню, они уходили познавать самих себя. Там, в пустыне, они познавали свои грехи, все худое и плохое в себе и плакали об этом. Там они познавали свою сущность и сущность Бога, Его благодать, Его любовь. Познавание этого мира, познание самого себя делится на три составляющие: *первая* — это познание своей греховности и того, что разрушает любовь, отторгает человека от любви; *вторая* — то, чем человек живет сейчас; *третья* — это то, к чему он должен стремиться и чем должен жить.

Обычно мы говорили о грехах, о прелести и совсем немного касались самой любви, своей сущности, своего «я» и познания Бога. В нашем понимании любовь не связана с плотью. Для нас плотская любовь — это нечто греховное, та сила, которая разрушает нашу духовную любовь. Но есть и любовь духовная, внутренняя, Божия любовь. Об этой любви мы с вами немножко и поговорим.

Духовная любовь связана с молитвой. Почему с молитвой? Молитва является цепочкой, соединяющей человека с Богом. И добрые дела, жертвенность человека тоже единит его с

Богом. Когда в молитве человек соединяется с Богом, он познает Бога и ощущает Божию любовь в себе самом и вокруг себя. Слова на Литургии — «Горé имеем сердца» — означают, что нужно быть там, наверху, а не здесь. Ты чувствуешь, как сердце бьется и вот-вот вылетит, — состояние, словно птицу держишь в руках, и, если разожмешь пальцы, она тотчас вылетит. Так и душа иногда чувствует, что вот-вот вырвется из тела. В состоянии любви душа должна чувствовать, что земля не ее родина, не ее природа. Такое состояние — это первый признак, что человек имеет духовную любовь. Душа хочет объять все: все творение, весь космос, все, что можно объять. Эти мысленные объятия, чувство единства со всем и вся тоже должны иметь любовь. От этого чувства появляются слезы, внешние и внутренние.

В Евангелии говорится, что ветхозаветная любовь была ограниченной: человек любил только своего ближнего, свой народ, и за эти пределы его любовь не выходила. Люди полагали свои души за братьев, за свой народ, но никто не мог положить душу за враги своя или за весь мир. Христос дал людям новую заповедь — заповедь любви. Он расширил эту любовь до бесконечности и дал человеку представление о том, что такое Божия любовь. Дословно не помню, у преп. Максима Исповедника есть слова о том, что *человек равен Богу по благодати*, то есть с пришествием в мир Христа, которым Господь освятил человеческую природу, человек получил возможность наследовать Царство Небесное. Благодать Божия, которая входила в человека, настолько его освящала, что человек по благодати стал равен Богу. Расшифровывая эту формулу святого, понимаешь, что Господь дал человеку эту любовь, заполняющую всего человека, после чего он уже не имеет в себе ни капли злобы, какого-то пристрастия или приземленности, оторван от этого и вмещает в себя абсолютно все. Ни одно другое состояние души человека не может вместить в себя весь мир. Это может сделать только любовь. Это состояние, это чувство должно присутствовать и во время молитвы, и во время богослужения, и в любой другой момент жизни человека. Вот на эти признаки любви ориентируйтесь. Любовь духовная и

плотская противоположны. Где есть страсти, там нет духовного. Божия любовь как огонь, Господь в Евангелии говорит: «Огонь пришел Я низвести на землю» (Лк. 12:49), не мир, а огонь, огонь этой любви. Этот огонь не щадит ничего, эта любовь страсти не жалеет, она их пережигает.

Чтобы вы могли идти в своей жизни к Богу, нужно иметь эти духовные ориентиры. Иначе обидно получается: от всего отказываемся — от семейной жизни, имущества, всех наслаждений этого мира, но оказывается, что в монастыре занимаемся всем, чем угодно, только не тем, чем надо. Часто бывает, что человек приходит в монастырь, имея устремление к Богу, молится, на службы ходит, понуждает себя к духовной жизни, а потом видит, что все вокруг расслаблено и можно этим не заниматься, а жить спокойно, припеваючи. Ревность у него с годами начинает остывать, и он возвращается потихоньку к своим мирским привычкам. Они оживают, человек начинает ими жить, и оказывается в конце концов, что пришел в монастырь, а живет по-мирски и даже хуже. Малые приобретенные в миру злые привычки начинают развиваться и набирать силу в монастыре. Такой негативный момент в современных монастырях, к сожалению, есть, и не нужно тут искать виноватого — ничего не изменишь, только еще больше себе повредишь. Поэтому прошу вас, старайтесь не давать свободы своим греховным чувствам. Ведь что получается: надевают на себя монашеские одежды, а остаются мирскими людьми, да еще и грешными или zelo грешными. Одежды, которые вы надеваете, и звания, которые носите, должны соответствовать вашему внутреннему миру. Должна быть, прежде всего, духовная борьба, нежелание быть плохим, страстным, стремление быть светлым, Божьим человеком.

Поговорим еще о повреждении. Расскажу случай, который недавно со мной произошел. Пошли мы с моим соседом по келье на кладбище. Идем и видим: парень с девушкой к одной могилке подошли, потом — к другой. Батюшка меня за рукав дергает и говорит: «Отец, это готы». — «Какие готы?» — «Видишь — они во всем черном». Мы подошли, панихиду на одной могил-

ке отслужили, а они напротив стояли и рассматривали надписи на могилах. Когда панихиду служил, мысль у меня появилась: мы православные, мы сильнее; пусть они на нас посмотрят и увидят, какая у нас сила. Послужили мы и пошли. Они тоже ходили и ушли, причем интересно, что парень не очень похож на гота, а у девочки все было черное: волосы, плащ, ботинки и рюкзачок, похожий на гробик. На следующий день мне надо было служить, я пришел в келию, правило прочитал и лег отдохнуть. А ночью, когда встал на службу, чувствую, как-то мне нехорошо: озлобленность какая-то, раздражительность, пустота в душе. Пришел в храм, литургию отслужил, но лучше не стало. А на литургии был еще такой момент. Во время Евхаристического канона, когда я говорил слова: «Приимите, ядите» и рукой показывал на хлеб, то на душе была такая пустота, а в голове — поток мыслей, и среди них одна все бьет и бьет: возьми и раздробляй его уже. Головой понимаешь, что сейчас — другое действие, но мысль эта очень сильная, забивает рассудок, от нее словно тупеешь и все механически уже делаешь. Литургию отслужил, а мне еще хуже, раздражительность внутри. В таком состоянии траву сухую около дома зажег. Там с одной стороны бетонка идет — туда огонь не пойдет, а с другой — простая дорога. Понимаю внутри, что надо сразу погасить, но думаю: «Да там сухой травы нет, не загорится». Состояние отупения. Тут ветер дунул — сначала огонь через дорогу перекинулся, а там уже поле загорелось, потом ульи пустые, а там дальше — лес... И тут я очнулся. Давай братию поднимать — сейчас лес загорится. Я лопату взял и давай тушить, тут братия прибежала с лопатами и водой, и мы стали вместе тушить. Потом елка загорелась, я бросился к ней, и только тут взмолился, как отрезвел и от этого испуга, и от чувства своего бессилия, и пришло смирение. Когда почувствовал, что не в твоих это силах, и внутри словно на дно все опустилось: «Господи, помоги!» Такое чувство, что тебя нет, твое «я» мертвое, и ты предоставляешь все в руки Божии, потому что своими силами тут ничего не сделать. Как только сердце опустилось и состояние смирения пришло, в тот же момент ветер стих, елку быстро потушили и минут двад-

цать ветра не было, за это время весь огонь успели погасить. О чем я хочу сказать? Душа может озлобляться, чуждый, дьявольский дух гордости принимать, и Бог от этого отступает.

Такое ослабление духа может произойти по двум причинам: по твоей греховности, когда ты какую-то мысль или чувство принял, или от влияния других людей, которые имеют нечистую, дьявольскую силу. Но и они, и дьявол могут поражать душу человека, только когда есть благоприятная почва. Преп. Иоанн Лествичник говорит, что признак отступления Бога от человека — его отупение. Позже я вспомнил, что такое же состояние у меня было как-то и на Афоне, я рассказывал. Я из Хиландаря вышел, пошел в Ватопед, и нужно было проходить Эсфигмен зилотов. Решил зайти к ним, арбуза поесть, хотя в Хиландаре позавтракал. Побывал у них на трапезе, а у выхода из трапезной все брали благословение у игумена — выходишь, руку у него целуешь и дальше идешь. Я так же, как все, руку поцеловал и пошел, но сразу почувствовал, что помутнение началось в голове. Той дорогой я много раз ходил, а в этот раз зачем-то не пошел по ней, а свернул в сторону, сбился с дороги и вышел к морю. Вижу, что не туда попал. Вода там питьевая была, шланг туда подходил, а у меня и бутылка с собой была пустая, но как воды набрать, я так и не понял. Пошел дальше, потом побежал, а по камням прыгаешь и в азарт входишь: один, другой. Валуны кончились, скалы пошли, далеко зашел. Тут через пропасть я перепрыгнул и в тупик попал. С одной стороны — вода, а с другой — высота, отвесные скалы. Впереди дороги нет, пошел назад, а там пропасть. Когда вперед шел, я ее перепрыгнул, а назад — страшно. По уступам лезть — ничего не видно. Тут сердце забилось уже по-другому, как у зайца. Минут пятнадцать-двадцать я так крутился, потом сел, и мысль пришла: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1Пет. 5:5). И как взмолился, чувствую — сердце на дно опустилось, сразу просветление в мозгах наступило. Подошел к пропасти, а там деревья растут как кустарники; я одно дерево наклонил над ней, ногой на него встал и перепрыгнул. Дальше уже с молитвой добежал до ключа — не пил ведь сколько

времени, а там жара — сразу сообразил, что надо сверху пенопласт убрать. Убрал, напился и воды в бутылку налил.

Это состояние дьявольского нападения сопровождается именно такой тупостью. Чувство озлобления, раздражение и азартность какая-то тоже могут быть — человек теряет чувство реальности, не соображает, что происходит. А дух Божий всегда приходит, когда человек смиряется. Господь может попускать такие греховные падения, когда хочет научить человека смирению. Это состояние реальное, о нем нужно знать и понимать, какое оно, и сердцем своим, опытным путем его тоже нужно познать. Идя по жизни, вы должны понимать и анализировать состояния своей души. В любой момент остановит тебя духовник, возьмет за руку и спросит: «Где ты? С кем ты?» И ты должен дать ответ. Если не знаешь, значит, не познаешь себя, не занимаешься монашеским деланием, которым занимались святые отцы, и проводишь время впустую — ты трудишься, идешь по жизни, но в результате ничего не получаешь и не понимаешь, с кем ты и где ты. Я не говорю, что вы должны иметь какие-то глубокие, умные мысли, но познавать себя вы должны уметь. Если ты попал в состояние пустоты и из этого состояния не хочешь выйти, то ты глупый человек, глупый монах. Эта глупость приведет тебя в бездну. Если чувствуешь опустошение, надо всегда стараться выйти из этого состояния и приблизиться к Богу, стяжать Бога, потому что нам нужно жить с Ним.

Многие мирские люди не понимают этого состояния обожения, такой любви. Они живут в духовной, внутренней пустоте, и от этого их душа чахнет. Как тело, не питающееся хлебом и водой, начинает чахнуть, так и душа, которая не питается Духом Святым, становится мертвой. Такие люди могут не понимать другого состояния — жизни с Богом, этой внутренней насыщенности, хотя пустоту свою они чувствуют и начинают ее заглушать, потому что природа человека всегда стремится к наслаждению, насыщению. Вот в том-то и дело, что одни начинают насыщать свои души любовью и отрекаются от греха, от страстей, а другие заполняют ее грехом, страстями и уклоняются от

истины. Хотя, казалось бы, все стремятся к благу, ведь нет ни одного человека, который не хотел бы вкусить счастья.

Если мы остаемся в греховном состоянии, соглашаясь с ним, то мы не правы. Это гибель для нас. Если, например, я как-то осуетился, и мой ум привязался к чему-то земному — в город пошел, наговорился, рассеялся — я вышел из духовной колеи, и потребуется ночное богослужение, четыре-пять часов молитвы, чтобы душа опять начала приходить в себя, насытилась и вернулась в себя. Чем больше опустошение, тем длиннее будет восстановительный процесс. Старец Ефрем Катунакский попал однажды в больницу на материк, пролежал он там четыре месяца, лечение проходил. Люди к нему приходили в больницу беседовать. Когда же он вернулся на Святую Гору, ему понадобилось полгода, чтобы вернуться в прежнее состояние. Он был в высшем состоянии — глубоко, более насыщенном благодатью, поэтому ему понадобился такой срок, чтобы вернуться в него обратно. У нас меньше благодати, и нам меньший срок нужен. Это насыщение Духом Святым, благодатию, это чувство полноты вы должны знать, ощущать его в себе и никогда не терять. Если потерял, постараться поскорее снова насытить свою душу. Никогда не соглашайтесь со своей внутренней пустотой. Как приобрести духовную насыщенность — это уже другой вопрос. В основном — через молитву, уединение, конечно, и через добрые дела; каждому по-своему. Однако если у человека поврежденный помысел, неправильные мысли, ни о каком насыщении души не может быть и речи. Оно возможно, только когда человек умом здрав и помысел у него добрый. Если мысль повреждена, душу не насытишь.

В страстной душе может пребывать Дух Святой, Бог, но там, где есть поврежденный помысел и озлобление, Бога не может быть. Мы знаем из житий святых, из примеров отцов, что даже люди, имевшие страсти, могли творить чудеса и быть богомудрыми, но мы не найдем в истории примера, чтобы Дух Божий пребывал на тех, кто имеет злобный помысел. Берегите свою голову, берегите свои мысли. Сколько раз я замечал: начинаешь анализи-

ровать, давать какую-то характеристику, оценку какому-нибудь человеку, и сразу внутри себя чувствуешь опустошение — благодать отходит и сердце черствеет. Даже если говорю правильно, я выпускаю в себя озлобление, неприязнь и нет уже любви к этому человеку. Когда я слышу что-то плохое о человеке, сразу в душе негатив появляется. Святые отцы говорят, что в монастыри уходят, чтобы не слышать и не знать зла, которое происходит в мире. Я понимаю, что вам, женщинам, хочется обсудить, поговорить, но это приводит только к одному — к опустошению, поэтому лучше косточки никому не мыть. Господь любит нас такими, какие мы есть. Так и нам нужно любить человека таким, какой он есть, со всеми его немощами и проблемами. А если мы начнем выбирать, кто хороший человек, а кто плохой, все пропало.

Наверное, уже рассказывал вам... Когда я был библиотекарем в Лавре, о. Константин часто приходил ко мне и просил разные брошюрки, чадам своим раздавал. А мне помысел пришел — ну что он все берет? Помысел этот меня прямо измучил, и я другому батюшке это высказал. А он ответил: «А зачем ты даешь? Сам виноват». Ну, и все. О. Константин снова пришел, и я ему сказал, что больше я тебе, батюшка, не дам брошюрок, а то ты все берешь и берешь. Он обиделся и ушел. Мне тогда так нехорошо на душе стало, и я понял, что неправильно поступил. Собрал я все брошюрки, принес ему в келию и прощения попросил; он: «Да, да», простил. Но все равно, сколько я с ним потом ни общался, а тех открытых, добрых чувств между нами больше не было, потому что он закрылся, и я уже не мог так просто с ним общаться, не мог так полюбить его, как его любил до этого случая.

Смотрите, не делайте в своей жизни таких ошибок. Не мелочитесь, будьте осторожны. Любовь очень легко надломить, и очень часто бывает, что восстановить ее потом просто невозможно. Душа должна быть чистой, полной любви, должна прощать. Или, допустим, я о ком-то плохо сказал кому-то: все, я этому человеку не могу в глаза смотреть, потому что я о нем говорил плохо, и я начинаю его избегать. Не потому, что я его не люблю, а потому, что у меня грех на совести. Старайтесь не анализиро-

вать душевное состояние человека, не надо; плохой он или хороший — это не нашего ума дело. Потерять любовь легко, а приобрести очень тяжело.

Помню, в семинарии преподаватель нам рассказывал, что во времена социализма, когда у власти были атеисты, ломали всех: и верующих, и сектантов, и тех, кто дьяволу поклонялся. Сейчас же пришло время, когда общество разделится на тех, кто будет поклоняться Богу, и тех, кто будет поклоняться сатане. Все будут знать о духовном мире и будут его принимать. Безразличных атеистов будет меньшинство. Мы живем во времена, когда быть хладнокровным, беспечным нельзя, потому что сейчас время борьбы. Насколько позволят вам силы и условия монастыря, стяжите благодать Святого Духа, стяжите чистоту, любовь внутри себя к Богу, друг к другу. Святитель Игнатий Брянчанинов говорил, что ум человека должен плавать в словах Священного Писания. Все события, которые у тебя происходят в жизни, пропускай через Евангелие. Всю свою жизнь человек верующий связывает с именем Божиим, со Христом, с Его жизнью, с Его страданиями. Вот такой должна быть наша жизнь.

Почему мы говорим, исповедуясь: «Согрешил словом, делом, помышлением»? Отрекаемся от зла и очищаем душу, чтобы наши слова, дела и мысли были в Боге. Стремитесь к этому. Можно иногда о пустом поговорить или по делу, но о мирском не говорите. Что такое мирское? Святые отцы говорят, что мир — это совокупность страстей. Главное, чтобы в ваших словах не было ничего страстного, гнилого. Хотя бы это в своей жизни измените. Если в вас это есть, и вы будете выговаривать это другим, то будет соблазн. Если уж сам этим живешь, но хотя бы других не соблазняй. Об этом я вас прошу: чтобы в вашей семье, в вашем монастыре не было мирского духа.

— Вы сказали, что любовь легко потерять, но для этого ее нужно иметь. Бывает, что у тебя сразу к человеку возникает неприязнь, и получается, что любви нет. Как же разогреть эту любовь, чтобы она была ко всем?

— Любовь приходит в первую очередь через мысли, через помысел. Чтобы человек стяжал любовь, он должен иметь добрый помысел. Когда вы приходите ко мне на исповедь, ваша душа открывается через мысли. Есть закон любви — себя обвини, других оправдай. Если наоборот — ломается и повреждается помысел человека. Он всегда всех обвиняет, а себя оправдывает. Ко мне приходили семейные люди разбираться со своими проблемами: муж говорит на жену, жена — на мужа. Какой тут будет мир, какое согласие, какая любовь? Хоть кому-то с головой надо быть, хоть кому-то смириться, иначе нарушается закон любви. А признак нелюбви какой? Обвинение ближнего. Понятно, что у этого человека к супругу или супруге уже не будет любви. Ее нет, потому что нарушен закон, и прослеживается это через помыслы.

Если ты хочешь иметь любовь, хочешь ее стяжать, то в первую очередь надо воспитывать свой помысел, свою мысль. Пришел к тебе человек, а у тебя к нему неприязнь какая-то — не обращай на это внимания. Если же у тебя еще и помысел про этого человека идет гнилой (он такой-сякой), тут уже дело плохо, это уже хуже, потому что здесь твоя воля задействована. Самое главное — твое волеизъявление. Если ты своей волей начинаешь этого человека втоптывать в грязь, то Бога у тебя никогда не будет. Если же помысел у тебя добрый, а чувства любви нет, то не отчаивайся, Бог с тобою. Сердце еще не созрело, чтобы вместить в себя любовь, но Бог внутри тебя есть. И твоя воля, которая направлена на стяжание этой любви, совпадает с волей Божьей. Вот так человек приобретает любовь.

— *Как можно по мыслям определить исповедь, если ты исповедуешь только грехи?*

— Грехи ведь исповедуются не простым перечислением: согрешил делом, словом, помыслами, обьядением, тунеядством и прочее. Так ты просто констатируешь факт, что это произошло, но сначала ты должен раскрыть грех, а потом уже сказать, что это, скажем, грех обьядения. Когда человек описывает грех, он находится в состоянии покаяния, он прощения у Бога просит. В этой исповеди есть молитва, он замаливает свой грех. А ведь бы-

вает и так. Приходит человек на исповедь и говорит, что грешен во всех грехах, которые были перечислены на исповеди, или напишет — вот, батюшка, читайте. И батюшка читает страницу за страницей. А ведь дело в том, чтобы у тебя самого было чувство покаяния. В канонах Церкви написано, что все грехи, которые совершил человек, должны быть описаны, кроме блудных.

— *У нас знакомая лечится — химиотерапия, у нее рак. Ей врач сказал, что ни в каких общественных местах ей нельзя бывать. И она говорит, что пока в храм ходить не будет. А как на самом деле? Ходить или нет? Или лучше батюшку на дом вызвать для Причастия?*

— Если иммунитет после химиотерапии ослаблен, то тогда, конечно, на дому надо и собороваться, и причащаться. Окрепнет человек, тогда можно и в храм ходить, и вместе со всеми к таинствам приступать.

— *Бывает, что мир сохраняешь, а потом раз — и теряешь, и это от другого человека тоже зависит...*

— От всего зависит. Конечно, соблазн везде есть. Твое дело — мир сохранять. А когда его сохраняешь, тогда твое «я» остается внутри тебя. Дьявол всеми силами старается через какие-то внешние скорби и искушения вывести твое «я» наружу, чтобы ты на это обратил внимание и начал этим жить. Потому-то святые отцы говорят, что, когда человек занимается молитвой, ум должен стоять в сердце. Если он там, тебя ничто не тронет и твой мир останется при тебе. Но если твой ум у тебя в голове, то все входящие извне мысли будут на тебя воздействовать, и ты заведешься.

Большого ума тут не надо и святым быть не надо: если ты вышла из себя, начала нервничать, суетиться — это значит, что молитва у тебя в голове, и ум твой не сходит в сердце. Ум человека должен в сердце стоять, потому что там Бог. Человек должен пребывать в другом мире. Когда он пребывает в этом другом, Божественном мире, внутри себя, он сохраняет мир. А когда он вышел из своего сердца, то начинает жить материальными вещами, и помысел цепляется за земное. Вспомни, что преподобный Серафим Саровский говорил: «За всю мою монашескую

жизнь мой ум не выходил за стены монастыря». Его ум был постоянно собран внутри него. Этого можно достигнуть только тогда, когда ум стоит в сердце. К нему ведь и люди приходили, одно-другое говорили, но ум его оставался в сердце.

Кроме общих фраз, что нужно быть любящим, добрым, нужно прощать, есть формулы, открывающие, что именно должно быть внутри человека. Одна из них — ум должен стоять в сердце человека. Это тоже от Бога дается, хотя этому всегда учили. Зачем четки послушнику даются? Для того чтобы учился ум сводить в сердце. А это не так просто, потому что ум, как пробка, все время выскакивает оттуда. Если человек не занимается молитвой и не стремится к ней, то рано или поздно, каким бы хорошим и добрым человек ни был, он повредится, потому что у него все время нагрузка, все время идут искушения, озлобление со стороны окружающих. Дьявол никогда человека не отпустит, если он ленивый и ничем не занимается, и рано или поздно он повредится. Господь дает ему урок, а он не учит его, не вмещает в себя. Дьявол ломает его хороший помысел, и начнется озлобление, потом мнительность, злопамятство и прочее. Вот человек и остался без Бога. Из этого состояния озлобления, мнительности, из мира, в который ты погрузился, можно выйти только уходом внутрь себя. Когда ум опускается в сердце, душа насыщается и человек приобретает мирное устроение.

— *Бывает еще, что отвлекают во время службы, спрашивают что-нибудь. Как себя вести?*

— Пусть отвлекают. В этом тоже есть промысл Божий. Спрашивают — ответь, по-доброму, по-хорошему. Этим ты сохранишь мир. И не думай, что они тебя этим отвлекают. Ведь святые отцы учат нас чему? Придет к тебе ближний твой — оставь молитву и сотвори любовь. Мир сохраняется любовью.

— *Я однажды разозлилась на бесов и стала их проклинать. А мне одна сестра говорит: «Осторожно, нельзя их так раздражать». Скажите, можно их ненавидеть? Это опасно?*

— У святых отцов написано, что противоречить бесам напрямую и с ними переговариваться так могут только люди совер-

шенные, потому что бесы приходят не только наяву, но и через помыслы. Если у тебя есть какие-то страсти, неважно какие, то, когда эти помыслы придут, ты не скажешь: «Отойдите от меня, я вас не знаю». «Нет, дорогуша, — ответят они, — ты наша». И это их больше раздражает. Пока у тебя есть страсти, так говорить — гордость. Так нельзя. Не из-за того, что они какую-то силу имеют, а из-за того, что ты отступаешь от Бога, из-за гордости. Такие проклятия могут произносить лишь люди, которые достигли какого-то бесстрастия. А вы лучше используйте церковные молитвы: «Да воскреснет Бог», «Живый в помощи вышнего» и другие. От этого твоей душе ничего плохого не будет, а будешь проклинать, как ты делала, то повредишь себе, и они будут иметь власть над тобой.

— *Если другие люди просят помолиться о них... Можно? Или только за церковных?*

— Два-три дня помолитесь, это по вашим силам, и все, оставляйте. Конечно, есть какие-то особенные случаи, когда можете дольше молиться. Если какие-то особые скорби у людей и нужно какую-то ситуацию разрешить: кто-то болеет или не может на работу устроиться, то можно больше помолиться.

— *Батюшка, а помолиться, это имеется в виду просто в сердце вздохнуть о человеке?*

— Поклончиков десять сделай, хочешь — кафизму почитай.

— *Вы сказали, что душевный мир приобретается молитвой, а преподобный Серафим говорит, что мир душевный приобретается скорбями. Скорби — это же не всегда молитва.*

— Когда человек скорбит, он всегда молится. Не может скорбь быть без молитвы, без обращения к Богу, поэтому люди в этом мире словно разделились на два лагеря. Люди мирские тоже терпят скорби, причем они могут терпеть гораздо большие скорби, и если они свои скорби со смирением принимают, то от этого приобретают и становятся добрее, чище и божественнее. А если скорби принимать с озлоблением, то скорби остаются и человек остается пустым. Скорбь всегда связана с обращением к Богу. Я вам рассказывал в начале беседы о себе, как огонь тушил: все го-

рит, придется вызывать пожарных, вертолеты, братия вся выбежит, тебе голову снимут, тут и половина хозяйства стгорит, и лес. Вот пришла скорбь. Господи, помоги! Если я говорю только о молитве, это не значит, что я отделяю скорбь от молитвы. Молитва приобретает свою глубину в скорби, она может быть поверхностной и глубинной. Святые отцы всегда искали скорби, потому что через скорби приобретается смирение. Мирским людям не надо их искать, они сами к ним приходят, а монаху — надо.

— *Бывает, согрешишь и сразу переживаешь, просишь у Бога прощения, а пройдет время, готовишься к исповеди, и уже нет такого покаянного чувства. Что сделать, чтобы оно всегда было?*

— Вы одну вещь поймите: покаяние и исповедь — немного разные понятия. Покаяние должно быть всегда. Покаянное чувство — это обращение к Богу и замаливание своего греха. Оно должно быть всегда и везде, в любом состоянии, в любое время; где бы ты ни был, ты можешь и должен приносить покаяние Богу. А исповедь — это уже как подтверждение твоего покаяния. «Господи, то-то и то-то у меня было», — и через руку священника Господь прощает.

Почему, например, греки могут причащаться без исповеди? Они говорят, что исповедь обязательно нужна перед причастием, если человек согрешил большими, тяжкими, смертными грехами. Если же грехи не такие тяжкие, тогда человек должен сразу приносить покаяние. У них существует такая практика — исповедь у священника-духовника и постоянное покаяние. А мы привыкли, что нужен батюшка, чтобы все разрешил, но вы ведь исповедуетесь очень редко. Если бы у вас была практика такого покаянного состояния, многие из вас уже были бы если не святы, то высокой духовной жизни, потому что душа была бы живая, она на все реагировала бы. А у вас получается так: согрешил, а потом ждешь, когда на исповедь пойдешь. И понятно, что, когда ты приходишь, все у тебя уже перегорело. Неправильно это.

— *Грехи исповедуешь духовному лицу или старице, а если нет такого? Перед иконой каяться?*

— Вот едешь ты в поезде — иконы нет, а ты нагрешила: наболталась или наслушалась чего-нибудь, едут разные люди, все же внутрь проходит, и сразу скверна в душе появляется. А рекламы сколько, глаза только поднимешь — душа уже осквернилась, и пока покаяние не принесешь, эта скверна в тебе останется. Если у тебя нет этой практики постоянного покаяния, то так и будешь ходить со своей скверной. Покаяние должно быть всегда, а не только когда ты приходишь на исповедь. Если ты согрешил и у тебя появились покаянные чувства и слезы, то Господь тебя уже простил, уже принял тебя, ведь Бог везде. А когда ты пришел на исповедь и сказал свой грех, то через руку священника Он как бы зарубцевал твою рану. Поэтому не надо ждать на исповеди особых чувств — уже произошло покаяние и сам факт соединения с Богом. Почитайте праведного отца Иоанна Кронштадтского. Если в душе его происходило какое-то греховное действие, он становился на колени у престола и молился до тех пор, пока не чувствовал, что Господь посетил его и отпустил ему грех. Святые отцы учили, что покаянные чувства должны быть всегда. У святителя Феофана Затворника есть интересная проповедь, в которой говорится, что покаяние — это ощущение смерти, когда человек просит у Бога: «Господи, возьми мою жизнь, всего меня, только прости мне». Он словно умирает. Это состояние смерти и жертвенность в покаянии должны присутствовать.

— *Так потому в Греции и причащаются без исповеди, что у них есть такое делание?*

— Да, и так должно быть в монастыре. Что-то произошло у тебя, и сразу начинается работа внутри, ты идешь к старцу или старице и говоришь: «То-то и то-то было». Сразу исповедуешься, выговариваешь. Пусть он без епитрахили, без Евангелия, только слушает, но это уже исповедь. Необязательно на голову тебе класть епитрахиль, он через себя пропускает твои переживания, твои грехи, он их помнит. Это больше похоже на исповедание помыслов, оно не требует от духовника епитрахиль, крест, Евангелие.

— *У нас говорят, что состояние озлобления и раздражительности может быть от большой нагузки. Как вы считаете?*

— Может быть, но раздражительность раздражительности рознь. Если раздражительность как грех, то человек имеет нелюбовь, озлобление. А есть другая раздражительность, когда человек не имеет злобы на других. Например, когда я пришел в монастырь, в моей жизни другой ритм начался. В пять часов подъем, братский молебен, и такое недосыпание, а тут еще во время молебна то на ногу встанут, то петь не в тон начинают, кто-то сопит, кашляет, на трапезе кто-нибудь чавкает. Это раздражение другое, от скорбей, то есть душа еще недостаточно смирилась, но это не грех, потому что зла нет.

— *У какого-то святого я прочитала, что нельзя поминать имя Божие везде и нельзя крестить все подряд: стулья, столы, посуду. Это грех?*

— Да. В крестном знамении заложен символ Святой Троицы. Можно словесно призывать Бога, а можно — символом. Если произнесением имени Божьего все часто страдают мирские — они говорят и не задумываются, произносят, как присказку, то крестное знамение на все накладывают, наоборот, люди мнительные и гордые, это уже от прелести.

06.05.2009 г. Пюхтица

Беседа двенадцатая

Мы сейчас стали чаще собираться. Пока есть возможность и у меня, и у вас, постараемся использовать это время с пользой для души. Нам нужно быть внимательными и трезвенными. Мы никогда не услышим ни слов духовника и святых отцов, ни голоса Церкви, если будем жить рассеянно и невнимательно и не будем внимать своей душе. Духовная жизнь внутри и вне нас, она — в Боге, а Бог везде, Он вездесущ. Постараемся вникать в свои духовные проблемы, в свои мысли и чувства и видеть, что в нас есть доброго и худого. Пусть доброе возрастает в нас, а от худого удаляйтесь. Чтобы отдалиться, нужно найти корень зла. Только когда человек будет внимателен к своей жиз-

ни, он будет не просто проживать свои дни, а насыщаться жизнью и приближаться к Богу. Только когда мы будем внутренне жить, появится много вопросов, а слова, которые мы услышим в Церкви, лягут нам на сердце, мы будем их понимать.

Помню, когда я только пришел в Церковь, лет двадцать мне было, и пока учился в семинарии, академии, книги святых отцов разогревали мне душу, но не касались моего сердца. Казалось, что жизнь отцов — это их жизнь, их переживания, скорби и болезни, а моей жизни там не было. Прошли годы, я перечитывал эти книги, и слова святых отцов уже ложились на сердце, потому что я начинал познавать те состояния, которыми жили отцы, они становились мне родными. Святые угодники Божии, которые жили много лет назад, тоже становятся родными и близкими. Прощение малой ектении: «Пресвятую, Пречистую, Преподобную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми помянувшие, сами себе и друг друга...», — говорит о том, что все, кого мы знаем и не знаем, кто просил молитв, все, кто в нашей памяти — вся святая Церковь живых и умерших — становятся нам близки по духовному родству. Святые отцы всегда говорили, что духовное родство гораздо сильнее, чем родство телесное, и когда мы начинаем жить жизнью Церкви, теми задачами и проблемами, которыми жили святые отцы, — борьбой со грехом и обожением — весь церковный мир становится нашей жизнью, нашей семьей. У нас тогда получится жить по-монашески, когда мы будем жить этой святоотеческой духовной жизнью, будем бороться со своими грехами и освящаться. Вот тогда у нас появятся и вопросы, потому что настоящие вопросы возникают только тогда, когда человек опытным путем проходит путь борьбы с грехом. Остальные вопросы, не связанные с этой борьбой, будут надуманными.

Люди мирские приходят и задают вопросы о Царствии Небесном, о том, как там живут святые. Это вопросы надуманные, они этим не живут. Даже если они получают ответ на этот вопрос, он удовлетворит только их интеллект, а сердце останется пустым. Был у меня такой случай. Женщина задала вопрос: «Как

Там, что Там, хорошо Там или плохо?» Да, это вопросы о Царствии Небесном, о Боге, но, отвечая на них, чувствуешь, что разговор пустой. Да, говоришь правильные вещи, но человек не вникает, потому что он не живет этим, и то, что он узнает о Царствии Небесном, не поможет ему. Только когда человек обратится внутрь себя и увидит свой внутренний духовный мир, он сможет жить Божьим миром, жить настоящей жизнью и быть трезвенным человеком. Само значение слова «трезвение» подразумевает внимательное отношение к своему внутреннему «я».

Когда мы беседуем с вами, я делюсь своими внутренними переживаниями и говорю о том насущном, чем живу в данный момент, о чем душа болит. В этой жизни мы все время встречаемся с Богом, слышим Его глас, но Его воли не исполняем, оттого мы Его не знаем, не чувствуем. Человек познает Бога только тогда, когда начинает исполнять, видеть, чувствовать Его волю. Сына можно узнать только по исполнению воли Отца. Если он не исполняет этой воли, он не сын, а пасынок. Бога мы знаем не оттого, что читаем Священное Писание, и не потому, что мы православные, не оттого, что стали монахами, послушниками и пришли в этот монастырь, а оттого, что исполняем Его волю. Это наше сыновство, наше спасение и наш вход в Царство Небесное. На отдельных примерах хочу объяснить вам это наше незнание Бога.

Мне однажды позвонили и сказали: «Батюшка, у меня отец в тяжелом состоянии, в реанимации. Что делать?» Я ответил: «Его надо причастить, спросите у врача. Я сегодня ночью служу, потом сразу приеду в Москву и причастим». Вечером перезвонили – врач сказал: «Пожалуйста, приезжайте», но добавил: «Спросите еще у врача, который утром заступит». Я литургию служу, а внутри все это переживаю, в конце положил частичку в дароносицу. Помысел изнутри идет: «Нужно ехать, не ждать, что скажет этот врач. Просто поехать, а там как Господь управит, Его воля». В конце службы причастился. Ночь не спал – тяжело, конечно. Приходит другой помысел: «А вдруг не пустят? Это же реанимация. Да и не знаешь, куда ехать. А если телефон не возь-

мут? Приедешь в Москву, и куда ты там денешься?» После этих мыслей особого желания ехать уже не было. Решил, пусть спросят у врача, а там позвонят, тогда поеду. Правило прочитал и лег спать. В десять часов звонят: «Батюшка, врач не разрешил, да и отец не в таком плохом состоянии, и психоз у него. Не приезжайте. Как он еще воспримет причастие, ведь у многих людей есть предрассудок, что с причастием смерть приходит». Ну, думаю, ладно, не поеду. Потом он на поправку пошел, уже должны были в общую палату перевести, и вдруг неожиданно умер. Никто меня не обвинял, но на совести смущение осталось. И помысел мне говорит, что это чувство за литургией было от Бога. Господь положил на сердце, как поступить, это веяние Божие было, но как только подключились к голове мысли, благоразумные, человеческие, так я и нарушил волю Божию. Было и немного лени: «Да, далеко ехать». Главное же, что во мне перебило волю Божию, — это благоразумные, логические мысли; они меня ввергли в грех и оторвали от Бога.

Нужно слушать свое сердце, когда оно покрывается благодарью Божьей. Это чувство нужно иметь, тут должен быть опыт, и когда оно приходит, его нужно сразу улавливать. Потом уже ум начинает расшифровывать то, что отложилось в сердце. Не от ума должен идти посыл к сердцу, а от сердца — к голове. У меня получилось иначе: от головы — к сердцу пошел. Правильные мысли начали влиять на мое сердечное расположение, и я ошибся, нарушил волю Божию. Конечно, по-разному могло сложиться, если бы я туда приехал: причастился бы тот человек или нет, допустили бы меня или не допустили, неизвестно, но не в этом суть. Наше дело — поступить по воле Божьей, как Господь велит, а как получится, об этом не нужно думать — причастился бы он или нет — не по итогу, не по доброму концу нужно судить о воле Божьей, а по благодати.

Не нужно думать о том, что произойдет после, нужно делать сейчас то, что Господь велит. Если мы будем думать, что Господь что-то положил на сердце и из этого должно выйти что-то хорошее, чудесное, это неправильно. Бывает, ко мне приходят как к

духовнику и просят благословения, а это благословение оказывается как будто неудачным. Вот я благословил его пойти за грибами, а лето выдалось жаркое, и оттого все грибы червивые — он сделал большой путь, а грибов не насобиравал. Если он расстроится и подумает, что не было на это воли Божьей, он только измучился зря и выбился из сил, и духовник ничего не знает, не понимает, то этот человек не чувствует воли Божьей. Мышление у него неправильное, как и состояние сердца, — он ждет итога. Смысл послушания, исполнения воли духовника в том, чтобы сердце смирилось и всегда было направлено к исполнению воли Божьей.

Был еще такой случай. Поехал я в Псков, и у меня был помысел, что надо позвонить и сказать тем, кто меня встречает, когда поезд приходит. Этот помысел был такой мирный, покойный, сразу на сердце ложился. А потом подумал: «Да ладно, зачем звонить, лишний раз людей тревожить, они и сами знают когда». Эти правильные помыслы забили хороший помысел, в результате получилось искушение: человек ждал, думал, что я на автобусе приеду. И в этом нарушение воли Божьей. Каждый раз, когда я осознаю свои ошибки, вижу, что Господь говорил, звал, указывал мне, и Его воля ложилась мне на сердце, не на ум, а на сердце. Воля Божия часто разрушает наше логическое мышление, рассудочные умозаключения.

Учитесь всегда настраивать сердце на исполнение сначала воли другого человека, а потом — воли Божьей. Только когда человек усвоит это, он начнет жить с Богом. Когда он видит свои ошибки, то уже начинает исправляться. Везде говорится о том, что в шестидесятилетнем возрасте у человека открывается духовный рубеж. Если человек живет хорошо, то в этом возрасте он перестает уже жить этим миром и начинает жить миром Божьим. Если же человек продолжает жить этой земной жизнью, не отпускает свои привязанности, то он духовно нездоров, потому что ему придется уходить из этой жизни, ему не жить вечно на этой земле, он странник здесь, все это распадется и отойдет. Вся жизнь святых отцов была нацелена на отрешение от этих привязанностей.

В прошлый раз мы говорили об Иисусовой молитве и о молитве вообще. Любая молитва направлена на разрушение связи с этим миром, на то, чтобы человек ушел в себя. Мы говорили о том, что есть разные виды любви: любовь к человеку, к близким, к вещам, к природе, к Родине, и есть любовь к Богу. Помысел мне говорит о том, что вся любовь, которая нас связывает с землей, связывает нас с нашим плотским сердцем, проходит через мысль, через голову. Любви Божьей в голове у человека нет. Память, воспоминание может быть, но не любовь, тут ум должен сходить в сердце. Когда ум сходит внутрь, в духовное сердце, человек стоит внутри и становится «мертвым» для всех и всего. Только тот, кто может почувствовать себя таким «мертвым», может любить Бога. Можно сравнить это христианское состояние любви к Богу с теми состояниями, о которых говорят другие религии. В буддизме — нирвана, уход от всего, состояние покоя и отрешенности. Но в христианской любви всегда есть чувство наслаждения, всегда есть благо. Когда человек забывает себя, он еще больше чувствует это благо. Когда человек молится, когда духовное сердце уже привыкло, ум сходит в сердце и наслаждается именем Иисуса.

Я вспоминал историю имябожников. У них были серьезные перегибы, но не все так просто. Люди, действительно занимавшиеся Иисусовой молитвой на Афоне, прекрасно понимали, что, когда ум стоит в сердце, слова молитвы приносят в их сердце Бога, услаждение Им, умиление. Они этим жили, и для них там, внутри, был Бог. Им было трудно разделить слова и сущность. Я скажу так, хоть, может, это и не совсем правильно и не совсем догматически верно: чтобы уйти внутрь себя, нужно влюбиться в Бога по самые уши. Тогда человек уходит в Него полностью. Ему больше ничего не надо, его ничего не держит на этой земле, не волнует, не притягивает, один Бог. Если этой влюбленности не будет, сердце человека останется холодным. Многие говорят о Боге, о догматах, о Царствии Небесном, но если человек не желает и не имеет привязанности к Богу, влюбленности в Бога, то он не сможет быть с Ним. Для него это просто философия, простое хождение в церковь, и он не понимает, зачем это и

для чего. Он не понимает, зачем скорби, зачем смерть, для него это будет горе, он не осознает, что Господь все делает во благо. Для Бога главная цель — привязать человека к Себе. Всем своим сердцем, всем своим умом стремитесь возлюбить Бога.

Возвращаясь к Иисусовой молитве, скажу, что молитва будет действительна в вас и будет жить в вас только тогда, когда помысел будет правильным, хорошим, когда вы будете жить по закону любви — себя обвини, других оправдай. Сущность Бога, Его явление нам — это милосердие. Если в ваших отношениях между собой нет милосердия, если там только один закон правды, в них нет Бога. Бог есть любовь, и Бог есть милосердие. Слово «милосердие», думаю, больше делает акцент на покрытии немощи других, в нем больше жертвенности: милосердный отдает от себя и не живет для себя. Если в ваших отношениях есть такая связь, этот признак любви, то вы Божьи люди. Тогда и молитва будет у вас, и Бог будет всегда с вами.

Святые в пустыне познавали не только свою греховность, поврежденность своей природы, отпадение от Бога, но и святость, милосердие Божие. Когда к нам приходят греховные мысли и мы сразу отвращаемся от них с покаянием, уходим внутрь себя и утверждаемся в этом стоянии, то Господь может, если не сразу, то вскоре, память об этих грехах, скверну этих чувств отнять от наших душ. Святые отцы жили этим, познавали Бога, и их души приближались к Нему — подобное ищет подобное. Если мы не видим, не чувствуем святости Бога и не знаем, куда нам идти и к чему стремиться, то наша душа будет болтаться в этом мире в пустоте и одиночестве. Мы будем жить только внешним, наша жизнь будет только внешней деятельностью, а внутри жизни не будет. Святые отцы всегда говорили, что послушание в первую очередь связано с внутренним отречением, а не с внешним. Человек в сердце своем отрекается от земных благ, чтобы приобрести Бога. Знайте Бога, познавайте Его. Мы познаем Бога и учимся на своем опыте, впадаем в какие-то грехи, большие или малые, а Господь прощает нас, дает познать, что мы повредились, опустошились, а потом опять входит в душу и пребывает в нас.

Если же человек утвердился в неправильном жителъстве, уклонился от Бога, не живет внутренним своим миром, то он впустую проживает свою жизнь. Это несчастный человек. Это состояние очень сильной прелести: человек знает Бога, но сознательно не идет к Нему, и помилования ему не будет, потому что человек сам сделал свой выбор, это его воля, его решение. Другое дело, когда человек ошибается. Мирские люди часто согрешают, потому что не знают Бога; только на уровне совести они понимают, что что-то неправильно, что-то не так. А когда мы знаем Бога и делаем какой-то грех, это плохо, и, если мы в этом утверждаемся — это еще хуже.

Что еще сказать об Иисусовой молитве? Когда молитва приживается механически человеку — это первая ступенька. Молитва должна постоянно быть в уме, должна всегда твориться, но потом должна все равно уходить внутрь него, не должно быть никаких иных мыслей, кроме как о Боге, и ум должен стоять в сердце человека. В это время могут нахлынуть страсти, суетные мысли, проблемы какие-то, и ум начинает выбирать, куда ему склониться: остаться в сердце с Богом, услаждаться этой любовью или уклониться в другую любовь, чуждую Богу. Это момент тонкий и многозначный. Так проверяется воля человека, проверяется его любовь. Когда же после первой ступеньки молитва переходит на следующую, ум познает услаждение внутри своего духовного сердца, он все чаще и чаще сходит в него. И уже независимо от того, сходит ум в сердце или нет, у него есть память об этой любви. Человек чувствует, что там Христос, он уже ищет Бога внутри себя и там Им наслаждается. Ради этой любви он готов оставить все и претерпеть любые скорби, принять что угодно от руки Божьей, исполнить любую Его волю, какой бы она ни была. Когда человек осознает, что творит и делает по воле Божьей, то уже независимо ни от чего сердце у него начинает радоваться и играть, оно обливается потоками благодати, любви Божьей. И как только он сведет ум туда, еще большее наслаждение испытывает.

Бывает, кто-то из вас приходит и говорит: «Батюшка, встречи с людьми или сестрами опустошают, разрушают». Да, вы говори-

те правильно, но если человек полностью предал себя в руки Божьи, в руки духовника, то никакая встреча или что-то другое не повредит ему. Если человек чувствует, верит и знает, что так хочет Бог, его сердце будет купаться в любви Божьей, в Его Благодати. Не зря святые отцы говорят: когда придет к тебе странник, оставь молитву и обогрей этого человека любовью, потому что это угодно Богу. Почему многие миряне оказываются выше нас, хотя они не занимаются так молитвой, не ходят на службы, как мы, живут не по-монашески, а семейно? Да потому что они творят волю Божию. И от этого чувствования, от этого понимания их сердце обогащается. В книге игуменьи Таисии описан такой случай. Девочка лет пятнадцати пасла коров, а мать Таисия мимо проходила. Девочка к ней и обратилась: «Матушка, научи меня молиться». Игуменья начала говорить ей про Иисусову молитву, про другие молитвы, а потом спросила: «А ты сама-то как молишься?» Девочка ответила: «Да я ничего не знаю, только первые слова “Отче наш”», а как только сказала «Отче наш», вся залилась слезами. Матушка на нее посмотрела и сказала: «Тебе не надо ничему учиться, тебе Господь уже сердце открыл». Да, таких высот, когда сердце откликается на слова молитвы, люди достигают спустя много-много лет и то только по великой милости и благодати Божьей. Когда Бог самый родной, самый близкий, когда Он внутри у человека, то человек начинает Им жить. Эта девочка жила с Богом, ум ее стоял там, внутри, и от слов «Отче наш» она сразу плакала.

Интересное чувство появляется, когда ум сходит в сердце, начинает усаждаться молитвой, чувствует, видит Бога внутри себя. Это чувство, что вот-вот произойдет щелчок и сердце откроется. От слов «Отче наш» или «Господи Иисусе Христе» сердце заливается слезами от великой любви, великой милости. Святые отцы говорят, что вначале должны быть внутренние слезы, а потом уже эти слезы появляются на глазах. И о. Софроний (Сахаров) говорил, что в пустыню уходят, когда не могут удержать рыдания внутри себя. Тогда, чтобы люди не соблазнились, не помешали и, чтобы не возгордиться, и уходят в пустыню. Молитва идет только тогда, когда откроется сердце, и тогда человеку требуется полное

уединение. Об этом открытии сердца вы тоже должны знать. К этому должны стремиться все ваши мысли и желания — чтобы в молитве жить с Богом. Не ради наслаждения, а ради того, чтобы быть с Богом. Пусть я ничего не испытаю, пусть я буду холоден как камень, но я хочу стоять в Боге, во Христе. А там на все воля Божия — дать мне тепло благодати или оставить меня в холоде моих чувств. Наша цель, наша задача — после первой небольшой ступеньки, после механической молитвы взойти на вторую — это схождение внутрь себя. Еще раз повторю, что повреждение от этого будет у тех, кто не имеет правильного помысла. Кто нарушает закон любви, для тех это схождение внутрь себя будет гибельным. Без правильного, полного любви, милующего помысла стояния в Боге и продвижения в Иисусовой молитве не ждите. Самый падший человек — из монахов, потому что самые большие повреждения бывают, когда человек входит внутрь себя и начинает жить только самим собой.

Правильная молитва, правильное видение Бога и стояние в Боге — это всегда жертвенность. Если нет жертвенности, значит есть гордость. Гордый человек может сходить внутрь себя, но позже в нем происходит деформация: он уже не в Боге, а в своем «я», самим собой наслаждается. Бог заменяется своим «я». Дьявол отчего пал? Он поставил свое «я» выше Бога, себя — вместо Бога. Так и в нашей жизни часто бывает. Мы хотим, чтобы Бог слушал нашу волю, исполнял наши желания, пусть хорошие, но наши. Поэтому всегда задавайте вопрос: «Господи, а Ты что хочешь?» В любом деле, даже самом добром, не забывайте задавать этот вопрос.

Поговорим немного о литургии. Литургия — это центр нашей жизни. Мы много времени проводим в церкви и если не каждый день, то очень часто бываем на литургии. Слово «бывать» здесь не самое подходящее. Я этим хочу сказать, хоть, может, это и неблагозвучно звучит, что на литургии надо не бывать, а литургию надо служить, и неважно, кто ты — священник, просто монах или мирской человек. Каждый, кто присутствует на литургии, должен быть ее участником, должен сопереживать. На литургии открывается окно в другой мир: Божий мир сходит

на землю, и мы входим в Царство Небесное. Действия, происходящие в алтаре, слова, которые произносит священник, должен ощущать каждый из нас. Литургия всегда будет приобщением к Царству Небесному, входением внутрь этого Царства. В Дивеевских пророчествах сказано: когда будет отслужена в Дивеево в Казанском соборе последняя литургия, то одни молящиеся поднимутся на Небо, а другие останутся на земле. Будет это или нет, но, думаю, речь здесь о том, что одни в Божественной литургии участвуют, а другие остаются истуканами. Я хочу, чтобы вы это поняли и, насколько возможно, сами вступили в служение.

Основная мысль в книге «Божественная литургия, ее переживание и осмысление» — действие Духа Святого во время Богослужения, когда Царство Небесное нисходит на землю и человек восходит на Небо и соединяется с Богом. Жития святых рассказывают, как святые жили этим, видели Духа Святого, огонь, сходящий с неба, и Ангела, присутствующего на литургии. Они входили в этот мир. И не только священнослужители, совершавшие литургию, но и молящиеся погружались в тот Духовный мир, который нисходил на землю. Церковь всегда учила, что каждый человек на службе должен участвовать в священнослужении. Он не зритель, а участник.

Церковные действия направлены на то, чтобы оторвать человека от своих мыслей и вовлечь в происходящее. Основных действий Святого Духа на литургии семь. *Первое* — в начале литургии, когда священник приступает к совершению проскомидии-приношения и просфора еще лежит на жертвеннике. Священник читает молитву «Искупил ны еси от клятвы законныя». Бог пострадал за род человеческий и искупил нас Своею Кровию, Бог не может не услышать эту молитву, потому что в ней — истина, ради этого Он пришел в мир. Когда человек обращается к Богу с этими словами, Господь призывает на прошение человека, после чего совершается само действие — заготовление Святых Даров. Вот первый момент — призрение Божие на Святые Дары, на саму литургию. Интересно, что когда служит священник, то это происходит в самом начале, а когда

служит архиерей, то, несмотря на то что проскомидия уже совершена священником, он повторяет эти священнодействия во время Херувимской. С Херувимской начинается само таинство, основные действия Святого Духа. Этот момент проскомидии вы должны знать и чувствовать. Нужно всегда держать в уме и памяти своей, что сейчас Господь призывает на Святые Дары, на Приношение, которое не только священник приносит, но приносит весь народ Божий, только совершается это руками священника, приносится за грехи священника и за грехи народа Божия. В этот момент Христос будет умирать за каждого из нас. Даже если сердце остается холодным, если нет молитвенного настроения, но у тебя в памяти эти мысли, и ты осознаешь, что происходит, то от этого памятования сердце начинает приходить в страх Божий и благоговеть перед происходящим.

Второе — читается тропарь «Во гробе плотски», совершается каждение вокруг престола и жертвенника с Приношением, и Царство Небесное начинает сходить на присутствующих, на Церковь, на то место, где происходит это священнослужение.

Третье — Херувимская песнь. В храме монастыря Дионисиат есть древняя фреска, на которой изображено это таинство: на ней — живой Христос, отдающий Ангелам воздух, символизирующий собой погребальную пелену, на которой лежит мертвый Христос; они берут Его и от жертвенника через диаконские двери несут по солее и вносят в алтарь через Царские врата. Священники на фреске не изображены, только ангелы, потому что живой Христос и есть священник, а мертвый — Святое Приношение. В Святых вратах воздух, с лежащим на нем Иисусом Христом, берет Сам же Спаситель — живой Христос. Он Сам Себя отдает и Сам Себя принимает. Во время Херувимской песни совершается таинство смерти Спасителя, а значит, и таинство спасения людей. Святые Дары на престоле — это еще не тело и кровь Христовы, они еще не пресуществились. Необходимо действие Божие, чтобы они стали живыми и доступными для человека. Таинство совершает Сам Христос через слова, мысли, тело священника, поэтому от священника требуются чистота и

непорочность — Христос в нем и через него совершает таинство. Каноны Церкви — у него может быть только одна жена, не должно быть никакой злобы ни на кого — говорят о том, как уподобиться Христу. Христос — в нем, и он — во Христе. Главное здесь — Христос должен совершить это таинство, и из Святого Приношения, хлеба и вина, Дары должны стать Телом и Кровию Христовыми.

На поставление Святых Даров на Престоле, снятие покровцов, покрытие их воздухом читаются погребальные молитвы: «Благообразный Иосиф», «Во гробе плотски», «Яко Живоносец», снова «Благообразный Иосиф». Заканчивается это погребение заключительными словами из пятидесятого псалма: «Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона». Из этого явствует, что это уже Тело и Кровь Христа, но эти хлеб и вино уподобляются мертвому телу Спасителя. После погребальных молитв начинается пресуществление Святых Даров. Святой Дух начинает витать над ними, и происходит концентрация Божественной энергии над принесенными хлебом и вином.

Четвертое — перед анафорой читается священником молитва «Поминающе убо ныне спасительную сию заповедь». Именно на том основании, что Господь пострадал, умер и воскрес, и совершил таким образом спасение человеков, Господь дает заповедь людям — спастись, соединяясь с Ним посредством вкушения Его Тела и Крови. Господь Сам рукою священника совершает пресуществление Святых Даров из хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы.

Помните, я рассказывал, как подошла девочка лет четырнадцати-пятнадцати и рассказала, что когда она причащалась и батюшка дал ей Тело Христово, то Оно ее обожгло, у нее ожог появился. Когда она спросила об этом у священника, он ей ответил — это значит, что есть нераскаянные грехи. Я бы еще добавил к его словам — если человек без страха Божия подходит к Святым Дарам, в опустошении, тогда такое может произойти. Тело и Кровь Христовы — это огонь. Еще о. Паисий говорил: «Когда причащались невидимые старцы, он видел, как в их уста входил

огонь». Они не только Тела и Крови причащались под видом хлеба и вина, но и Божественного огня. В этот момент литургии истинно Святой Дух нисходит и пресуществляет Святые Дары. Святитель Филарет (Дроздов) пишет: когда священник говорит: «Примите, ядите», то Святой Дух уже окутывает Дары. Эти слова исходят как бы изнутри, и возникает чувство, что говорит Сам Христос, а ты Его только озвучиваешь своим голосом. И не только священник, но и вы должны произносить эти слова про себя, потому что в вас есть Христос. «Твоя от Твоих» — после этого возгласа совершаются священнодействия, и хлеб и вино претворяются в Тело и Кровь Христовы. Только Бог может претворить хлеб и вино в Тело и Кровь Свои, ради спасения человека, чтобы через это человек мог спастись и соединиться с Богом. Такой путь спасения Господь положил, потому что человек не только духовен, но и материален, и соединение со Христом должно быть реальным.

Пятое — перед раздроблением Агнца, когда священник говорит: «Святая святым», Святой Хлеб предлагается нам как освящающая жертва. Так же, как и тогда, два тысячелетия назад, Господь пострадал на Кресте ради спасения человека и предлагает Себя, чтобы люди вкусили Его и могли спастись.

Шестое — Причастие. Даже если человек не причащается, он все равно ощущает соединение с Богом. После причащения священник опускает частички в потир (чашу), и все, кто поминался на литургии, соединяются с Богом. Это тоже таинство. Пусть его совершает только священник, но понимание того, что происходит, должно в вас быть.

Седьмое — священник говорит про себя: «Благословен Бог» и крестообразно осеняет чашей антиминос, затем поворачивается к народу и говорит: «Всегда, ныне и присно, и во веки веков». Молящиеся в этот момент делают земной поклон. Далее священник с Чашей идет к жертвеннику и говорит: «Вознесися на Небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя», то есть с этого момента начинается восхождение Духа Святого и заканчивается, когда дочитывают благодарственные молитвы и закрывают Царские врата. По

уставу Царские врата должны закрывать после благодарственных молитв, когда священник произнесет отпуст молитв.

Если эти семь моментов, происходящих в алтаре, знаешь, то служба становится более понятной, ты в ней участвуешь и соединяешься со Христом. Помните, блаженная мать Екатерина часто причащалась, а как-то подошла к Чаше, а батюшка ее не причастил. Она тогда слюну, как Причастие, проглотила и отошла запить, будто причастилась. Когда человек переживает Божественную литургию, он в ней участвует и приобщается благодати. Участие в литургии дает большую благодать, но она, конечно, не равна Причастию. Его ничто не может заменить. Однако приобщение к благодати человек получает, потому что входит внутрь Небесного Царства. Этим вы должны жить. Помните, как отец Ефрем Катунакский от такого переживания литургии терял сознание. Настолько сердце его трепетало от любви Христовой, что он без сознания падал на престол. Эти слова о Божественной литургии — моя попытка более доступно и просто раскрыть то, что переживали святые отцы в этом таинстве. Теперь, если у вас есть вопросы, вы можете их задать.

— *Батюшка, вы сказали, что послушание — это внутреннее отвержение. Это как?*

— Послушание — это когда человек не имеет ничего своего. В монастырях был устав, который не разрешал говорить: «Это мое». Как только человек начинал это говорить, к нему подходила братия и смиряла его. Как ты можешь исполнить послушание, присваивая что-то себе: моя чашка, моя ложка, мое место? С самого начала монашеская жизнь заключалась в странничестве. Это главная добродетель монаха. Странник — это тот, у кого нет ничего, ничего своего. Когда человек чувствует себя странником в этом мире, он сможет исполнить волю Божию. Это одно. А второе, более существенное — человек не имеет и своих желаний. Я вам говорил — не ищите исполнения своей воли, чтобы все было хорошо и прекрасно. Например, сестра готовит еду, а старшая ей сказала: «Соли не сыпь, перца не клади».

Она: «Благословите». А потом сестры попробовали и давай ее ругать. Она стала роптать: «Меня благословили, а сестры голодные и меня обругали». А если скажет: «Бог так хочет», тогда она будет монахиней и только тогда будет святой по жизни.

— *Вы говорили о любви, сильной любви к Богу, а в нашем деятельном монастыре, не отшельническом, не скитском, возможно ее приобрести?*

— Научитесь скитанию, и все будет. Все нужно сочетать: и помысел добрый, хороший, и сердце милующее, и добродетель скитания, и молитву. Одно к одному должно быть, потому что все взаимосвязано. Если человек начал спасаться, все это будет в нем. Не сможешь молиться, если у тебя какая-то вещь дорогая, любимая есть. Сердце будет уклоняться, и дьявол знает, на чем тебя поймать. Любовь — это совокупность многих добродетелей.

Между прочим, о порядке. У святых отцов встречается разная практика. У преподобного Паисия Величковского в монастыре у монахов в келиях порядок был. Тех, кто приезжал в Нямецкий монастырь, кормили хорошо, да и внешне все было чисто и благоустроено, при этом братия спасалась и достигала высокой духовной жизни. Другой устав был у старца Хаджи-Георгия на Афоне. Он не благословлял своим послушникам убирать в келии. Можно себе представить, какая грязь была. Это ради того, чтобы не увлекались внешним. И та, и другая практики спасительны. Когда человек начинает жить молитвой, рядом старец и жизнь идет по послушанию, на этой внешней чистоте он не будет заикливаться, он делает это по послушанию, потому что старец благословил. Есть еще третья практика преподобного Симеона Нового Богослова. Он то поститься благословлял, то закармливал, чтобы человек не имел своей воли. Все эти три практики направлены на то, чтобы человек не имел своей воли. Благословляют вас готовить и порядок в келиях держать, держите, только не прилепляйтесь к нему. Но если не благословят поддерживать порядок, мне кажется, многие из вас начнут роптать. Вспомните преподобного Нила Сорского. Привезли в монастырь новые ворота, поставили. Братия говорит: «Ой, как краси-

во, как хорошо». Старец поглядел и сказал: «Нет, для души это нехорошо». Благословил, чтобы чуть покосили, погнули ворота, они и не стали закрываться — вот теперь хорошо.

Многие послушания вы неправильно исполняете. Надо сделать и не любоваться своей работой, а вы начинаете всю душу вкладывать в делание. Например, ты погладила что-то для сестры, а ей не нравится, складки не там сделала или еще что-то не так, и ты от этого расстроилась. А ты бы попроще к этому относилась — не понравилось, ничего, переделаем. Брат мой, когда начинали что-то делать, а мне не хотелось, я ворчал, всегда говорил: «Трудно — не делай, я сам все сделаю». И все разговоры. По большому счету все наши переживания не из-за того, что физически тяжело что-то сделать или переделать, а именно морально, когда замечания делают и затрагивают нашу самость. Это одно. А второе — когда человек начинает жить этим внешним миром, то становится зависимым от многих вещей и событий, происходящих в миру. Когда же ты живешь своим сердцем, своей любовью внутри себя, тогда в любой ситуации ты уходишь внутрь себя и там находишь свой дом, соединяешься там со Христом. Если не можешь погрузиться внутрь себя, ты все время будешь в разговорах, рассуждениях и чувства никогда не успокоятся, ты никогда не достигнешь даже малого духовного совершенства, малого бесстрастия, в котором мог бы увидеть Христа и соединиться с Ним.

У каждого из нас какие-то проблемы, переживания, но не этим должен жить монах. Делаете что-то плохо, хорошо — как умеешь, так и делаешь. Сколько силы и умения Господь тебе дал, столько ты и использовал. Да, сделал по совести, но этим я не живу. Я знаю, что умру и ничего этого не будет — ни вещей, ни дел, никому оно не будет нужно, и ничего я с собой не возьму.

Почему в Евангелии говорится, что многими скорбями надобно нам войти в Царствие Небесное (Деян. 14:22)? Почему преподобные всегда уходили от легкой, сладостной жизни и даже искали скорбей? Что должно в скорбях происходить? Если у человека душевное устройство правильное, нормальное, то, когда плохо, когда его бьют со всех сторон, он, как улитка, уходит

внутри себя и ищет успокоения в Боге. Если человек не смог этого сделать, то он начинает роптать, пытается заглушить свою скорбь, ищет наслаждения, чтобы успокоить нервы, но это только в худшее состояние его приводит, это неправильная установка. Скорбь хорошо помогает загнать свое «я» внутрь себя. А если обращаешь внимание на эти проблемы, начинаешь ими жить, то не можешь стоять внутри себя.

Так же и с пристрастиями. Ты отвращаешь от них свою волю, свой помысел и направляешь его к другой любви — ко Христу. Мысли нужно погружать в Бога. Если тебя оскорбили, чувства растревожились и в мыслях начинает вращаться это оскорбление, то своди ум в сердце. Если ты встал на молитву, ум должен быть там, что бы с тобой ни произошло.

Проблема всех наших невзгод и нашего внутреннего ропота происходит от незнания Бога, от нестояния нашего ума в нашем сердце, от нашей нелюбви. Когда человек еще маленький и сделали ему плохо, ударили или обидели, куда он сразу бежит? К маме. Это естественно, это заложено в природе человека — искать защиту в любви. В жизни с Богом должно быть так же: что-то с тобой случается горькое, скорбное — ты должен уходить к Нему. А если ты к Нему обращаешься, но не доходишь до Него своими чувствами, своим сердцем, то происходит откат. Тогда начинаешь жить этой болью, этим переживанием и Бог не может тебя успокоить, потому что ты не под Его рукой, ты не в Нем.

Что такое смирение? В первую очередь, это принятие всего от руки Божьей, когда человек во всем видит волю Божию — так хочет Бог. Это нужно не просто принять, а перенести, пережить, поэтому нужно обязательно сойти внутрь себя, войти в Бога. Принятие всего без погружения внутрь себя может повредить человека, потому что и хорошее, и плохое без погружения внутрь себя не насыщает, а, наоборот, опустошает его. Поэтому смирение — это всегда пребывание внутри, а смиренничество — это стояние вовне. Но без исполнения воли Божьей ум не будет стоять в сердце, он выйдет оттуда, потому что не будет соединяться с Богом. Если Бога нет внутри, то ум начнет развлекаться и ис-

кать себе услаждение в тварной любви. Поэтому, только исполняя эти две заповеди смирения, человек может спастись. Давайте теперь помолимся.

26.06.2009 г. Пюхтица

Беседа тринадцатая

Каждый раз нас Господь собирает, чтобы мы получили духовную пищу для ума и сердца. Одних молитв, служб, трудов и общения между собой для монаха недостаточно. Эти, пусть и непродолжительные, встречи и разговоры о Боге, о спасении должны укоренить в сердце Божественные формулы и привести к духовным плодам. А плоды эти — наше единение с Богом, наше спасение. Каждый раз я стараюсь говорить с вами о том, что дает мне пищу для размышлений и сердечных переживаний, ими я с вами и делюсь. Эти переживания сегодня одни, завтра другие, темы меняются, но наш разговор всегда возвращается к нашему спасению и внутреннему совершенствованию в Боге, во Христе, потому что мы должны быть христианами, то есть подобными Богу во всем: в мыслях, словах и делах. Потому мы и читаем Евангелие, потому мы и служим Ему, и любим Его, что хотим быть такими, как Он. У отца Иоанна Кронштадтского вся жизнь, все внутренние переживания и размышления были устремлены к тому, чтобы здесь, на земле, насколько это возможно, уподобиться Христу. Чудеса дорогого батюшки были совершены им, когда он восходил в своем внутреннем просветлении душой ко Христу, уподоблялся Ему во всем. Господь совершал через него великие чудеса. Сегодня я хотел бы поговорить о нашей любви к Богу, нашем сыновстве и Его Отчей любви к нам.

В Евангелии от Иоанна, в 8 главе, Господь говорит иудеям: «Вы делаете то, что видели у отца вашего», а они Ему отвечают: «Отец наш есть Авраам». Разговор продолжается, и опять Господь им указывает: «Вы делаете дела отца вашего», они же говорят: «Мы не от любодения рождены, одного Отца имеем — Бога» (Ин.

8:38-41). Вот два интересных момента. Евреи указывают свое происхождение от Авраама (человеческое родство) и от Бога (духовное). В Евангелии от Матфея родословная Иисуса Христа начинается с Авраама и указывает на Его человеческую родословную (Мф. 1:2), а в Евангелии от Луки она уходит своими корнями в Бога — сын «Адамов, Божий» (Лк. 4:38). Интересно, как евреи чувствовали Бога Отца. Для них Бог был очень близким, родным. Они чувствовали это свое родство. Бог Отец — источник той любви, из которой проистекает абсолютно все. Это сущность, которая все охватывает, в которую человек погружается и в которой живет. Вот так можно перевести слово Отец. У евреев это ощущение родства с Богом, своего сыновства сохраняется из поколения в поколение, словно у них это в крови. Однако Господь наш Иисус Христос как будто не знает этого и говорит им: «Должно вам родиться свыше» (Ин. 3:7), то есть рождение в Боге не является само собой разумеющимся, оно является рождением свыше.

Каким образом духовное рождение должно произойти в человеке? Господь указывает евреям на их ошибку — восприятие Бога, Бога Отца, должно быть гораздо глубже, человеку необходимо уподобление Богу в любви. Я хочу этими словами, этим обращением к Священному Писанию показать вам, помочь раскрыть в себе эту любовь Бога Отца, Его Отцовство, Его природу в себе — Он самый родной, близкий, и Ему человек доверяет все, как маленький ребенок. Мне говорят о чем-то: «Батюшка, как же об этом молиться, это же такая мелочь?» Я иногда обращаюсь: «Господи, шурупчик потерял, помоги мне найти, или хочется конфетку — Господи, пошли». Казалось бы, мелочь и с такой мелочью нельзя обращаться к Богу. Он высок, Он очень духовен, Он свят, но Он ведь мой Отец, и я, как Его ребенок, повергаю Ему все: свои мысли, свое желание спасения, соединения с Ним и свои детские запросы, даже самые мелочные. Так должно быть, потому что я Его люблю, как свою кровную мать или отца; я не думаю о том, что Бог такой великий и сильный, а я — такой маленький. Он мой Отец, и о том, что у меня болит, о чем я думаю, о плохом или хорошем, я Ему говорю. Вы обязательно должны это понимать.

Мы говорили о духовном рождении, о рождении свыше. Для нас эта наша духовная связь с Богом открывается в молитве, потому что молитва — нить, соединяющая нас с Богом. В молитве, особенно в Иисусовой молитве, это состояние рождения, обретения Бога как Своего Отца можно проследить. Вы должны понимать еще другое: Господь наш Иисус Христос, Он есть Сын, и мы, дети Божии, имеем с Ним параллель в сыновстве, но мы имеем ее по благодати, а Христос — по Своему существу. Как Сын рождается в Боге Отце постоянно, так и мы, пребывая умом в своем сердце, должны постоянно рождаться в Боге Отце. Это свое единоутробие по благодати мы должны в себе чувствовать. Когда ум человека сходит внутрь духовного сердца, полностью погружается в него, то человек внутренне ощущает эту связь с Богом или, лучше сказать, свое рождение в Нем. Человек чувствует свое сыновство — эти токи Божественной любви, как кровь, начинают течь по всей его душе, во всем его теле. В этот момент человек ощущает себя сыном Божьим и имеет дерзновение обращаться к Богу как к Своему Отцу. Сущность Бога Отца в молитве непостижима, она дает сердцу только познание Бога в Его энергиях, в Его любви. Это погружение в себя самого, рождение в Боге Отце должно ощущаться при молитве Иисусовой, если она творится правильно, творится с умиранием, когда ум уже ничего не имеет общего с теми тварными вещами, людьми и даже душами, которые окружают человека. Он там, внутри, как младенец, который лежит в утробе матери и ощущает только материнское тепло, только ею живет. Человек, погружаясь в молитву, начинает жить только Богом, все остальное для него перестает существовать. Вот это чувство во время молитвы должно быть, и свое родство и рождение свыше человек должен чувствовать. Это не просто какая-то аллегория, это определенное состояние, оно имеет свои корни, свои определения.

Бога Отца мы познаем в таинстве Литургии. В Евхаристическом каноне священник начинает молиться Богу Отцу о принесении жертвы — Сына Божьего. Он обращается к Нему как к родному, близкому и просит, чтобы Господь совершил эту жертву и ее

принял. Когда уже происходит само Пресуществление Святых Даров (хлеба и вина — в Тело и Кровь Христовы), произносится просительная ектения, которая заканчивается возгласом: «И сподоби нас, Владыко, со дерзновением неосужденно смести призывати Тебе, Небесного Бога Отца, и глаголати». Этот возглас священника относится к тому, что в мир пришел Сын Божий, Господь наш Иисус Христос, и Он предстает в лежащих перед нами Святых Дарах Телом и Кровью. Имея Сына Божия здесь с нами, мы имеем и дерзновение призывать имя Бога Отца. Для Бога Отца жертва принесения Своего Сына велика, огромна, потому что, как любому родителю, Ему гораздо легче принести Себя в жертву, чем отдать Своего ребенка на смерть. И боль, и любовь Бога Отца — это тоже жертва, даже, если только можно так сказать, гораздо большая, чем жертва Самого Сына Божия. Когда мы взираем на Крест Христов и вспоминаем, как Христос страдал за нас, мы благодарим Его и молимся Ему. Однако еще есть и жертва Бога Отца, она непостижима для нашего ума и необъятна для нашего сердца. Отец, Сын и Дух Святой, все вместе Святая Троица, нераздельны, поэтому, когда человек погружается во внутреннюю молитву, внутрь себя, он осознает великую любовь Божию всей Святой Троицы.

Я уже говорил, что в книге игуменьи Таисии есть рассказ о девочке, которая пасла скот. Игуменья шла мимо нее по дороге, а девочка попросила научить ее молиться. Она ей про Иисусову молитву начала рассказывать, а после спросила: «А ты как молишься?» «А я ничего не знаю, — говорит девочка, — только “Отче наш”». И как только произнесла эти слова, слезы градом полились у девочки из глаз. Та посмотрела на нее и говорит: «Тебе Господь уже дал молитву». Когда Господь стоит внутри и открывается человеку в любви, человек рождается свыше, уходит внутрь своего сердца, внутренне осознает эту любовь Божию, все ее величие и тогда без слез имя Божие не может уже призывать. Бог жертвует всем, даже Сыном Своим Единородным, ради того, чтобы восстановить человека в его сыновстве, ради того, чтобы человек опять стал сыном и обрел Своего Отца. Вот об этих чувствах и переживаниях своего сердца я хотел вам немного рассказать.

Чувства древних евреев вам надо прочувствовать, чтобы вы тоже были новым Израилем, чтобы это духовное родство с Богом было в ваших сердцах. Тогда Бог поистине будет вашим Отцом. И Он как Отец всегда видит, слышит и наши детские капризы, и нашу высокую духовную жажду и по Своей любви все нам дает. Бывает часто, на наши детские капризы Господь сразу отвечает и сразу их исполняет, а наши духовные чаяния не спешит исполнить. Они остаются неисполненными, потому что духовные дарования требуют от человека смирения. Смирение — это осознание человеком своей немощи, своей греховности. Когда приходят ко мне на исповедь люди, подверженные каким-то немощам и грехам, я всегда говорю, что не сможете устоять от этих грехов, пока не осознаете, какие вы грешные. Только осознав себя грешником, человек будет себя беречь, избегать тех мест, тех друзей и людей, которые становятся для него искушением. Человек просит у Бога помощи, хотя чувствует, что недостойн Бога и Царства Небесного, недостойн даже взирать на небо, потому что он грешник. Тогда Господь дает ему многое и сохраняет его, потому что в человеке есть смирение. Осознание своих немощей — это первая ступенька спасения, но самая основная, которая никогда не должна ускользнуть от человека.

Хочу еще поговорить с вами о послушании, это наша постоянная тема. Первый грех людей — это грех ослушания, когда воля Адама и Евы воспротивилась воле Божьей, пошла наперекор Богу и распался союз единства Бога и человека. Душа всегда должна быть пронизана смирением. В Деяниях апостолов очень хорошо показана жизнь апостолов Павла и Петра и рассказано, как они любили и смирялись. Интересно, что во время пребывания апостола Павла в Киликии дух Божий через святых людей вещал всем, что этот апостол должен пострадать в Риме. Многие подходили к нему и говорили: «Не ходи в Иерусалим, на тебя там наложат узы», но он шел, потому что такова была воля Божия (Деян. 21:10-14). Он не смущался этим и шел на это. Исполняя волю Божию, он был спокоен и смирен, несмотря на то, что Господь ему готовил скорби и саму смерть. Однако смире-

ние не делает человека безвольным. Когда евреи взяли апостола в Иерусалиме и повлекли на судилище, в Синаедрион, то он проявил человеческую смекалку, видя, что в Синаедрионе есть фарисеи и есть саддукеи (фарисеи признают воскресение мертвых и ангелов, а саддукеи все это отрицают), и закричал: «Братия, судят меня за то, что чаю воскресения мертвых». Поднялся гвалт, собрание разделилось на две половины, то есть он их столкнул лбами и поднялся спор уже между ними (Деян. 23:6-9). Поступив так, по-человечески, он был в духе смирения, а поступи он иначе, мол, все равно умирать, пусть убивают, то уже смиренничал бы и отступил бы от воли Божьей. Или, когда взяли его воины, связали, положили на доски и хотели бить, апостол Павел подозвал сотника и сказал: «Я римский гражданин, вы не смеете со мной так поступать». Сотник пошел к тысяченачальнику: «Что делать? Он римский гражданин». Тогда его развязали, и тысяченачальник спросил: «Как ты такое гражданство получил?» — «Я родился с ним» (Деян. 23:24-29). И в другом месте, когда апостолов Павла и Силу посадили в темницу, а потом хотели тайно отпустить их. Апостол сказал: «Нет, вы нас связали, всяческим унижениям подвергли, просите прощения». Пришли и просили прощения (Деян. 16:35-39). Вот так апостол нисколько не смиренничал и не поспешил уйти — отпустили и быстрее бежать — нет, он еще заставил их попросить прощения, поэтому смирение — это не всегда «простите-простите».

Когда воля Божия совершается, нужно смиряться, а когда тебя ломают, нужно воевать, бороться, не быть размазней. У нас часто грань между смирением и смиренничеством очень размыта. Человек свое смирение ломает, когда превозносится или, наоборот, смиренничает, и золотой середины все не хватает. Быть смиренным — это значит исполнять волю Божию. Нам часто ставят в укор, что мы безвольные, — нас бьют, а мы все «простите-простите» говорим. Да нет, как Господь хочет, так мы и должны поступать, по Его воле. Когда человек имеет правильное устройство и понимание, он поступает всегда смиренно и верно, и апостол Павел учит нас этому правильному, Божьему смире-

нию. Когда действительно нужно склонить свою голову перед обстоятельствами и людьми, а когда, наоборот, противостоять скорбям и тем, кто нас обижает и хулит.

Там же, в Деяниях апостолов, есть интересный момент. Апостола Петра взяли под стражу, царь Ирод хотел его казнить, но ангел все узы разрешил, и апостол Петр вышел на свободу. Когда царь узнал, что узника нет, то поискал, поискал его, не нашел и велел казнить стражников (Деян. 12:3-11,19). Апостол Петр же не вернулся в тюрьму, чтобы избавить стражников от смерти. Есть и другой момент — апостолы Павел и Сила сидели в узах в темнице, а ангел разрешил их от уз, и двери распахнулись. В этот момент сотник проснулся, увидел, что двери открыты, решил, что узники сбежали, и хотел уже убить себя, но апостол Павел не промолчал, а закричал: «Не убивай себя, не делай этого, мы здесь». Тогда сотник понял, что это сила Божия, припал к стопам апостола и уверовал, стал христианином, и все семейство его крестилось (Деян. 16:25-34). Интересно, да? В одном случае апостол не вмешивается в дальнейшую жизнь стражников, и их казнят. А в другом, наоборот, вмешивается, вскриком избавляет сотника от смерти и приводит его к Богу. Господь святых узников оставляет в темнице ради этого тюремного стражника, чтобы он обратился. Да, это судьбы Божии, и из этих мест Священного Писания мы видим, что для Бога важна не эта временная человеческая жизнь, а его вечная жизнь, его спасение.

По большому счету неважно, сколько человек будет жить на этой земле. Он как цветок: был, и нет его. Жизнь человека имеет смысл только тогда, когда человек может жить с Богом, потому что только в Боге благо и вечность. Хочу напомнить вам об одной притче из Евангелия. Господин приготовил вечерю и сказал слугам, чтобы пошли и позвали званых, но званые отказались прийти. Тогда он потребовал — пойдите и позовите на вечерю всех, кого найдете: и добрых, и злых. Они пошли и привели. Когда же собрался народ, и господин пришел на эту трапезу, то среди гостей он увидел человека, не облаченного в праздничные ризы, и спросил: «А ты что здесь делаешь?» Тот молчал. И сказал тогда

слугам: «Связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю» (Мф. 22:2-13). Те так и сделали. Понимаете? Каждый человек рождается в этот мир со своим характером и душой, кто-то — мягкий, кто-то — жесткий, кто-то — добрый, а кто-то не так уж добр. Господь видит сердце и каждому дает свой путь спасения. Для Бога главное, чтобы человек шел этим путем спасения, жил по воле Божьей. И они спасутся — и те, и другие, войдут в Царство Небесное. Кто же те, кто не облачен в праздничную одежду, кто не спасется? Думаю, что это те, кто не имеет страха Божия, то есть без чувства присутствия Бога невозможно спастись.

В Евангелии есть слова о том, что все простится человеку, даже хула на Сына Человеческого, только хула на Духа Святого не простится (Мф. 12:31-32). У святых отцов эти слова толкуются так: это люди, которые отвергают Божий промысел, Его любовь. Чувство присутствия Бога внутри себя и вне себя — это и есть любовь, и от этой любви человек переплетается, соединяется с Богом. Он — в Боге, а Бог — в нем. Мы, христиане — монахи и миряне — можем спастись только тогда, когда живем в Боге, когда у нас есть страх Божий и мы начинаем жить по совести. Только живя в этом страхе Божьем, мы исповедуемся, приходим и приносим Богу наше покаяние. Святые отцы говорили, что в последнее время будут спасаться покаянием, ничем иным, но покаяние без страха Божия не бывает. Без чувства присутствия Божия совесть молчит, но чувство это — дар, его нужно хранить. Человек может потерять его от грехов, беспечности, суеты, озлобления, из-за неправильного помысла. Этот дар Божий очень хрупкий и нежный. Любое греховное движение сердца может заглушать это чувство. Человек может подавить его своим плотоугодием, приземленностью. Стяжите это чувство, имейте его в себе, храните и не отдавайте даже за все блага мира. Если теряете, то возвращайте, потому что без него невозможно спастись, невозможно стяжать не только духовные дары, но и просто иметь какую-то связь с Богом. Как только теряется чувство присутствия Бога, Его любви, сразу приходят уныние, чувство одиночества, внутренняя пустота. Эту добродетель души нужно обязательно иметь в своем сердце.

Хочу еще рассказать вам о своих наблюдениях и переживаниях. У нас в трапезной висит лента для мух — клейкая такая, к ней все эти эскадрильи мух подлетают и прилипают. Я как-то сидел и смотрел. Одни мухи прямо так и садятся на нее, приземляются, как вертолет, погружаются в эту клейкую ленту, и все, они там запутались, приклеились и погибли. А другие — их гораздо меньше — летали, летали, ножками касались, попробовали, чувствовали, что что-то не то, прилипали, но отрывались, сил им хватало, потому что только кончики ножек засасывались в это вязкое вещество, и опять поднимались в воздух. Потом, конечно, нужно время, чтобы вся эта клейкость с ножек сошла, походить им нужно будет, чтобы обтерлось вещество, но это пройдет, эти мухи будут жить. А туда, на ленту, она больше не полетит, у нее уже опыт есть. То же происходит и в нашей жизни. Человек есть человек, он страстный, поэтому и в нашей жизни, если соприкоснулся с какими-то грехами, если пришли какие-то нехорошие мысли, нужно действовать: попробовал, теряешь Бога — сразу отходи от этого греха. Соприкоснулся с грехом, чувствуешь, что страсть загорелась, жжение есть, сразу умом отвергай — это не мое, я не хочу этой жизни, не люблю это — и от этого уходи. Да, когда соприкоснулся с грехом и сердце вкусило страсть, потребуется время, чтобы очиститься, чтобы все перегорело.

Если же полностью, по уши погряз в страсти с руками и ногами, головой и сердцем, чувствами и мыслями, то все — ты погиб. Погибает тот, кто, соприкоснувшись, тянется к этому, кому это нравится, и кто уходит туда полностью. Вот это гибель. Это может быть и в монастыре, и в миру. Если он погрузился в это и сказал — это моя жизнь, я хочу этого, там уже жизни не будет, там спасения не найдешь. Пока мы по этой жизни идем — знаю и по себе, и по исповедам — сколько всего бывает, сколько грехов, сколько нечистоты сердце почувствует и вынесет, но каждый раз спасение приносит такое стояние ума — это не мое, я этого не хочу, моя жизнь в другом. А если и воля подвигнется, и ум откатится от своего стояния в Боге, вот тогда дело плохо. Человек может и на исповедь ходить, и причащаться, но это труп,

духовный мертвец, и спасти его может только Бог. Как приклеившуюся муху может спасти только человек, если вытащит ее оттуда, так и погибающего человека может спасти только рука Божья, но понадобится много сил и боли, чтобы очиститься от этой прилипающей мази. Вот так мушек всяких насмотришься, а потом начнешь выводы делать.

— *А можно пример смиренничества какой-нибудь конкретный привести?*

— Да, можно. За столом сидели два человека, разговаривали, а потом о чем-то заспорили, и один ударил другого кулаком в щеку. А тот — смиряться надо — подставил ему и вторую щеку. Тот и по второй дал так, что у этого человека произошло сотрясение мозга и его в больницу увезли. Вот и насмирнялся: сотрясение мозга получил и оказался в больнице. Он знал, что тот человек психически нездоров, и в итоге сам пострадал и того человека из себя вывел. Да, в Евангелии написано: если ударят тебя по правой щеке, подставь и другую (Мф. 5:39). Ну вот, подставил, но разве это смирение? Нет. На каждый случай должно быть свое решение, а если Евангелием пользоваться как шаблоном, можно повредиться.

Еще хочу сказать о монастырях. Придя в монастырь, человек начинает жить монашеской жизнью. Корень монашеской жизни — во внутреннем послушании, то есть свою волю подчинить воле Божьей. Эта воля проявляется в воле духовника, воле игуменьи, воле старших сестер и ближних, даже в воле животных и насекомых. Когда человек свою волю подчиняет этой Божественной воле, он спасается и действительно становится монахом. Однако послушание послушанию рознь, и одни становятся послушниками в хорошем, нормальном смысле слова, послушниками внутренней жизни и упразднения своей воли, а другие — трудниками. Они уклоняются в прямое послушание, в работу. Приходишь и говоришь, что надо сделать, и они все беспрекословно делают, но внутренне остаются при своих желаниях и мыслях. Исходя из своего духовнического опыта, скажу, что настоящий

монах, послушник всю свою жизнь рассматривает через призму послушания, и свои грехи воспринимает как непослушание, противоречие воле Божьей. А вот у трудников не так, они не чувствуют волю Божию, как бы не воспринимают ее. У них переест, переспать, обозлиться на кого-то в порядке вещей, а что нарушил волю Божию, что нужно свою волю подчинить воле Божьей и искать эту волю, они этого не понимают, не чувствуют.

В 2002 году, когда я жил на Афоне, помню, как в греческой келье святого апостола Иоанна Богослова умирал отец Феологос и все время говорил: «Я умираю от своего непослушания». Да, настоящий послушник, когда живет по-святоотечески, всю свою жизнь прокручивает через послушание и только через это оценивает свой духовный рост. Человек должен свою жизнь соизмерять с волей Божьей. Еще раз повторюсь, основа, сердцевина нашего жития — послушание, а потом уже все остальное: и подвижничество, и добрые дела. Воля Божия проявляется во всем: и в том, что нас окружает, и в том, что с нами происходит (мышки, которые скребутся, шум, люди и многое другое, что мешает нам молиться). Когда человек смиряется и воспринимает это как волю Божию, он от этого приобретает. Все в нашей душе: и уныние, и какие-то страсти, и что-то еще нехорошее — происходит от непослушания. Когда церковный человек становится на стезю страстного жития, он прекрасно понимает, что нужно вернуться к послушанию. Когда он приходит на исповедь и какие-то грехи исповедует, то основное, что он осознает, — это то, что пошел против Бога, против Его воли. Этот человек чувствует свою самость, свой эгоизм и понимает, что если эту самость не упразднить, то гордость останется при нем. Тогда как о спасении говорить? Там только удаление от Бога и погибель.

— *Батюшка, а как узнать волю Божию в повседневной жизни?*

— Ее нужно черпать через своих ближних, через игуменью, духовника и через те обстоятельства, которые с нами случаются.

— *Одно дело — смиряться перед какими-то обстоятельствами, которые Бог тебе выстраивает, а другое дело — когда ты предоставлен сам себе. Вот есть время на послушание ка-*

кое-то, есть время на монашеское правило, а как, чтобы все остальное по воле Божьей было?

— Воля Божия, как тебе сказать... это как дух. Бог есть дух. Человек живет, ошибается, но, когда через какую-то мясорубку он проходит, с приходящим опытом он научается чувствовать эту волю. Многие этот дух Божьего присутствия, Божьей воли внутри себя ощущают, эту энергию; это уже дар Божий. Самое простое — слушать духовника, тогда Господь Сам все дает. Это самый простой, самый легкий путь.

— *А у кого такого дара нет?*

— Во смирении быть. Самое основное — не должно быть мыслей неправильных. Многие повредились от своего ума. От человека, пришедшего в монастырь, всегда требовалось отсечение своей воли. Пока не будет исполнен этот закон, пока человеческое «я» будет выдавать свои мысли, свои суждения о людях, о событиях, обо всем, он не станет настоящим послушником. Мы называем себя одновременно и рабами Божьими, и сынами Божьими. И одно другому не противоречит. Раб — тот, кто подчиняет кому-то свою волю, а сын — тот, кто и мыслит, и делает так, как отец.

— *Батюшка, а вот преподобный Серафим Саровский? У него же были силы этих разбойников раскидать, а он стал калекой.*

— Вот об этом мы и говорим. Преподобный Серафим чувствовал волю Божию. Или другой пример, противоположный — преподобный Моисей Мурин. Разбойники пришли к нему грабить, а он их всех связал, притащил в монастырь и положил у ног игумена. И когда они узнали, что это их бывший главарь, что он все оставил и обратился к Богу, то от этого они покаялись и стали, как и он, монахами. А тем мужичкам, которые побии преп. Серафима, нужно было для покаяния и обращения к Богу прощение старца. Когда они совершили этот грех, чуть ли не убийство, и увидели, что он простил их и даже ходатайствовал за них, чтобы их не наказали, они изменили свой образ жизни.

С каждым человеком, делающим нам зло, нужно по-разному обращаться. Шел я как-то по Лавре, и нищий стоял. «Батюшка, благослови» — благословил. «Батюшка, подай» — не по-

дал. Нищий в ответ: «Вот, ты такой-сякой». Зачем ты у меня деньги просишь, когда меня уже ненавидишь? Я тебе сейчас подам — буду для тебя хорошим, а другой пойдет, не подаст — будет плохим. Какое тут покаяние? Для каждого человека Господь устроил свой путь спасения, и нам тоже открывается, как других людей к Богу привести. Когда мы говорим о смирении, то не столько на поступок смиренный нужно взирать, сколько на то, что Бог хочет от нас, на Его волю. Сказал бы апостол Павел евреям: «Простите, простите», посмиренничал бы и все, отказался бы от Христа.

— *Батюшка, вы говорите — ломать человека. Что такое ломать?*

— Когда я сейчас говорил о ломке, то имел в виду ломку своей нехорошей воли и обретение доброй, смиренной. Допустим, мне хочется съесть мороженое, и у меня от этого желания просто слюнки текут, но я его ломаю, сижу и ломаю. Так и любую страсть — мне больно, я хочу — но я ее отсекаю.

— *Батюшка, а что вы имеете в виду, когда говорите, что не нужно подавлять волю другого человека?*

— Когда человек начинает своей волей ломать волю другого человека, подавлять ее, то от этого и сам человек повреждается, и другого повреждает.

— *Это когда человек свою волю навязывает, а не волю Божию?*

— В любом случае ни свою, ни волю Божию нельзя навязывать, от этого и ты сам повредишься, и другого человека повредишь. Когда свою волю навязываешь, то здесь все понятно, это явная гордыня, а волю Божию... Лучше приведу пример — эпизод из жития преподобного Севастиана Карагандинского. Его духовная дочь собралась замуж, а он ее умолял не выходить за него, до самого конца уговаривал. Она уже на поезд садилась, уезжала в Алма-Ату к своему жениху, а он ее умолял, но она все равно поступила по-своему, а через год заболела туберкулезом и умерла. Он до конца не отступал от нее, давал ей понять, что вот такая воля Божия, что нет на этот союз благословения. Он не давил человека, все время давал возможность совершить самому ка-

кой-то шаг, но хотел, чтобы человек чувствовал, понимал, какова воля Божия, чтобы тот осознавал, что против воли Божьей идет. Поэтому в призывании людей ко спасению, исполнению воли Божьей нужно свою миссию исполнять до конца.

— Батюшка, однажды к старицу привели бесноватого, и он в припадке ударил его в щеку, а старец подставил ему другую — бес не выдержал смирения и вышел.

— Да, я помню этот случай. Но здесь беснование, и старец знает, кому щеку подставлять. Бес боится смирения, то есть не человек старца бил, а бес. Если же психическое заболевание — это уже другое. Я был как-то на исповеди в психиатрической больнице в Абрамцево, если там начнешь всем щеки подставлять, калекой оттуда выйдешь или там и останешься, за своего сойдешь. Здесь разные случаи, к ним надо по-разному подходить.

— Батюшка, как относиться к людям, которые несправедливы к кому-то, кого-то ругают? Можно в этом видеть промысел Божий или нет?

— Вы должны научиться видеть промысел Божий, чувствовать его. Чем больше живете, тем глубже, сильнее этот Промысел должны ощущать, не только о себе самом, но и окружающих. Каждого человека Господь ведет своим путем и спасает какими-то своими скорбями. Никогда святые отцы своих чад не изолировали от общества, не оберегали от искушений, от скорбей. Они только учили. Чему? Беречь свой внутренний мир, сохранять связь с Богом. В этом вся как бы задача. Вы одно поймите: те, кто нас оскорбляет, бьет нас, тоже подвержены врагу, нужно противостоять этому, но в то же время смириться и не озлобиться на человека.

Есть и другой случай. В Священном Писании говорится о том, как Господь озлобил сердце фараона (Исх. 9:12), в этом зле была воля Божия. Во всех этих случаях есть промысел Божий. А если в этом есть воля Божия, то кто я такой, чтобы этому противоречить? Но переживать за ближнего своего нужно и в каких-то случаях вступить за него, Господь Сам положит на сердце, как поступить.

— Батюшка, если днем удается отбиться от всяких помыслов, то во сне я не помню, что есть Господь, душа моя не помнит, и те же самые помыслы приходят. Просыпаешься и сразу начинаешь за них прощения просить, а во сне им значения не придаешь. Как Господь за это спросит? Я даже просила: «Дай, Господи, о Тебе во сне помнить», но все равно, что в подсознании сидит, ночью лезет.

— Да, ты все правильно понимаешь. У святых отцов написано, что когда душа достигает чистоты, то она и во сне борется с грехом, противостоит ему и не поддается его воле, не подпадает под его власть. Это уже высокая ступень духовности. Нам, конечно, к этому надо стремиться, но главное — хотя бы не вспоминать эти сны, не вникать в это. Искушений и так хватает, а если мы будем еще и ночные вспоминать, вникать в это и этим жить, то никакого отдыха душе не будет. Укорите себя за свою греховность и успокойтесь.

— Обидно, что во сне про Бога вообще не поминаешь. Бывает, вообще ни о чем не помнишь, как отключился, а проснулся, и вот уже надо куда-то бежать. Такое бывает?

— Да, бывает, а бывает, во сне кинофильмы смотришь, сны такие мечтательные снятся. Кого-то из афонских отцов спросили: «Отец, сколько нужно спать — 4,5 часа или 7 часов? Сколько?» Он ответил: «Как только в себя придешь, так и вставай». Сколько нужно организму, столько и спи: иногда нужно семь часов поспать, а иногда и три часа, поспал, в себя пришел и вставай. Если ты пробудился, а потом опять заснул, очень часто начинаются вот эти кинофильмы, и любители кинофильмов продолжают спать.

— Это бывает днем, когда в выходной день заснешь.

— Это бывает всегда, поэтому преподобный Серафим Саровский носил мешок с камнями, чтобы томить томящего нас. Это природа человека, всегда склонная ко греху, и послабления давать ей не надо.

— А когда просыпаешься, то как будто не отдышал.

— Это бывает по двум причинам: или от бессилия, или от помыслов. Сон обязательно нужен. Ум отключается, и душа отдыхает, а когда человек пробуждается, с новыми силами начинает мо-

литься. Если ум не отключается, помыслы начинают все время давить, ты вроде лежишь, но в то же время не отдыхаешь. Иногда придешь, ляжешь, и что-то в голову придет, все закипит там, мысли начинают бегать, и чувствуешь, что не справляешься с ними. Заснуть не можешь, они все лезут и лезут, а если начнешь себя жалеть, останешься лежать, то обязательно во сне такая война, такие фильмы будут, что никогда от такого сна не встанешь отдохнувшим, как через мясорубку тебя прокрутит. Поэтому лучше встать и поклоны сделать или еще чем-то заняться. Пусть будет бессонная ночь, но ты или днем, или следующей ночью ляжешь и выспишься, главное — себя не жалеть. Это уже дьявольское, это такая брань.

— *Батюшка, а у меня все время проходит в послушании, так что и присесть некогда, не то что помолиться.*

— У человека есть чувство услаждения, адреналин вырабатывается из трех источников: от труда, от супружеской жизни и от любви к Богу. Даже когда наркоманы приходят и их загружают тяжелой работой, то они получают какое-то наслаждение в этом. Но, бывает, и работа не всегда на пользу идет. Если ты с пристрастием, с услаждением работу выполняешь, и все свои силы и жизнь отдаешь работе, то ты отходишь от Бога. Это тоже прелесть. Помнишь про старца в Псково-Печерском монастыре? Он аналойчики делал. А когда умер, увидел, как его аналойчики в огне горят, все его труды. И когда опять в себя пришел, все свои труды оставил и стал молиться. Конечно, если твоя работа без какого-то пристрастия совершается, то она действительно становится послушанием ради смирения. Главное — это соединение с Богом. Если ты в работе не соединяешься с Богом, а уходишь сама в эту работу, то это прелесть. Поэтому сама проверь свою душу, где она будет: в этом котле или в Боге?

— *Когда со тщанием делаешь, то чувствуешь присутствие Божие.*

— А когда делаешь не со тщанием?

— *Бывает, конечно, не со тщанием, тогда не знаю, что происходит. Батюшка, но мы же не для себя делаем эти котлеты.*

— А какая разница — для себя или не для себя?

— Они для Бога.

— Как это?

— А сестры? В них же — Бог, значит для Бога.

— Если ты так думаешь, то исполняешь свое послушание со смирением, так и трудись, оно идет тебе во спасение. Главное, чтобы ни к чему не было пристрастия, а для этого нужно жить внутренней жизнью. Многие повара были святыми: и преподобный Евфросин Палестинский, и старец Феодот в Глинской пустыне. Когда старец Феодот готовил пищу, то, глядя на огонь, все время вспоминал огонь геенский, и от этого воспоминания в нем возбуждалось чувство присутствия Бога и пища уже на второй план отходила. Надо во время работы всегда быть в молитве. Работа дается монаху не ради самого результата, а для того, чтобы в умиротворение входить, поэтому после послушания человек обычно уходит смиренным или смиренным.

Когда же работа делается с пристрастием, этого умиротворения нет в душе. Бывает, сделаешь что-то и потом ходишь, любишься работой своей — как красиво, как хорошо, но все равно чувствуешь, что это неправильно, душа привязывается к этому, и тогда начинаешь от этого бежать, с этим бороться. Не так просто от этого освободиться. Красота земная все равно ложится на душу привязанностью, пока не заработает внутренний моторчик и ум не погрузится во внутренний мир; без такого погружения избежать этого пристрастия невозможно. У святых отцов по этому поводу написано: не тот бесстрастен, кто говорит, что у него во время работы пропадают помыслы, а тот, кто, находясь в покое, не имеет помыслов. Да, действительно, когда работаешь, помыслов гораздо меньше, а когда приходишь в храм, они прямо атакуют. Бывает, выходишь после храма весь избитый — вроде ничего не делал, только стоял, а силы нет, думаешь о том, чтобы быстрее отдохнуть и отключиться от всего. Труд помогает человеку очистить ум, но полностью бесстрастным он его не делает.

— А как же тогда?

— Вот сидишь одна в келье и смотри, какие у тебя помыслы пойдут. Если помыслы будут о работе, значит это страсть.

— На послушании все сестры разные и всем надо угодить.

— Угождай Богу.

— Конечно, Богу хочется угождать, а угождать Богу значит — и ближнему.

— Нет, это уже человекоугодие, относись к ним по-доброму, но послушание с них требуй.

— Батюшка, как-то матушка рассказывала, что в одном монастыре братья вели очень подвижнический образ жизни. Игумен говорил, что в Великий пост надо готовить щи с маслом, а братья брали и выливали все; тогда игумен спросил у матушки: «Может, не будем готовить, все равно выливать?», а она ответила: «Нет, готовьте, каждый как хочет, так и поступит: один съест, другой не съест». Мы так же можем, кто-то пять котлет съест, кто-то — одну. А как же не готовить?»

— Готовить надо, но должна быть какая-то норма. Когда я был трапезарем в Кутлумуше, там было принято так: игумен брал нож и отрезал кусочек сыра, и этот кусочек был нормой для всех; он говорил, сколько хлеба, яблок, помидоров нужно на человека, и это была пайка — не полагалось ни больше, ни меньше. Конечно, к этому тоже надо благоразумно подходить — если человек крупный, ему нужна двойная порция.

— Батюшка, на послушании хочется быть с Богом и все время молиться.

— Хорошо, давайте с вами еще о молитве Иисусовой поговорим. Иисусова молитва есть двух степеней. Есть погружающая молитва, когда ум человека полностью входит в эти слова: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя», погружается в них и полностью там стоит. Бывают очень серьезные налеты помыслов, но человек удерживает эти слова и удерживается внутри сердца, не дает своему уму подниматься вверх — ему там, в сердце, тепло, и хорошо. Есть еще молитва поверхностная, более легкая, когда ум все время из сердца выпрыгивает, как бы не обхватывает эту молитву.

Преподобный Серафим, когда писал о молитве Иисусовой, говорил именно о внутренней, погружающей молитве. Оптинские старцы, когда учили Иисусовой молитве послушников, говорили

как раз о ней. Однако начальная степень молитвы — это внешняя молитва, поверхностная, неглубокая. Она только прикасается к сердцу и сразу отходит, не удерживается в нем. Когда она удержится там, ты сразу почувствуешь эту связь с Богом Отцом, свое соединение с Ним. Пока же идет внешняя молитва, ты испытываешь удовлетворение от самого факта, что ты это делаешь, что твой ум занят и ты получаешь какое-то насыщение — это хорошо, но до настоящей молитвы ты не дотягиваешь. Когда тебя просят помолиться о ком-то, твоя молитва доходит до Бога только тогда, когда ты полностью погружаешься туда, внутрь себя. Вот вы спрашиваете: «Батюшка, как молиться?» Я думаю, что нужно уметь молиться и с открытыми, и с закрытыми глазами, но с закрытыми молиться гораздо легче. И преподобный Серафим говорил: закрывай, все, ты умер, тебя нет. Вот это чувство смерти, растворения, уничтожения своего «я» сводит ум в сердце. Например, когда я читаю каноны в храме, у меня рассеяние есть, а отец Иоанн Кронштадтский читал каноны, от этого услаждался его дух, и он внутрь себя входил. Для каждого свой путь. Отец Никодим, допустим, карульский старец, разогревал свое сердце чтением канонов, а потом Иисусовой молитвой занимался, он в одиночестве жил, в постоянном молчании. Мне лучше одному в келии сесть и сосредоточиться, на службе тяжело бывает сосредоточиться в молитве и полностью уйти в себя. Я считаю себя новоначальным, во мне есть и внутренняя молитва, и внешняя. Когда я отца Гервасия спросил в Кутлумуше: «Геронда, как ты молишься?», он мне ответил: «Как дух идет, его нельзя принуждать. Он сам знает, сколько может понести, а сколько не может. Молишься, вот он погрузился, стоит внутри какое-то время, начал выходить — не надо его заставлять, загонять на место, пусть выйдет. Отдохнет немножко и опять назад зайдет». Думаю, это он правильно сказал, потому что ум действительно устает. А вот когда человек достигает духовных высот, тогда ум полностью погружается в сердце и может долгое время пребывать там, неотступно пребывая в памяти Божьей. Будем практиковать и ту, и другую молитвы и стремиться к полному погружению в Бога.

— *Когда молитва идет, голова устает.*

— Это труд. Всегда говорили, что молитва — это тяжелый труд.

— *Нужно остановиться в молитве, когда ум о другом думает?*

— Я отца своего вспоминаю. Когда он стал в церковь ходить, то говорил мне, что ему легче вагон с цементом разгрузить, чем два часа в церкви простоять, молиться. Почему? Потому что помыслы накатывают, человек не справляется с ними. Один из даров молитвы — прекращение помыслов. Я вам всегда говорил, что все свои проблемы и мысли надо открывать Богу: «Господи, Ты Сам все управь». И плохо или хорошо будет: «Господи, Ты Сам все реши». Давайте помолимся.

20.09.2009 г. Пюхтица

Беседа четырнадцатая

Перед тем как мы собираемся, я всегда думаю, о чем говорить; когда же начинается беседа — говорю то, что Господь на сердце положит: о внутреннем мире человека, о том, чем он живет, чем душа дышит, о чем она болит и чем живет. Каждый из нас, придя в монастырь, решил посвятить себя этой внутренней жизни, чтобы уйти всем своим существом внутрь себя, потому что внутри человека — Христос, и наше «я» там с Ним встречается, с Ним живет и любит Его. Говорить о духовной жизни — это значит говорить о своих внутренних переживаниях. Когда я открываю перед вами свой внутренний мир (каким бы он ни был: хорошим или плохим, Божьим или дьявольским, страстным), то хочу, чтобы и каждый из вас устремлял внутренний взгляд на свое сердце, на то, что у вас внутри происходит, чем вы живете и с кем.

Сейчас я хочу поговорить с вами о послушании, это тема напрямую связана со спасением, соединением с Богом, примирением с Ним. Через послушание мы можем вместить в себя любовь Божию, приобрести Христа в своем сердце, это самый легкий путь. В своей жизни я соприкоснулся с послушанием и послушниками и русских монастырей, и греческих на Афоне. Разница есть и очень ощутимая. Каким должен быть послушник? Это по сути

человек мертвый, своего «я» он не имеет — его «я» принадлежит Богу; никаких своих желаний, своих мыслей он не держит за пазухой своей души. Благодаря этой мертвости для себя человек оживает для Бога, и от этого он становится живее всех живых. В послушании должно быть два основных момента. Во-первых, откровение перед старцем, чтобы человек ничего не держал за душой: все помыслы, добрые и злые, все грехи открывал, какими бы они ни были. Но этого мало. Во-вторых, человек не должен иметь какого-то своего желания, разумения, как поступить, что сделать. Когда в ответ на слова о том, что надо вот так поступить, послушник отвечает: «А какой в этом смысл?», становится горько, закрываешь уста, и все, вида не показываешь, но на душе плохо.

На Афоне у греков-келиотов такого своего разумения, рассуждения вовсе нет. Они живут душа в душу. И куда бы старец ни послал послушника (в мир за какими-то продуктами, в огород или куда-то еще), тот не рассуждает и идет. Насчет того, что есть (сыр или, наоборот, одни оливки), никто не вступает в прения, не спрашивает, почему это или то. Что благословил старец, то и делают. Но и в послушании духовник чувствует меру каждого человека, его физическую и душевную меру. Никогда не дает ему таких трудов, чтобы он надорвался, но в то же время загружает его послушанием настолько, чтобы человек чувствовал жертву, жертвовал собой и от чего-то отказывался. Когда же человек вступает в прения, несогласие, вот тогда приходят проблемы. Тогда человек не может быть послушником, не может нести послушание — у него свое разумение. Пусть он это исполняет, но, если внутри он оставляет какое-то свое рассуждение, какое-то знание, из него не получится настоящий послушник.

В истории монашеского послушания на Руси бывали духовные рассветы, но постоянного, ровного послушания не было. При преп. Варлааме Хутынском, преп. Сергии Радонежском, старце Паисии Величковском святоотеческий дух послушания преобладал. В Глинской пустыни и Оптиной пустыни (когда пришел туда преп. Лев Оптинский (Наголкин)) это святоотеческое послушание получило распространение, и этот дух преем-

ства послушничества и старчества сохранялся вплоть до закрытия монастырей.

О. Рафаил Карелин писал уже после закрытия монастыря о том, что глинские старцы, к сожалению, свой опыт старчества не передали никому. Около них окормлялось много мирян, многим они помогли, многие души привели к Богу, но сам опыт послушания не смогли сохранить, потому что не было послушников. Поэтому я в своем сердце Бога и молю, чтобы хоть какая-то вспышка, какое-то возрождение хорошего, правильного монашеского жития произошло в наших русских монастырях.

Ни аскетика, ни подвиг, ни труд так не приводят к Богу, как вот это послушание, полное отречение от своего «я». И какие бы условия в монастыре ни были, насколько ни было бы тут суетно, если есть эта схема «старец-послушник» и люди находятся в полном послушании, то они достигают еще при жизни внутреннего, духовного рассвета и великой любви. А пока появляются только единичные вспышки. Это отец Кирилл (Павлов), отец Иоанн Крестьянкин — старцы, уже достигшие бесстрастия, но после себя не оставившие такого института послушания. Какое-то направление, правильный, истинный дух ими даны нам, но преемства как такового не осталось. У Оптиных старцев всегда было преемство, кто-то заменял старца, поэтому сейчас такая боль и горечь на сердце.

Греки по большому счету русское монашество не признают как монашество, говорят — слишком обмирщенные, потому что сама платформа, база монашества, схема «старец-послушник» разрушена. И как в спорте во время тренировок планку сначала ставят низко, потом выше и выше поднимают и таким образом достигают каких-то успехов в тренировках, так и в духовной жизни. У нас духовная планка очень сильно занижена, поэтому мы равняемся на эту низкую планку. Я рассказывал уже, когда о. Ефрем Ватопедский, игумен монастыря, приезжал к нам в скит, он сказал, что ошибка русского монашества заключается в том, что нет схимничества.

Схимничество — это устремление человека к Горнему, и независимо от того, находится он в монастыре или в миру, его дух

устремлен к Богу. Но при этом человек должен умирать для этого мира, и ничто его не должно обременять. Схима — это не просто монашеская одежда, это определенное устройство души человека, его направление — каким нужно быть. И вот это у нас разрушено, этого у нас нет, осталась скорее сама форма, а такого внутреннего устройства уже нет. Кого у нас постригают в схиму? Престарелых людей, да, хороших монахов, но уже доживающих свой век. Понятно, что им уже ничего не надо, но схимничество — это еще и подвиг, очищение своей души и богатение в любви. Поэтому эта практика не совсем верная. Главное даже не в схиме, а в самом духе. У нас в России во времена старчества в Оптиной, в Глинской пустынях схимничество было устройением души, оно было даже у тех монахов, которые не имели схимы. Житие монаха построено на том, что он должен умирать для мира; ничто земное не должно притягиваться к его душе, он ни за что не должен держаться. И если он идет таким путем, то спасается. Если же остается в своих желаниях и мыслях, то все земное начинает потихоньку-потихоньку на него налипать.

Мы как-то говорили, что в духовной жизни опасна остановка, опасно остановиться и согласиться с тем, что я этим живу и таким я и буду. Как только остановился, дьявол уже не оставляет, все время что-то подсовывает, чтобы душа зацепилась, и тогда уже начинается притяжение, привязанность какая-то, у каждого — своя. Преподобный Ефрем Сирийский говорил, что каждого человека дьявол держит за свои страсти. Одного — за гордость, другого — за сребролюбие, третьего — еще за что-то, у каждого есть своя какая-то определенная, большая или маленькая, страстишка.

Путь послушания — это путь умирания, путь смерти. Он должен практиковаться в жизни монашествующих. У святых отцов есть слова о том, что человек должен молиться, поститься, какую-то аскезу иметь, но как только его позовут на послушание, он сразу должен гореть душой и исполнить это послушание, это главное. Это правильное состояние прививается, когда послушание дается старцем или начальствующими с любовью. Когда же человека загружают послушаниями без любви и у самого по-

слушника нет достаточного смирения, он начинает ломаться, не выдерживает и озлобляется. Поэтому послушание послушанию рознь, и здесь нужно рассуждение. Бывает, что послушание сверх сил и без любви ломает и смиренного послушника, оно может приводить его даже не к состоянию озлобления, а скорее к безволию и бесчувствию. Поэтому берегите свой внутренний мир, он очень нежный и тонкий, и его нарушить, сломать очень легко могут и другие люди, и сам человек своими грехами. Всегда проверяйте свое внутреннее состояние, анализ своих чувств поможет вам укорениться в послушании и избежать прелести.

Каждый из вас имеет свое духовное устройство. Кто-то более просветлен, умудрен Богом, кто-то — менее, но не в этом дело. Если есть высокая планка, то душа, на каком бы уровне она ни находилась, будет стремиться к высшему, к лучшему, потому что знает, какой должна быть. Знание о том, каким ты должен быть, должно присутствовать в уме. И это отразится и на вашей душе, и на ваших чувствах, вы будете к чему-то стремиться и будете ориентироваться в этой жизни, понимать, правильно вы идете или нет, в послушании вы или нет. И когда исполняете послушание, можете сориентироваться, от Бога оно или, наоборот, ломает вас.

Прошу вас, никогда не останавливайтесь на том, что у вас есть. Всегда стремитесь к лучшему, к большему, а остальное уже сделает Господь. Господь дает нам по нашему произволению, но это произволение мы должны показывать Богу: Господи, мы этого хотим! Чтобы это не оставалось только в уме, надо хоть какие-то шаги делать, а если Господь не отвечает на них, то, придя на Страшный Суд, ты скажешь: «Господи, вот я хотел, желал быть более хорошим и прилежным монахом, делал это ради Тебя». И Господь даст тебе Свою любовь Там. Если же ты придешь и скажешь: «Я хотел», а Господь спросит: «Что ты сделал для этого? Какой шаг ты сделал?». И когда ответом будет молчание, что тебе даст Господь, какой любви? Мы ведь все делаем ради Христа, ради Его любви. Ради любви к Богу мы пришли в монастырь, ради любви к Богу мы отказались от всего. Получается, что человек отказывается от всего, а когда начинает жить в этом отказе, начинает через какие-то мело-

чи, через что-то земное опять привязываться к низшему и не может взлететь, опять начинает уходить в мирскую жизнь.

Все человеческие страсти: блуд, неприязнь, гордость, все, что у человека внутри — в большей или в меньшей степени есть у каждого, но начинает это действовать только тогда, когда ум человека начинает жить внешним. Когда он начинает жить тем, что его окружает, эти страсти начинают расти, и только когда человек начинает уходить внутрь себя, они не получают подпитки, потому что человек на них не отвечает, он их презирает, это для него дьявол. В то же время он осознает, что они у него есть и приносят ему неприятные ощущения и чувства, но он на них не реагирует. Без внутреннего делания вы никогда не сможете освободиться от своих страстей. Если вы не будете уходить внутрь себя, пребывать в своем духовном, внутреннем мире, вы будете в плену у своих страстей. Поэтому, когда человек приходит в монастырь, ему дают четки; их задача — помочь человеку войти внутрь себя. До тех пор, пока человек не будет жить своим внутренним миром, Царствием Небесным, Богом, он не сможет не жить этой внешней жизнью. По вашей жизни, по вашим мыслям, по вашей реакции на какие-то события можно сказать, чем вы живете, чем занимаетесь.

Кроме того, хочу повторить, что мы в монастыре должны друг друга поддерживать, не топить своих ближних в их благих начинаниях. Всегда помните, что дух гордости и соперничества живет в нас. Если видите, что кто-то из сестер подвизается лучше, не ставьте ее на один уровень с собой или хуже того — ниже себя, не смиряйте ее и не одергивайте, потому что и сами повредитесь, и ей повредите. Самое гадкое — унижать других. Если человек молится, подвизается, никогда не перебивайте его молитву, потому что с вас взыщет Бог за то, что вы нарушили эту связь Бога и человека. И если он что-то делает ради Христа, жертвует собой (пусть он не вписывается в какие-то рамки монастыря — ничего, увидит, поймет, как надо), не надо пресекать настрой, ссылаясь на его неопытность или наши традиции. Традиция должна быть одна — послушание и устремление к Богу. Вот об этом я вас прошу.

Еще одно, о чем я вам всегда говорил: когда приходите в монастырь, всегда сохраняйте чувство, что я только пришел, я новоначальный. А как только почувствовал, что уже «старенький», начинаешь превозноситься, начинаешь учительствовать. Этого не надо делать. И если появляются какие-то нехорошие чувства (неприязнь или еще что-то), не смущайтесь, спокойно к этому относитесь. Если у вас будет смирение и доброжелательное отношение к людям, то будет терпение в скорбях и другие какие-то добродетели. Господь за смирение очистит душу. А если сейчас не дает этой чистоты и бесстрастия внутреннего, то не надо. Всему свое время, с этим нужно смириться и принять как волю Божию, потому что мы просим только одного: «Господи, сделай, как Ты хочешь». Господь все даст в свое время. Но основное вы должны знать и не терять — это пребывание внутри себя, оно осуществляется через молитву. Молитва должна давать любовь к Богу и к ближнему. Не просто молитва как какое-то выговаривание и навыв — да, навыв должен быть, но если человек остановится на одном навыве и не будет стремиться к любви, к жертве, то он впадет в прелесть (молитва и подвиг без любви и смирения).

На исповеди мне часто приходится слышать, что в жизни человека происходят какие-то события, он проходит через мясорубку скорбей, чтобы дойти до мысли, что нужно смириться, что он без Бога никто и ничто. Человек может целыми годами, десятилетиями терпеть это, изматывая свои силы, истощая свою психику, глотать таблетки, чтобы осознать лишь одно — что он в этом мире никто. И Господь остается как будто безжалостным к таким, потому что если человек этого не поймет, то как его спасти, если у него гордость? Поэтому и в нашей жизни часто встречаешься со многими скорбями, а они все направлены к тому, чтобы человек понял, кто он и что он на этой земле. Вы анализируйте свою жизнь, свои болезни, свои взлеты и падения, и тогда воля Божия будет открываться вам, а через нее будет приходиться и смирение.

Бывает и другое. Человек хороший и послушный, но немощь такая — не лечится у врачей, дал себе обет не лечиться. Но когда духовник сказал, что надо лечиться, идет уже проти-

воречие. Если он не слушает из-за своего решения, пусть аскетического, самого доброго и хорошего, то вся его аскеза, все его смирение разрушается, и этот изъян души выявляется. А если в преддверии смерти открывается нездоровость душевная, то человек терпит и страхования бесовские, и накат каких-то страстей, и беспокойствие духа, обиду на все и на всех из-за одного только своего своеволия. Не нужно на себя такие подвиги брать. Не имейте в себе даже самого малого своего желания. Внутренне вы всегда чувствуете, за что у вас зацеплена душа, чем она отягчена, что ей больше нравится. Старайтесь даже это малое своеволие изгнать из души, не иметь его.

Женщина — это существо крайностей: или будет, как жена-мироносица, всю себя отдавать Богу, или же, наоборот, станет сосудом гордости. Если дать правильное воспитание, нужное направление ее сердцу, оно будет мягким, очень хорошим, любвеобильным, а если неправильное, то станет жестким, изменится очень сильно, но изменяется оно тогда, когда женщина начинает иметь свою волю. Это уже не женщина, это дьявол. Когда мужчина своевольный, это плохо, но это хоть как-то понятно, он умом живет, а когда женщину такую видишь, это страшно, потому что всегда говорили, что в женщине главное — кротость. Поэтому те качества души, которые даны вам от природы, сохраняйте и приумножайте, а от того, что разрушает это кроткое душевное устройство, удаляйтесь.

Читал недавно вышедшую книгу в переводе с греческого, в которой рассказывается об одном из святых отцов, живших в пустыне. Когда он был еще отроком, то, играя с детьми, нечаянно убил кого-то из них, увидел, что совершил, ушел в горы и три года жил под открытым небом, каялся, чтобы Господь ему все простил. Потом построил себе келью в пустыне и жил там еще двадцать пять лет. Как-то к нему пришел кто-то из отцов и спросил: «Скажи, авва, когда ты вспоминаешь прошлый грех, то что ты испытываешь?» Он ответил: «Ничего, моя совесть спокойна. Я только благодарю Бога за то, что Он дал мне через это прийти к Нему». Казалось бы, смерть человека, а он благодарит Бога.

Другой пример — один из отцов ушел в пустыню и подвизался там в уединении. Господь дал ему дар не унывать и дар одиночества, то есть он почувствовал любовь к исихии. У отцов-подвижников, подвизавшихся на Кавказе, которых мне довелось встретить, тоже любовь к одиночеству была, не могли в обществе жить. Помню, с о. Гавриилом на Красную Поляну пришли, он от дома, где мы остановились, ушел метров на триста-четырееста, балаган поставил там себе, костер развел, и один. Вот это дар. Каждому человеку Господь дает какие-то свои особые дары.

Если у кого-то и были какие-то падения, грехи или какие-то пристрастия, то если человек живет с Богом, действительно стремится к своему спасению, то это зло, что было в его жизни, преобразится и станет толчком для того, чтоб человек стал выше, духовнее, любвеобильнее. Поэтому никогда не допускайте уныния, отчаяния и остановки, всегда стремитесь к лучшему, к большему и главное — знайте дух христианский, дух православия. Если вы от этого духа отступите, то будете телом находиться в Церкви, а душой — с дьяволом. И такое может быть. Не каждый, кто называет себя православным христианином, таковым является на самом деле. Все зависит от души человека, мы с Богом единимся, получаем родство по духу, по своему внутреннему содержанию, а оно — в любви.

Дух православия — это прежде всего внутренняя тишина и покой, а не эйфория и восторги. Молодые ищут чувственной любви, восторгов, и когда приходят в Церковь и не находят этого, то продолжают поиск в других местах и уходят в секты. Дьявол дает все это быстро. Только захочет этого человек, и, пожалуйста, тебе предлагают это ложное состояние, человек будет получать духовный наркотик, дьявольскую радость и будет от нее зависеть. А дух Христов другой, это путь тернистый. Целые годы могут пройти в унынии, терпении, скорбях ради приобретения смирения и любви. Многие отходят от православия, потому что оно искореняет страсти и предлагает идти путем жертв. Тот, кто не жертвует собой, не хочет идти этим путем, отступает.

Сейчас в мире большие проблемы: кризис, обнищание, безработица; от этого люди начинают скорбеть, появляются большие проблемы. Здесь у нас этого нет. Мы это горе человеческое на себе не ощущаем, у нас все есть. Но не забывайте, что мир страдает, поэтому в нашей пище есть привкус соли от слез и горя человеческого. Старайтесь скорби человеческие принимать как свои, вот об этом тоже помните.

О. Паисий говорил, что мир сейчас страдает от трех вещей: от разводов, рака и психических заболеваний. Он просил Господа дать ему возможность хоть как-то сострадать миру, хоть как-то вкусить его страдания. «Я не женат, поэтому разводов не будет», — размышлял он и просил сам себе у Бога рак. Господь дал. Конечно, я вас не к этому призываю — себе рак просить. Это удел святых людей, они идут на абсолютную жертву, свое тело они уже не любят. Я же всего лишь хочу подвигнуть всех нас к тому, чтобы чувствовать скорбь этого мира и хоть как-то ему сострадать. Если мы не будем сострадать, не будем болезновать о том, что происходит вокруг нас, то будем духовными уродами. Христианин без сострадания — это не христианин, ожиревший монах — это не монах.

Теперь вас хочу послушать. Может, кто-то о чем-то хочет спросить? Если вспомнить древних отцов, их беседы, то обычно это был диалог, общение, обмен переживаниями и внутренним опытом. У меня иногда возникает ощущение, что я, как птица-говорун, сижу, говорю, говорю и не знаю, понимаете ли вы меня, живете ли тем же. Вы только поймите — какой-то анализ своего внутреннего мира обязательно должен быть. Душа живет переживаниями, переживания — это жизнь. Когда ум человека начинает эти чувства расшифровывать, он пытается облечь их в словесную форму и формирует свои мысли. У некоторых сестер это формирование мыслей происходит неверно. Не потому, что переживания какие-то неправильные, неверные, нет, а потому, что они формируют эти мысли не так, внутреннее содержание не в те формы запечатлевают, то есть не могут подобрать нужных слов. И когда они начинают выговаривать что-то, часто их просто не понимаешь, или они говорят не о том, чем живут.

Конечно, переживания бывают разными. Божии переживания всегда с любовью, состраданием, в них всегда дух смирения присутствует, а дьявольские — со злобой и осуждением. Ко мне как-то подошла одна сестра и давай мне на свою соседку ушат грехов лить: «Да она такая-сякая». Я ей говорю: «Мать, все это так, но понимаешь, смирения-то у тебя нет». Если смирения нет, что хочешь делай — жизнь порожняком проходит. Ты работаешь, делаешь все, здоровье свое губишь, а смирения не получаешь, и жизнь пуста. Это закон, против которого не пойдешь. Поэтому переживание переживанию рознь. Я говорю не только о переживаниях, которые связаны с какими-то событиями, трудностями, но и о тех переживаниях, которые появляются, когда ты обращаешься к Богу. Если я говорю: «Господи, помилуй», то внутри тоже должно что-то происходить. Если начинаю каяться, то душа должна участвовать в этом, переживать. А если по листку бумаги просто зачитываю перечень грехов, то душа остается безучастной.

Исповедь — это обращение к Богу, а связь с Богом — это всегда жизнь. Есть и другая жизнь, когда человек соединяется с дьяволом; появляется возбуждение, и человек теряет покой. Душа, как тело, все время просит пищи — дай, дай, дай, и страсти еще больше разжигают душу, делая ее пустой и ненасытной. Поэтому христианская жизнь начинается с терпения. Каждый человек — грешник, у каждого есть свои страсти, их надо терпеть, и в этом терпении — Бог. Нет терпения — нет Бога, нет промысла Божия о человеке. Если он не терпит, Бог не может его спасти. Господь его ведет, ведет по пути отречения и жертв, все время отсекая его греховную волю, но человек и сам должен сознательно отсекал от себя свои страсти.

Пришли в монастырь — никаких мирских отношений не должно быть, человек уже идет по пути отсечения своей воли и аскезы, начинает практиковать уединение, труд и молитву. Он уже живет другой жизнью. И самое плохое, когда человек этими переживаниями не живет, когда они ему не интересны, когда нет связи с Богом и жизни в Нем, он ее не ценит, не движется к ней. Тогда его жизнь идет порожняком: вышел на работу, что-то

сделал, на службу ходил, пообедал, поужинал, день прошел, а в душе пусто. Я сейчас сам все больше ощущаю, что, когда душа начинает насыщаться Богом, малейшее отклонение в мирское, в материальную жизнь, сразу на себе ощущаешь, сразу появляется чувство пустоты. Поэтому чуть к земному привязался — благодать сразу отходит, и нужно восстанавливаться. Первый шаг к восстановлению — покаяние. Это значит не просто прийти и поисповедоваться священнику, а погрузиться внутрь себя, сетовать на себя самого, тормозить в себе чувства своей худости, каяться, просить у Бога прощения, начинать жить с Богом. Когда умом долгое время во все это погружаешься, чувства начинают просыпаться, пустоту эту заполняют и приходит любовь. В другом виде покаяние может приходиться и через какие-то скорби. Помните, отец Ефрем Катунакский в миру в больнице лежал, и люди к нему приходили, исповедовались. Когда же он вернулся на Афон, ему полгода пришлось восстанавливаться до своего прежнего духовного состояния, которое он имел на Афоне. Поэтому знайте, что свой внутренний, духовный мир, вот эту насыщенность благодатью, любовью Божьей можно потерять. А восстановить ее — долгий и трудный процесс.

— *Батюшка, а как нужно относиться к музыке?*

— Это тоже интересно. У человека есть внутренний ритм души, и в этом мире много разной музыки: и классика, и джаз, и рок. Когда человек слушает, у него появляются разные состояния души. Когда человек слушает джаз и рок, это начинает давить на него, начинает перебивать ритм души, плавный, Божественный, тихий (у каждого человека он свой). Они навязывают свой дьявольский ритм, человек получает это возбуждение и в Боге уже не живет. Поэтому нельзя говорить о православном роке — его просто не может быть, потому что сам этот ритм не Божий. Классика — более душевная музыка, она может привести к Богу, но если человек заикнется только на классике, будет ею жить, то духовно остановится. Классика в основном отражает земной мир, красоту творения. Красоту небесную она не мо-

жет выразить. Если человек живет духовной жизнью, то он должен ее пройти и идти уже в другие сферы — церковной музыки и исихии. Каждый, кто испытал на себе влияние различных музыкальных направлений, чувствует разницу, и когда в духовные сферы вливается, то классика, не говоря уже о других видах, начинает отягощать, опускаться вниз.

Против духовных песнопений я ничего не имею. Можно в унынии их напевать. У о. Паисия было написано, что тропарики или другие духовные песнопения полезны, когда душа унывает. Попел немножко — душа успокоилась, и уходишь в молитву, углубляешься в себя. Немного уклонюсь от темы. Помните, рассказывал вам о празднике в Лохусуу на равноапостольного князя Владимира? После службы была трапеза, во время которой пели бабушки. За столом сидели Владыка, прихожане, и они пели. Так вот о пении этих бабушек. Ты можешь быть равнодушным к музыке, отстраненно есть, пить, но такое пение затягивает тебя, эти слова концентрируют мысль на себе. Подобное пение слышал я и в Васкарнаве. Когда лет семь назад я там служил, антифон пела Татьяна, ей тогда уже за девяносто было. Она пела, а я в алтаре стоял. Обычно пение на клиросе слышишь, но в слова не вникаешь. А она запела — ум сразу в эти слова ушел. Бабушки пели от души, они этим жили, это была их скорбь. Когда человек от всего сердца говорит или поет, это захватывает.

А мы, казалось бы, живем в монастыре, в молитве, все у нас духовное, а как запоем, так ни свою, ни чужую душу не можем согреть. Понимаете, душа человека, его внутренний мир открывается через слово, пение, иконопись. Когда человек пишет икону, он же душой ее пишет, вот как она пишется, так и пишется. Мне послушница из Серафимо-Дивеевского монастыря (она иконописец) говорила: «Вот, батюшка, написала икону, а мне сказали, что тут и вот тут плохо. И я все стерла». Я ей говорю: «Неправильно ты сделала. Что душа изобразила, то не трогай! Пусть что-то там не так, какие-то элементы, это человеческое, подправила, а остальное не трогай». Вот и через пение душа себя выражает.

Был у нас разговор и о том, что партесное (многоголосное) пение внедрилось в наше церковное пение по причине духовного оскудения, чтобы скрыть внутренний мир человека. В партесном пении за красотой звука теряется внутренняя красота: много голосов, все они разные, это все как-то маскирует. Когда же один голос поет, сразу почувствуешь, как и чем человек живет... К слову, наверное, когда-нибудь изобретут компьютер, который будет читать мысли.

— Как?

— Техника сейчас так развивается, что придет время, когда фантазии человеческие она будет фиксировать. Люди на экране будут свои фильмы смотреть. Все, что у тебя есть, чем ты жил, может оказаться перед всеми на экране, а так будет, потому что фантазия — это от дьявола. Если это от дьявола, значит можно зафиксировать и расшифровать, то есть заключить в свет и звук. Там знаешь, какие фильмы?! Не надо ничего снимать. Будет — это мой помысел, но я думаю, что он во многом верен и реализуется когда-нибудь. Дьявол эти картинки дает и видит, что человек их принимает, а после к ним подключаются чувства. Для дьявола главное, чтобы не ум на это отреагировал, а чувства подключились.

Почему, например, телевизор так вреден? Потому что тут подключаются чувства. Телевизор передает не реальность. Природа по своей сути бесстрашна, она умиротворяет душу, поэтому и на воду, и на небо смотрят, чтобы почувствовать Бога, Его покой. А телевизор эти же картинки природы передает через призму человеческого восприятия, от этого душа возбуждается, и развивается в человеке фантазия. Потому и запрещается телевидение. Если телевизор смотришь, молитвы никогда не будет. Это закон. Телевизор может смотреть только святой. У нас в Лавре как-то фильм «Страсти Христовы» братия показала матери Мамике. Она уже старушка, сидит, плачет — «Христа распинают», но ей можно, она уже к бесстрастию приблизилась, а для страстных это смотреть нельзя. И еще думаю, что мысли без мечтательности зафиксировать нельзя будет, потому что они безвидные.

— Мать, а ты Иисусовой молитвой занимаешься?

— *Не могу сказать, что занимаюсь, читаю.*

— Постоянно читаешь?

— *Не постоянно, но в течение дня.*

— Интересно, что когда-то монахи при встрече спрашивали друг друга не о делах или здоровье, а о том, как молитва идет. Ты сама, мать, чувствуешь, когда есть молитва и когда ее нет?

— *Не знаю, идет или не идет, но она приносит покой душе. Тут условий-то нет.*

— Понятно, конечно. Когда молитва идет, появляется умиление, происходит погружение внутрь себя и тебе до этого земного, внешнего мира дела нет. Если ты работаешь или что-то делаешь и тебя остановить, взять за руку, то сразу будет видно, есть тебе молитва или нет, по глазам даже будет видно. Всегда говорили, что глаза — внутреннее око души.

Когда я с детьми говорю на какие-то духовные темы, то одни плачут, а у других глаза совсем пустые. Так и у человека, который занят молитвой, глаза другие. Посмотри на икону, на взгляд святых — они смотрят на этот мир, но не живут им, а уходят туда, в Божий мир. В документальной хронике во время выступлений Сталина, Ленина или Гитлера видны глаза обезумевшей толпы — как у бесноватых. То же самое на фотографиях людей, которые колокола в Лавре сбрасывали.

Молитва соединяет человека с Богом. От молитвы душа меняется, меняется взгляд, походка, все. Человек уходит внутрь себя в разной степени. Можно чуть-чуть только погрузиться, а можно полностью уйти в себя. Когда человек полностью погружается, то может происходить нечто подобное тому, что с блаженным Прокопием Устюжским было: он трое суток стоял с поднятыми руками, в экстаз ушел. Есть и такая молитва, есть разные степени молитвы. Молитвенное состояние всегда связано с каким-то умилением и покоем. Если в молитве ты не отрешаешься от всего и не испытываешь некоего подобия умирания, то это не молитва, это просто слова.

— *Батюшка, вот вы говорите, что должно быть откровение старцу, но у нас же этого не бывает.*

— Так вы все равно открываетесь — на исповедь приходите. У многих из вас душевное откровение есть. У вас проблема не в том, что вы закрыты и какие-то свои грехи скрываете, а в другом: в том, что свои желания, свои мысли в себе имеете. А чтобы свои желания отсечь и исполнить волю Божию, нужно иметь духовника. И окормлять, духовно опекать должен только один духовник. Когда же нет духовника, любой священник может стать проводником воли Божьей. Так преподобный Силуан Афонский подходил с верою к священнику, чтобы через него услышать волю Божию. Такая практика тоже может быть. Но самое простое, святоотеческое — это духовник. Вы исповедуетесь священникам, которые рядом, а духовник, которому вы открываетесь и который знает все ваши проблемы и желания, может быть где-то далеко, но он все равно ведет вас к Богу.

— *Батюшка, вы говорили, что мысли не всегда формируются в слова или неправильно формируются, но как тогда свои переживания высказать, до вас донести, если они не так формируются?*

— Если не можешь высказаться, духовник тебе все скажет. В третьем томе «Добротолюбия» сказано, что одним Господь дал дар и разумения, и говорения, а другим только разумения, то есть человек живет правильно, духовно, но высказать это не может. Что тут поделаешь? Не надо добиваться того, чего не дано. Многие сестры, которые начинали делать то, что не было дано им от Бога, повредились. Это касается всего, не только дара слова, поэтому и хорошее, но без благословения Божия может стать плохим и разрушительным для души человека.

— *Батюшка, вы говорили, что послушание послушанию рознь. Может быть такое послушание, от которого душа ломается?*

— Может, сколько угодно.

— *А как тогда быть? Мы должны иметь свою волю, чтобы отказаться, или должны все нести? Ведь и правда, что-то может быть бесполезно человеку.*

— Духовную жизнь мы познаем двумя путями: по святым отцам или своим опытом. По святым отцам — это когда духовник

направляет, ведет и доверие к нему есть; он скажет — так правильно, а так — нет. Это самое простое, самое легкое и надежное. Второй путь (если нет духовника) — через свой опыт и свои ошибки, через какие-то падения и синяки. Другого пути нет. Как табуретку делаешь — одну, вторую испортил, а третью уже нормально сделал, так и в духовной жизни — через свои ошибки приходишь к истине и правильности. Но если ты упертый и несообразительный, то духовной жизни не научишься, и воля Божия от тебя все время будет сокрыта. А если чувствуешь, что в душе что-то неправильно, что-то не так, то будешь искать, что именно, и душа начнет бить SOS. Нужно быть чутким к своей душе.

Многие послушники живут истинным послушанием, но есть и живущие по своим помыслам. У нас в скиту есть послушник, который по своей логике живет, какие-то у него формулы свои, просто ужас какой-то. Например, говорят ему: «Давай, быстрее открывай дверь!» Он все равно идет тихо, спокойно. Тогда ему: «Давай быстрее, ну что же ты?» А он: «У святых отцов написано, никого не обгонять и не бегать». И все. У него в голове свое рассуждение, хотя и святоотеческое. Так не должно быть, это неправильно.

— *Батюшка, а греческие святые выше русских?*

— Нет-нет, может быть, они разными путями шли к Богу, плюс еще может сказываться национальный характер, но по сути они достигали одинакового духовного роста.

— *А почему в России больше юродивых? Национальный характер?*

— Помню, в каких-то исторических заметках было написано, что после революции, в этот коммунистический период, почти все церковные люди были в ссылке, и слово Божие невозможно было проповедовать открыто. Поэтому Господь тогда послал много юродивых. Он донага разденется, что с него взять? Его не посадишь никуда, он юродивый. В тот период было очень много юродивых, они сохраняли и несли слово Божие в мир. И национальный характер, конечно, тоже. У русских страна большая и душа широкая, ей нужен простор для любви.

Вот еще интересный вопрос. Мне как-то один послушник сказал: «Вот, батюшка, в житии старца Серафима Вырицкого есть такой момент: он пришел к старцу в Лавру, и старец ему сказал, чтобы тот шел и женился. И когда будущий преподобный пришел к старцу Варнаве Гефсиманскому, то тот сказал — как старец благословил тебя, так и делай». И задал такой вопрос: «Прав ли был тот старец, который благословил жениться? Если бы он стал монахом, то еще большей святости достиг бы!» Вот тут я думаю, что Господь призывает каждого в свое время и каждый проходит свою жизненную мясорубку. Душа постепенно формируется, и когда человек не проходит через эту мясорубку, он может не стать монахом. Возможно, если бы он сразу пришел в монастырь, он бы не стал преподобным. Он должен был пройти через свои жизненные скорби. Многие из тех, кто встал на монашеский путь преждевременно, повредились. Сколько у нас в Лавре и здесь примеров таких. Поэтому хорошо все делать и жить по воле Божьей.

Бывает иногда, что человек не прошел какой-то свой жизненный этап, не сформировалась его душа, и в монастыре тогда ему тоже не сформироваться — вот такая амеба получается. Человек должен приходить в монастырь уже сформированным, то есть целеустремленным. Когда он не получает этой Божественной благодати и никаких мирских чувств не имеет, душа опустошается. Это неестественно для души, и она начинает маяться.

30.10.2009 г. Пюхтица

Беседа пятнадцатая

Мы опять собрались вместе, чтобы говорить о Боге и о том, как нам соединиться с Богом; собрались, чтобы Господь вошел в наши сердца, в наши души, потому что мало родиться человеком и мало даже креститься, нужно еще иметь сердце, о котором Господь в Евангелии сказал: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем» (Мф 11, 29). Поэтому цель человеческой

жизни — приобретение кротости и смирения; все духовные законы строятся на этих добродетелях, на этом сердечном устроении. Все, что с нами происходит, дается нам Богом ради смирения. И наше сердце должно стать неким станком, который перерабатывает все, что к нам приходит: и злое, и доброе — во смирение.

У Бога всегда одна цель — чтобы человек приобрел смирение. Если человек, сталкиваясь с какими-то обстоятельствами, с событиями, озлобляется, теряет внутренний мир и покой, то ни о каком смирении уже не может идти и речи, и Промысел о человеке начинает меняться. Человек, нарушая духовные законы, законы Божии, начинает жить с дьяволом. Поэтому я очень хочу, чтобы, проживая те дни, которые Господь каждому из нас дал, мы жили не только той внешней жизнью, что вокруг нас, но и жизнью внутренней. Когда человек перестает жить своими внутренними чувствами, перестает искать вот этого воссоединения с Богом, обожения, одухотворения, его жизнь становится пустой и неинтересной. Все страсти, что есть в душе человека, приедаются, все надоедают и в итоге приносят с собой только пресыщенность и опустошение.

На моей памяти много людей, приходивших в Церковь, обращавшихся ко Христу, часто принимавших на себя монашеские труды и дававших обет. Но если они отступали от этого пути, их жизнь становилась жалкой и бесцельной. Отказавшись от всего, они начинали уклоняться и жить своими страстями, пустотой, стараясь празднословием, потаканием своим греховным желаниям заполнить свой внутренний мир и от этого приобретая еще большее внутреннее разрушение.

Еще хочу сказать о судьбах Божиих, о том, что Господь промышляет о каждом человеке, и каждый имеет не только физические силы, но и душевные, и у всех они разные. И что для одного будет спасительным, для другого может стать погибельным. Кто-то получает благословение идти в монастырь, а кто-то — быть в миру. Для одного монастырь может оказаться спасительным, ведь, казалось бы, монашеское житие самое хорошее, а для другого оно станет гибельным. Всегда очень важно видеть путь, которым Господь нас ведет, вот эту промыслительную колею.

Теперь хочу поделиться с вами своими впечатлениями. Когда я ехал из Смоленска в Псков, водитель автобуса поставил фильм «Вольф Мессинг». Фильм очень длинный (кажется, шестнадцать серий), про гипнотизера, ясновидящего. Он не только читал мысли, не только давал мысленные приказания другим людям, но и входил в прошлое и в будущее. И вот мне интересно — как это происходит? Где Божественное, а где, возможно, дьявольское? Что для спасения, а что для гибели? Хочу поделиться своими мыслями. Я нигде не встречал, чтобы кто-то затрагивал эти вопросы, и хотел бы немножечко поразмышлять над ними. В этом фильме человек читает мысли других. У святых отцов написано, что дьявол не может знать, о чем думает человек. Мне этот вопрос интересен: насколько может или не может. Святые отцы говорили, что человек должен умереть прежде своей смерти, то есть отстраниться от земных вещей, и тогда он становится живым для Бога и мертвым для мира и дьявола. Так вот этот Вольф Мессинг читал мысли людей. Помысел мне говорит, что мысли верующего человека невозможно читать другому человеку, если тот не просвящен Духом Святым. Многие святые, когда открывали помыслы других или будущее, всегда говорили, что Господь им это открыл. Как-то к преп. Антонию Великому пришел монах, и преподобный сказал, что Господь не говорил о его приходе, т. е. у святых отцов все совершается по воле Божией, не по своему желанию, не по своему хотению, но как хочет Бог. Я думаю, что сверхъестественное проникновение в ум, мысли людей будет связано и с пришествием в мир антихриста. Он будет совершать такие же «чудеса», как и святые.

Когда-то на лекции по истории религии (по-моему, речь шла о буддизме) преподаватель рассказывал нам такую историю. У учителя, гуру, были два ученика. Он их отправил в горы, дал им мантры и научил, как и что нужно делать. Через пятнадцать лет они вернулись к нему. Гуру сказал: «Покажите мне, чему вы научились?». Тогда один из них посмотрел на слона, и через несколько секунд слон упал и умер. Он убил его мыслью. Гуру спросил второго: «Чему ты научился?». Тот подошел к реке,

по которой плыла лодка с гребцом. Ученик посмотрел на него, и гребец резко повернул лодку в противоположную сторону. Он тоже своей мыслью воздействовал на человека. Тогда учитель спросил: «И на это вы потратили пятнадцать лет?» (цель-то у них была другая — достичь нирваны, к этому нужно было стремиться). Человек своей мыслью может убить животное, человека или внедрить свой помысел, навязать что-то другому человеку, и тот будет это исполнять. Я думаю, что когда говорится о том, что будет великое отступление людей от Бога и они подчинятся антихристу, то это произойдет при помощи телепатии, внушения. Но этому внушению, возможно, поддадутся только отступившие от Бога, они станут подобны вещам, и тогда-то их можно будет как хочешь передвигать.

Пришествие в мир антихриста всегда связывалось с отступлением людей от Бога, с духовным разложением. А в монастырях и вообще в христианской жизни всегда практиковалась постоянная молитва или постоянное памятование о Боге, то есть чувство присутствия Бога и внутри, и вне себя. Это памятование о Боге создает из энергии Божией словно некий скафандр, и тем самым человек получает от Бога внутреннюю и внешнюю защиту. Во время службы часто звучат слова: «Заступи, спаси, помилуй». Как Господь заступится? Как сохранит? Как помилует? Только своей любовью. И молимся мы не ради того, чтобы найти себе занятие в монастыре или в нашей христианской жизни, а ради того, чтобы обрести Бога, обрести вот это состояние пребывания во Христе, в Боге, и все, что нас от этого отвлекает, уводит, нужно отсекаать, от этого нужно уходить.

Мир настроен на то, чтобы человека рассеять. Задача дьявола — помешать внутреннему «я» человека, чтобы он стал жить вот этой внешней жизнью. Если он не сможет это осуществить, то не сможет и повлиять на человека, не сможет властвовать над ним. Если человек погружается внутрь своего сердца, тогда то зло, которое приходит извне, не может подействовать на его внутренний мир и не может его разрушить. Поэтому все в нашей жизни построено на духовных законах, на Божественной любви.

Вот интересно, насколько спасительны были те дары, что имел Мессинг? Ведь такие дары, как прозрение будущего, могли иметь только святые, а здесь человек простой и некрещеный. У отцов написано, что если человек воскрешает мертвых, а смирения не имеет, то это ничто. Поэтому самые разные дары человека не послужат ко спасению, если он не будет иметь смирения.

У преп. Антония Великого написано в пророчествах о том, что в конце времен многие из последних христиан будут иметь великие дары и будут уходить в пустыни, вертепы, будут скрываться. Они не будут открывать эти дары, не будут ими пользоваться из-за недостатка смирения, понимая, что способность видеть будущее, читать мысли возбуждает гордость. Поэтому я думаю, что они будут скрывать свои дары, чтобы не пасть. Немногие из отцов, имевших дары исцеления, пророчеств, выходили в мир и были открыты миру. Многие находились в пустынях, и мир о них просто не знал.

Еще один интересный момент из истории этого человека. Когда его спрашивали: «Как у вас это получается?», он отвечал: «Не знаю, я просто вижу. Допустим, вы берете колоду, вытаскиваете из нее карту, и я вижу, какая это карта. Или я подумаю о каком-то человеке и вижу, что с ним происходит». Когда ему приносили фотографию, он смотрел на нее и потом говорил, где этот человек, что с ним, живой он или мертвый. Перед его глазами проходили картины жизни, и он их видел, например, войну: шагающих по Минску, Смоленску немцев.

Старец Порфирий Афонский, живший на площади Омония в Афинах, рассказывал, как он это видит, прозревает, и он тоже говорит, что перед ним словно картина предстает. За Вольфом Мессингом в этом состоянии наблюдал врач, и было отмечено, что у него расширялись зрачки и пульс становился все реже и реже. Он действительно как будто входил в состояние смерти, то есть должен был отключиться от всего земного. Это видение (как у святых людей, так и у Мессинга) не похоже на кинофильм, у него другая природа, потому что эти видения — прозревание будущего, прошлого или настоящего в человеке — не подвержены чувствам, не окутаны плотью, это что-то нематериальное, что-то неявное.

Очень похоже в Апокалипсисе: апостол Иоанн Богослов видит существа, жалящие, как скорпион, хвостом. Разумеется, он не назовет их самолетом или танком. В своих описаниях он подбирал для сравнения похожие явления из окружающего его мира; так он эти видения и описывал, используя привычные для него понятия. Эти видения от плотских картинок очень сильно отличаются. В прелестном состоянии видения бывают чувственные и страстные. Во сне видения тоже бывают разными. Когда от Бога приходит какое-то видение, сон, то человек испытывает умиротворение, покой, потому что оно не сопряжено с чувствами, оно духовно, а когда сон от дьявола, у человека все внутри приходит в движение, и он теряет внутренний мир. В этом — разница. Казалось бы, тонкая грань, но ее нужно видеть. Перешел эту грань, и все: из духовного попал в плотское. Вот об этом мне захотелось поговорить. Эти мысли еще не отточены, я просто сейчас делюсь этим с вами.

— *А это был реальный человек?*

— Да.

— *Ему от Бога было дано?*

— Да, от Бога. Эти дары человеку даны от природы. Адам их имел в своем естестве, но из-за греха они в человеке остались сокрытыми. В некоторых людях эти дары открываются с детства или после каких-то событий, случающихся с человеком, или от святости. Я читал книгу одной женщины, она писала о своей бабушке, которая перед войной жила в деревне, недалеко от города Сумы, и на девять дней заснула летаргическим сном. А когда проснулась, то стала пророчествовать и видеть будущее, настоящее и прошлое. Но это ей открылось после того, как она побывала в таком состоянии. Мессинг в детстве так же заснул, и у него во сне было состояние погружения в другой мир. Вот так бывает, одним природой дано погружаться в Тот потусторонний мир, а другим — святостью. Святые, у которых открывались такие дары, тоже достигали этих состояний: созерцания и ухода от всего земного. Если человек может входить в состояние отрешения от всего земного, то он может входить и в состояние, которое называют «телепатией», и иметь такие свойства, дары.

— Святые, когда они что-то видели, с ними ничего не происходило, а Вольф Мессинг после своих видений чувствовал себя очень плохо физически, его энергия шла на все это, поглощалась, и он очень ослабевал.

— Да, это тоже интересный момент, и я это заметил, но насколько это свидетельство реально? Это фильм, кто-то мог придумать. Вначале я уже говорил, что святым все открывал Бог, они не принуждали Бога. О. Порфирию, когда он в первый раз в пещере Иоанна Богослова оказался, ничего не было открыто. Потом он вышел, цветочки понюхал, на небо посмотрел, вошел в это состояние отрешенности, и когда опять вошел в эту пещеру, то стал видеть, как Иоанн Богослов писал Апокалипсис, как голос ему был от Бога. О. Порфирий говорил, что никогда нельзя заставлять Бога что-то открывать. А здесь, я думаю, что-то происходило усилием воли, поэтому Вольф Мессинг и ослабевал. Он не спрашивал у Бога: «Открой мне», а своей силой, умением, отрешением своим ставил себе задачу увидеть, входил и смотрел, поэтому и терпел такое бессилие. Я думаю так.

— Это признак того, что что-то неправильно было?

— Конечно. Если человек не по воле Божией что-то делает, для него этот дар не послужит во спасение, потому что от этого вхождение в будущее или прошлое он не приобретает для себя ничего и смиреннее не становится. Святой же, имея этот дар, входит в будущее и, видя все это, приобретает любовь и становится смиреннее.

Я уже рассказывал о том, как пришел к о. Иосифу Ватопедскому и начался разговор о том, что русских гонят с Афона. Спросил его тогда: «Нужно ли с этим бороться?», и отец отвечал: «Не надо, о. Рафаил, не надо». Отцы видят промысел Божий, и если Господь попустил злу совершаться за наши грехи, а ты идешь наперекор, то повредишься. А Вольф, например, видел крушение самолета, в котором хоккейная команда летела, видел он и то, что сын Сталина погибнет. И ум его внедрялся, чтобы изменить будущее: если не поедут, не полетят, значит будут живы.

У святых отцов такого нигде нет. Помните, отца Иоанна Кронштадтского везли якобы на молебен, а на самом деле там, в

доме, ждали его, чтобы принести в жертву. И он сказал своей помощнице: «На заколение меня везете, на заколение», а она ему: «Батюшка, на какое заколение?». Его привезли, и он пошел, не противился ничему. Ему все было открыто Богом, но он отдал свою жизнь на волю Божию, как Господь управит. Если хочет Бог, чтоб он погиб, кровь свою пролил — пусть будет так.

У отца Паисия Святогорца описывается такой момент в жизни старца Тихона: он пришел к нему в келью, поисповедовался и уже собрался уходить, пошел и вдруг обернулся, а старец его крестит и крестит сзади. Никогда не крестил, а тут стоит и все крестит. После этого он на тропу вышел, а там охотник, на курок уже нажимал, но увидел, что человек, палец от курка отдернул и сказал: «Отец, ты в рубашке родился. Я думал, что это кабан». Тогда он понял, почему старец его крестил. Отец Паисий быстро вернулся к нему и говорит: «Старец, почему же ты мне не сказал, что со мной должно случиться?», а тот ему: «Воля Божия такова». Да, старец видел, но не изменял промысел Божий.

У преп. Севастиана Карагандинского тоже есть случай. Он своему чаду говорил: «Не выходи замуж, не надо, не уезжай в Алма-Ату». Даже на станцию пришел, до конца ее уговаривал. Он видел, что будет, но не сказал ей, что с ней случится. А она села, уехала и потом, где-то через год, туберкулезом заболела и умерла.

Святые отцы никогда не нарушали волю Божию. Если Господь им открывал, то они воспринимали это как от руки Божией. Если Господь хочет, то будет так. Помню, нас игумен Христодел собрал в Кутлумуше сказал: «Европа хочет впустить женщин на Афон, сделать монастыри гостиницами. Вот такая нас ждет участь». Но сразу подчеркнул: «Мы должны это принять как должное, с покаянием. И как на Россию в семнадцатом году пришли такие страдания и скорби за отступление от Бога, так и нам нужно с покаянием принять эти события». И дал каждому за правило по четке, чтоб Матери Божией молились, а там уж как Господь управит. Это попущение Божие за грехи людей. Старайтесь в своей жизни приобретать и держать в себе внутренний мир, кто насколько может. Если теряете его, то скорее собирайтесь и в себя приходите.

Как-то я к маме ездил в Смоленск, там недалеко, километрах в трех от дома, упал польский самолет. Брат рассказывал, что он в семь часов утра на завод пошел, солнце светило, погода была ясная. Потом часов в десять из цеха вышел — туман, причем такой густой (видимость — метров пять), слышит — самолет гудит, но не видно его. Опять вернулся в цех, а в одиннадцать пошел на обед, и, возвращаясь, увидел, что около гаражей уже самолет лежит. Он только упал, минут десять, наверное, прошло, еще сцепление не успели выставить. Прошло буквально минут двадцать, и туман рассеялся, он стоял всего несколько часов. Говорит, мистика какая-то: туман там очень редко бывает (возвышенность и нет болот), и главное — туман не везде, а только в том месте был.

Когда самолет летит, то оператор, который его ведет снизу, доводит до шестидесяти метров, а потом его не видит. Летчик сам визуально должен направлять самолет на полосу. Пилот три раза заводил его на посадку, на четвертый стал снижаться, но ориентир потерял, чуть-чуть в сторону от полосы ушел, стал приземляться и понял, что низко взял, начал подниматься, но было поздно — скорость большая. ТУ-134 задел провода, перевернулся в воздухе и упал навзничь, на борту было девяносто шесть человек. А до него буквально за час ЯК сел. Это военный аэродром, сейчас там военных самолетов нет, полоса хорошая, широкая.

Когда это случилось, я в скиту был, и отцы про эту трагедию сказали: «Смирнее надо быть, сказали тебе — видимости нет, не надо сюда садиться, лети дальше, послушаться надо было». Ладно, не послушался, в третий, четвертый раз начал заходить — не видно, не получается, зачем упорствовать? Но президент дал приказ, и выходит, что своим упрямством и гордостью он и себя, и невинных людей погубил — экипаж и всех пассажиров. Осталась звуковая запись с того самолета. Когда он стал на посадку идти, люди поняли, что погибнут, у них оставалось всего несколько секунд жизни. Эти внутренние чувства людей, которые понимали, что из такой ситуации не выходят, что им осталось лишь мгновение, их внутренние переживания перед уходом из этой жизни запечатлелись в записи, но ее не озвучили.

Что они говорили, о чем; проклинали они или, наоборот, прощались, об этом умалчивают. На этом самолете летел православный епископ Мирон Польский, тоже погиб. Он был у нас в Пюхтицах в 2001 году.

— *Батюшка, а на это была воля Божия?*

— Да не было на это воли Божией. Это было попущение Божие за прелесть. Такое бывает и в монастырях, особенно часто случается на Афоне с отшельниками, когда они входят внутрь себя и попадают в состояние прелести. Тогда они не только повреждаются внутренне, но часто у них и видения появляются, и они сбрасываются с утесов, в море бросаются, погибают. В миру проще, если человек находится в прелести, может, конечно, тоже погибнуть, но ему из этого состояния легче выйти, потому что события, люди, суета его вытаскивают изнутри, не дают ему пребывать внутри себя. Поэтому и здесь, в этом случае с самолетом, попущение Божие. Господь этому президенту говорил — туман, не надо садиться, смирись и в Минск лети. Раз, другой не видит полосы, Господь ему — смирись, куда ты будешь садиться? Он в третий раз заходит, опять не видит, а на четвертый уже заставляет пилота садиться. А куда садиться? Там же ничего не видно! Человек входит в состояние прелести, упорства, гордости. Гордыня делает человека безумным. Здесь явные признаки, что Господь хранил, Господь давал понять — не надо этого делать! И здесь налицо явное нарушение воли Божией.

Почему я этот пример привел? Каждый из нас может оказаться в такой ситуации. И Господь всегда предупреждает человека, явно показывает ему Свою волю. И если человек ее нарушает, то он поврежден внутри, он в прелести.

— *Батюшка, а вы думаете, что это летчик был виноват? Или президент?*

— Президент, конечно. Он сам и заставил. Когда этот президент был в Грузии, там такая же ситуация была, тоже самолет не мог сесть. Пилоту приказывали, но он отказался садиться и посадил самолет в Ереване. За нарушение приказа пилота уволили, а летчик был высокого класса, и самолет работал нормально. Здесь пилот смалодушничал, подчинился этому приказу, и все погибли.

Каждый может оказаться в такой ситуации. Если подчинился упрямству, гордости, это может закончиться трагически для человека. Сколько ведь и на дорогах погибает. Очень часто люди гибнут из-за гордости. Или знает, что хулиганы ходят или еще что-то... Все равно выходит один, гуляет, поздно возвращается домой. Ну зачем?

Это мои такие мысли, чувства; они, конечно, с этой трагедией связаны. Когда проезжаешь место их гибели, сразу такая тоска находит. Наверное, такая несуразная смерть и дает такие чувства.

— *Батюшка, а какую смерть называют безвременной? В Минеях есть поминания в мясопустную субботу умерших безвременной смертью. Как это понять? Не вовремя?*

— Да, не вовремя, то есть Господь дает человеку жизнь, большую, можно сказать, до старости, а он умирает раньше времени по каким-то причинам, несчастный случай или что-то еще. Здесь все случаи объединены: кто-то — по своей неосторожности, кто-то действительно по такой гордости, а кто-то — спасая других. И они тоже относятся к безвременно погибшим или умершим.

— *Я читала, что в житии отца Иоанна Кронштадтского описан случай, когда одна девочка очень болела, и поздно к нему обратились, она уже умерла. Когда он приехал, очень сокрушался: «Почему же вы раньше не сказали?» Как тут с волей Божией совместить? Отец Иоанн Кронштадтский сказал, что она была бы или святой, или великой, но она умерла в младенчестве.*

— Я не знаю. Думаю, что он по-человечески сокрушался. Ведь у отца Иоанна были и случаи воскрешения мертвых, я читал об этом. Ребенок умер у матери в утробе, и по молитвам святого воскрес. Я думаю, он мог бы этого ребенка воскресить, если бы была воля Божия ребенку жить. Это интересно, меня всегда этот вопрос волновал и интересовал — в чем воля Божия. В Евангелии ведь Господь исцелял бесноватых, всех, кто приходил, и даже того, кто тридцать восемь лет лежал около купели Силоамской, он же его тоже исцелил. А после (в Триоди Цветной, в синаксари, написано) этот же человек, которого Христос исцелил, ударил Его по щеке. Я хочу заострить ваше внимание на том, что Господь всем

дает благодать и исцеление. Он даже Иуду призвал-то, все ему дал для спасения — пожалуйста, спасайся! Но он отверг это, не просто отверг, а даже предал Господа, Того, который дал ему все.

— *А что же у них было, помрачение ума?*

— Озлобление сердца. Ум у них как раз действовал нормально. Ожесточение. Сердце ожесточается именно от этого упорства. О чем мы сейчас говорили? Об этом самолете. Вот как уперся — ему уже все равно. Это упорство появляется в человеческих силах, в его воле, но человек может с ним совладать, повернуть его в ту или другую сторону. А после вот этот туман, человек принимает какое-то решение, заходит на первый круг, он все равно настаивает на своем, идет на второй и уже доходит до умопомрачения, садится и решения уже не меняет. Как ни говорил этот пилот, что не видит, куда лететь, все равно заставил садиться.

— *Батюшка, а он убийцей считается?*

— Кто?

— *Президент, ведь столько людей погибло?*

— Пожалуй, да. Я читал это в жизнеописании отца Иоанна Кронштадтского: он исцелял многих, а потом те люди красноармейцами становились в период революции. Понятно, что они участвовали в боях, в расстрелах, но он все равно делал добро людям. Я всегда недоумевал: зачем давать человеку силу, чтобы он делал зло? Промысел Божий, судьбы Божии не всегда понятны. Тут можно только одно понять — Бог из зла может делать добро. У отцов тоже есть о том, что ни один человек не оправдается тем, что Господь не дал ему возможности спасения. Даже Иуда. Да, Христос знал, что Ииуда — самый последний человек, и тем не менее Он его приблизил к Себе, апостольство ему дал. Иуда не оправдается тем, что он не знал Христа. Что он не видел Его чудес, Его любви? Все это он видел и знал. Это волевое отречение, отказ Иуды от Бога, от Христа. Я думаю, в аду будут люди, которые отвергают Бога, не принимают Его, они будут там. Человек, который ненавидит Бога сознательно и волей своей отрекается от Него, не сможет соединиться с Богом, у него адское состояние, безлюбное.

— *Но как же Иуда мог на Бога озлобиться? За что?*

— Когда человек имеет какую-то страсть, а Господь не дает ему этой страстью жить, тогда если нет у человека смирения, то Бог становится врагом.

— *Батюшка, мне сестра одна говорила, что она книгу древнюю читала, в которой говорилось, что Господь, когда придет судить мертвых, первым помилует Иуду.*

— Это Ориген. Его учение о всеобщем прощении осуждено Пятым Вселенским Собором.

— *Батюшка, мне Иуду жалко: и так в аду сидит, и потом вечно там будет.*

— Понимаешь, тут проблема-то не в аде, не в том, что он есть. У преп. Ефрема Сирина есть слова: «Благ Бог, что сотворил ад». Проблема в самом человеке. Для того, кто не любит Бога, рай будет мукой, а ад, место удаления от Бога, будет им как некая милость.

— *Батюшка, мне все-таки это интересно. Ведь у большинства людей настолько омрачен ум, что они не принимают никакого решения насчет Бога, просто живут. Что будет с этими людьми? Они не «против» и не «за» — аморфное состояние.*

— Я не знаю. В Евангелии есть слова Господа: «Кто не будет вкушать тела и крови Моей, не войдет в Царствие Небесное» (Ин. 6:53-56). И в то же время Господь говорит: «Кто во имя Мое подаст даже кружку воды — не оставлю его» (Мк. 9:41).

Я говорю только о тех, кто сознательно отрицает и ненавидит Бога. Они оказываются в аду не из-за того, что Бог их не хочет и не любит, а за то, что они Его отрицают, они Его не принимают. Для них любовь Божия становится мукой, она становится для них огнем, вечным огнем.

— *Пишут, что огонь один. Он одних просвещает, а других опаляет.*

— Правильно, природа огня — Бог. А там, кроме Бога, ничего нет, откуда там телесный огонь? Если изображают ад с огнем, то, как я понимаю, это все равно огонь любви, это Бог, только для них Он становится огнем, который мучает. Бог их любит, а они от этого огня, от этой любви страдают. В богословии акцентирова-

ется внимание на волевом аспекте. У святых отцов очень часто говорится о воле человека. С волей нужно связывать и грехи наши, и нашу любовь. В житии преп. Макария Египетского рассказывается, что ученик как-то спросил святого: «Авва, скажи, если человек в своей жизни грешил и каляся, грешил и каляся. Где после смерти будет его душа?». Его ответ был: «Там, где было его сердце», то есть там, где были его желание и его воля.

— *У большинства это просто мирская жизнь, существование.*

— В Москве недавно общался со многими людьми, и мне грустно так стало от того, что люди не живут Богом. Казалось бы, родные, близкие, а на первом месте земное все: огород, машины, работа, а самое главное — ради чего все это? Да, это хлеб насущный. Он нужен, конечно, но главное-то другое. А движения души, труда для приобретения любви, Бога нет. Люди становятся аморфными. Живут, работают, но становятся пустыми, и такой сейчас становится основная масса людей. Представления о предназначении человека, вечной жизни как-то размываются, человек перестает исполнять свое предназначение, волю Божию, ради чего он создан. Не для того, чтобы прийти в этот мир, пожить, сколько придется, и в могилу. Нет! А для того чтобы человек жил с Богом, чтобы наслаждался, прочувствовал это общение, был богом по благодати. В этом заключается задача. И мне с вами хорошо, мы можем говорить о спасении души, о любви, о том, что все силы свои, здоровье, желания полагаем на то, чтобы приобрести вот эту любовь к Богу, единение с Ним, и о том, что вы этим живете.

— *Батюшка, еще вопрос: как относиться к матери Арсения?*

— С любовью и благодарностью.

— *Как это, с любовью и благодарностью? За что?*

— Как за что? За труды, за подвиги. А вот, кстати, о благодарности. Очень часто стал вспоминать, где-то у отцов прочитал. Они писали, что одним из признаков спасения является уважительное, благодарное отношение старых монахов к молодым. Когда приходят новые, молодые, то старые монахи ценят в них то, что они отреклись от мира, пришли на подвиг, потому что любят Бога. Пусть у них немощи какие-то, грешки, еще что-то,

но вот этот шаг они очень высоко оценивают, понимаешь? А у матери Арсении есть и забота, и уважение к молодым сестрам.

— *Но она столько кошек развела и в келье у себя, и в ограде. Это ненормально.*

Другая сестра: Это подвиг у нее такой, попробуй поживи с этими котятками: делают под кровать, везде шерсть от них, а нужно и все это убрать, и накормить их. Она плакала, когда мне рассказывала, что ей просто их жалко, подкидывают. Она не хочет, но ей жалко. Это подвиг ее.

— Я думаю, она и не задумывается, подвиг это для нее или нет, просто живет, как велит ей сердце.

— *Одна сестра на скотном жила, как бывало ей трудно, шла к матери Арсении, и по ее молитвам той все давалось.*

— Да, Господь Сам решит как и что. Что было плохо, а что хорошо. А нам лучше в эти дела не вникать. Господь знает, что у человека на сердце и без наших домыслов. А нам нужно научиться быть добрее и снисходительнее к немощам других. Если мы будем прощать других, то и Господь нас простит. У каждого из нас есть грехи, и они препятствуют нашему спасению. Если мы не будем покрывать немощи своих близких, то как тогда Господь покроет наши грехи?

Помню, рассказывали, что в Почаеве был такой архимандрит Модест. И услышал он, что брата одного стали сильно осуждать. Он и говорит осуждавшему: «Слушай, а зачем мантия? Мантия для того, чтобы покрывать других. А зачем ты ее носишь, когда открываешь их немощи? Сними и иди в мир». Вы говорите правильно, вы говорите правду, но правда без любви — это дьявол. Знайте, если вы грех человека покрываете любовью — это от Бога. Поэтому, когда человек начинает спасаться, он становится добрее, а добрее означает, что он немощи других начинает покрывать любовью.

— *Батюшка, я двадцать лет смотрю на помойку, я устала.*

— Мы с вами монахами по большому счету еще не стали. Вы вспомните наших отцов, дедов, жизнь которых в тюрьмах, ссылках проходила. Владыка Афанасий Сахаров к лику святых причислен. Сколько он, двадцать семь или тридцать лет, по тюрьмам был? А сейчас пять или десять лет в монастыре — это не цифра.

Это новоначальный. Лет тридцать побудешь, в смирении и кротости, вот тогда можно говорить, что монашеский дух появился. Будем просто жить в терпении и смирении, чтоб не получилось у нас, что жизнь смиряет, а мы не смиряемся.

— *Для того и попадаешь в разные передряги, чтобы смиряться.*

— Видишь, Господь дает человеку сначала самому своей волей исполнить волю Божию, а когда он не исполняет, то делает все по-Своему — берет и через искушения его в нужную колею приводит. Я сейчас вспомнил отцов, которые в лагерях были. Ведь многие, ставшие святыми, до этого вели беспечную жизнь, а потом попали в тюрьмы и лагеря, и те условия преобразили их душу. Эти люди использовали их для своего блага. От человека требовалось только, чтоб он смирился с этим, а если не смирялся, то становилось еще хуже — озлобление появлялось.

Интересно написано о смирении у преп. Иоанна Лествичника. Когда у отцов спрашивали: «Что такое смирение?». Один сказал, что это означает видеть себя ниже всех, другой еще что-то, и каждый говорил то, что открывал ему Бог. А общий вывод из этих слов: смирение — это смерть прежде смерти, то есть умирание своей воли, своих греховных желаний, когда мысли человека чисты, как лист бумаги. Сутью его жизни становится: «Господи, пусть будет, как Ты хочешь». И все его желания, движения будут направлены на это.

У старца Иосифа Исихаста во всех его книгах такая мысль прослеживается о смирении, о том, что это способность ощутить себя землей и прахом. Каждый по-разному шел и по-разному понимал, но в общем состоянии смирения у всех одно и то же. Так и у нас. Мы соприкасаемся с Богом, и это соприкосновение всегда зависит от смирения, только оно у каждого по-разному выражается, но внутреннее состояние у всех одинаково. В смирении мы испытываем те же чувства, что и святые отцы, их путем идем к Богу и спасаемся.

В требнике есть чин о находящихся во вражде. Там несколько молитв и в конце чина молитва Матери Божией. Помните, это молитва из утреннего правила: «Пресвятая Владычице, моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отжени от мене,

смирненного и окаянного раба Твоего...». Но есть разница в этих молитвах, в чине о враждующих из этой молитвы убрали одно слово — «смирненного», то есть молимся «всесильными мольбами отжени от мене, окаянного раба Твоего». Осталось «окаянного», а вот «смирненного» вычеркнуто, то есть когда человек озлобляется, когда он имеет какую-то неприязнь к другому человеку, вот тогда он теряет смирение. Вот в этом состоянии произошел разрыв человека с Богом. Даже когда речь идет о каком-то блудном состоянии, о каких-то других грехах, все равно это слово употребляется. Много есть примеров из житий святых того, как они падали, вставали, подвизались и спасались, но есть и другие примеры.

В житии мученика Никифора рассказывается, что был такой священник Саприкий, взяли его язычники за исповедание христианской веры, долго мучили и наконец повели на казнь. А у него была вражда с мирянином Никифором. И когда уже Саприкий стоял на эшафоте, этот Никифор подбежал к нему и говорит: «Прости меня, мученик Христов, я тебя обижал». А тот ему: «Нет, не прошу тебя ни в этом, ни в будущем веке». Как только сказал это, благодать отошла от него, ему склоняют голову под топор, а он кричит: «Все, я отрекаюсь от Христа, только не казните». Почему так произошло, разве он грешником был? Да нет, он священником был. Не было там больших грехов, а неприязнь была. Смирения нет, все — Бога нет. Даже в последний момент, перед казнью, Господь дает ему возможность: покаяйся, будешь святым, только прими его, люби этого человека, не злись на него. Но нет, «не прошу», и отрекается, погибает и духовно, и физически. Неприязнь — это для души смерть.

— Ладно, кажется, вы начинаете засыпать.

— Нет, батюшка, мы не засыпаем. Мы думаем о себе, какие мы окаянные. Что ж делать? Как же быть? Спасись-то хочется. Каяться надо, исповедоваться.

— Вот, кстати, об исповеди. Исповедь, покаяние — это не просто название каких-то грехов. Ведь и исповедь, и другие таинства могут стать механическими. Если убрать движения сердца человека, то есть чувство, что он хочет от этого отойти, от этого изба-

виться, то покаяние становится уже мертвым. Я вам всегда говорил, что есть очень тонкая грань между святостью и уходом от нее, ожесточением, пустотой, прелестным таким состоянием. Если все время толкают: «Давай, исповедуйся, покайся», силком заставляя, то отторжение происходит, даже святого.

Это как с питанием: для организма это необходимо, без этого человек умрет, но если его все время насильно кормят, то его вырвет. Так и в духовной жизни — у каждого есть своя мера. В одно время человек может вместить многое, а в другое — совсем чуть-чуть. Когда человек находится в спокойном, умиротворенном состоянии, он многое воспринимает и Божественные слова ложатся на его сердце, он может их вместить, а когда он, наоборот, нервничает, то вместить духовного может мало, и в этот момент его не надо насильно заставлять молиться. Это не из-за того, что он не любит Бога, а из-за того, что у него состояние сейчас такое. Ему бы только найти в себе силы терпеть эту скорбь и свои переживания.

Как у нас в скиту отец игумен в слове на Пасху сказал — кто не имеет радости, тот не православный (имелась в виду радость Пасхальная). Но радость может быть разной: есть чувственная радость, есть духовная, есть тихая радость, есть радость ума (я понимаю и знаю, что Христос Воскрес, но у меня, допустим, свои какие-то переживания — кто-то умер или еще что-то). И эта радость внутрь не пройдет, но умом-то я понимаю, что Христос Воскрес, и радость в душе тоже есть, только тихая.

Поэтому я хочу сказать о том, что жизнь с Богом не ограничивается только сердцем человека, но она может быть и в уме человека, в его сознании. Вот приходит ко мне человек и злобу на кого-то имеет. Я его спрашиваю: «Ты злишься?» — «Да». — «Так же нельзя, нельзя злобу иметь. Но ты хотя бы умом прощаешь ему? Не хочешь этого?» — «Да, не хочу». Все, Господь уже входит в этого человека и соединяет его с Собой. Когда человек своей волей, своим желанием не хочет этого озлобления в себе, тогда Бог будет в нем, и эту исповедь, это покаяние Бог принимает, хотя в душе человека еще на многие годы может остаться неприязнь. Главное, чтобы человек все время в этом каялся и не хотел этого.

— Батюшка, а как может человек точно определить, что у него вражда к какому-то человеку?

— Неприязненные чувства. Неприязнь — это потеря внутреннего покоя от вражды к кому-то, у него как стрела в сердце от этого чувства. Помните, я вам рассказывал про о. Феодосия, который на Карулях жил? Мы как-то с ним вместе пошли по Афону и пришли в греческий монастырь Ксенофонт. Нас там оставили на ночь, и ночью мы пошли на службу, стали в стасидии молиться. Когда же началась сутубая ектения, где упоминалось имя Святейшего Патриарха Варфоломея, о. Феодосий, услышав это имя, выскочил из стасидии и чуть не бегом помчался в келью. Когда мы пришли со службы, он лежал на кровати. Я его спросил: «Отец, ты чего убежал-то?» На что он мне ответил: «Как только услышу имя Варфоломей — мне это как стрела в сердце, и такой злобы не могу терпеть. Вот и убежал». Поэтому, видите, неприязнь к человеку можно приобрести очень легко, можно даже его не видеть, только все время свой помысел держать в озлоблении на него. Когда эта неприязнь проходит в сердце, то не нужно никаких злобных мыслей, только имя этого человека произнести, и тут же разгорается гнев.

— А если просто хочется избегать этого человека?

— Нет, не надо. Не можете любить, тогда хотя бы терпите.

16.04.2009. Пюхтица

Беседа шестнадцатая

— Батюшка, мы были на острове Крит, там очень сильно почитают святого Лазаря Четверодневного. В России его тоже почитают, существует четырнадцать храмов в его честь. Россия и сама подобна воскресшему Лазарю. Что Вы можете об этом сказать?

— Я бы не сказал, что Лазарь очень близок сердцу русского народа. О святом Лазаре знают, наверное, все, потому что это Евангельское лицо. Он явился символом воскресения, и этот символ,

конечно, может быть близок. Лазарь явил себя как мертвый и восставший, но восставший не сам собой — его Христос воскресил. И это воскресение отличается от воскрешения сына Наинской вдовы и воскрешения дочери Иаира. Воскрешения сына вдовы и отроковицы явились чудом, фактом, что Бог творит такие чудеса; оба явились как свидетельство Божественной силы. А воскресение Лазаря стало предвозвестником воскресения самого Христа, иными словами, Господь наш Иисус Христос на Лазаре показал Свое Воскресение и воскресение всех людей в будущем.

Почему воскрешение Лазаря явилось прообразом Воскресения Христа? Во-первых, из-за личных чувств Спасителя к Лазарю. Лазарь был другом, человеком, который был близок самому Христу, и Он его любил. Это был человек, которого Господь знал, Он знал его семью, его сестер, знал чем и как они живут. Я недавно читал этот Евангельский отрывок и задумался. Когда Господь еще был за Иорданом и там проповедовал, пришли к Нему из Вифании и сказали: «Лазарь, друг Твой, болен, приди и исцели его». И если прежде Господь на подобные просьбы сразу откликался, то тут Он пробыл в этом месте еще два дня и только потом сказал: «Лазарь уснул». Ученики ответили: «Если уснул, то к здоровью, это хорошо, значит он выздоровеет». Господь увидел, что они не понимают, о чем Он говорит, и объяснил, что Лазарь умер. Интересный момент — эта Евангельская история начинается с того, что Господь знает, что будет, но о грядущих событиях Он сначала говорит иносказательно, и только когда приходит время, говорит прямо. Первой реакцией людей на это событие, на эту истину был ответ апостола Фомы: «Пойдем и мы умрем с ним» (Ин. 11:3-16). Эта фраза непонятна — откуда она, почему Фома это сказал, зачем? Может быть, он сказал это из любви своей к Лазарю? Или он говорил то, что ему открыл Бог? Или же от непонимания, что Христос идет на вольную смерть? Мол, только недавно иудеи хотели убить Его, а теперь Он сам идет к ним. Господь не отвечает на эту реплику, и эти слова никак не трактуются, они повисли в воздухе, и ответа на них нет.

Господь идет к тому месту, где был погребен Лазарь, первой встречает Его Марфа и говорит: «Господи, если бы Ты был здесь,

не умер бы брат мой». И после уже Мария все оставляет и приходит ко Христу. Мария, по всей видимости, была более любима Богом Христом, нежели Марфа, но суть даже не в этом, а в том, что она была более сердечным человеком, более чутким. Когда она пришла, то упала Ему в ноги и, казалось бы, те же слова сказала, что и Марфа: «Господи, если бы Ты был здесь, то не умер бы мой брат» — ничего не меняется в этом обращении, но, тем не менее, слыша слова Марии и плач пришедшего с ней народа, Иисус прослезился. Слова Марфы о смерти брата не тронули Спасителя, а скорбь Марии и народа коснулась Его сердца. И тогда Он словно берет себя в руки и говорит: «Отодвиньте камень». Ему отвечают, что четверодневный он уже и запах идет, а Он: «Сделайте, что говорю», и когда отодвинули камень, Он говорит: «Лазарь, гряди вон!» (Ин. 11:20-44) Вот так произошло его воскрешение.

И, во-вторых, воскресение Лазаря явилось прообразом Воскресения Христова потому, что это событие произошло перед самой крестной смертью и воскресением Спасителя, то есть, иными словами, через это воскресение Лазаря Господь словно говорит: как было с ним, так будет и со Мной — буду мертв и воскресну.

Это воскрешение еще называют чудом в чуде, потому что Лазарь вышел из гроба обвязанный погребальными пеленами: человек не только воскрес, но сила Божия его и вынесла из этого гроба, он вышел, весь обвитый полотном с головы до ног. Поэтому здесь двойное чудо: сила Божия не только делает человека здоровым, делает его живым, но и движет им, то есть она его переносит, как мать — младенца (берет и несет, куда ей нужно). И как Бог повелевает, так и происходит: не только воскрешение, но и сам выход Лазаря. По сути дела, выйти ведь он не может, потому что связан. Бог Своей силой выводит его из этой пещеры мертвецкой.

Я не знаю, насколько образ Лазаря можно связать с образом России, наверное, можно, но хотелось бы, чтобы этот образ воскресающего Лазаря был бы воспринят легко, немудрено. Я бы, наверное, этот образ связал прежде всего с действием Христа, потому что Бог любит чад своих и не оставит их никогда и нигде, Он их живит, двигает и направляет их пути. Поэтому я думаю, что на этом при-

мере очень ярко проявляется любовь Божия к своим чадам. В письмах святой Елизаветы Федоровны есть слова о том, что мать больше любит больного чадо, чем здоровое. Так и Господь больше любит своих чад, когда они отступают от Него, и Его милость, Его благодать больше посылаются такому чаду, чем тому, кто здоров. Вот как здесь, видите, Лазарь был даже не болен, он был мертв, он не мог просить, он не мог что-то сделать, но любовь Бога к этому человеку живая и не исчезла куда-то с его смертью. Так и с Россией — если Господь запечатлел народ русский в Своем сердце и Россия избрана Богом, если она идет ко спасению, то Господь ее никогда не оставит и своей силой, своей любовью будет двигать ее ко спасению.

Поэтому для меня в образе Лазаря проявляется больше образ Христа, здесь больше отражается и является Его сила, Его любовь к нам. Наверное, в русском народе образ Христа более сильно и четко воспринимается через жизнь святых. И вот как у нас храм четырехдневного Лазаря на кладбище построен? Он же построен как символ воскресения. Возможно, кому-то ближе образ самого святого, но, по большому счету, жизнь святого Лазаря нам неизвестна, немногие найдутся, кто сможет рассказать его житие. Все знают только Евангельскую историю о том, что Лазарь был мертв и воскрес, что Христос его очень любил, и все, больше о Лазаре ничего неизвестно. Поэтому в воскресении Лазаря больше раскрывается любовь Божия к людям и то, что Христос не только Бог, но и Человек, Он любит, сильно любит, и переживает, и плачет, и сострадает, как и все люди, может, даже сильнее. Поэтому вот так я образ Лазаря вижу и понимаю: за образом Лазаря стоит Христос или, лучше наоборот, за Христом стоит Лазарь. С Христовой любовью к праведному Лазарю вошел в наши сердца и этот святой.

— *Спаси Господи, отче, спаси Господи. Батюшка, если можно, теперь о молитве.*

— Иисусова молитва может развиваться и пойти в массы, в народы только тогда, когда организм церковный будет действовать во всей своей полноте, когда монастыри, храмы будут жить внутренней жизнью, а после уже внешней. Поэтому, когда в каки-

е-то периоды истории был расцвет старчества, то тогда и в народе был духовный подъем, все ориентировались на монашеское житие, поэтому и сказано, что для монахов образец — ангелы, а для мирян — монахи. Но сейчас все находится даже не в упадке, а в некоем несформированном состоянии, и говорить о массовой молитве Иисусовой, я думаю, неправильно.

Иисусова молитва всегда связана с духовным сердцем человека, а для этого должен быть наставник, даже не для того, чтобы давать молитвы и следить, как он молится: с дыханием или без дыхания, правильно или неправильно. Насколько я понимаю, духовник нужен в этот момент для того, чтобы смирить душу, чтобы не появилось гордыни, поскольку идет открытие своего внутреннего «я» и человек начинает видеть результаты своего труда. Если душа смиренна и молитва наполняет эту душу, то человек будет возрастать. Если же есть гордость и человек начинает заниматься умной молитвой, то есть начинает отрешаться и уходить в себя, то появляется превозношение и человек повреждается.

Бог все умно-премудро устроил: за отсутствие смирения и опытных духовников нам дано много искушений, много суеты, чтобы мы так глубоко не погружались внутрь себя, чтобы смирились суетой и своими страстями. Поэтому самое первое делание, которое должно происходить у нас в жизни, — это очищение души от гордости. Да, без молитвы и других каких-то подвигов добродетели нельзя, но все равно это только средства. А средство можно употребить не только во благо, но и во зло. Это очень тонкий момент, и нужно быть осторожным. Часто проблема заключается не в том, что мы плохо творим Иисусову молитву, а в нашей гордости, поэтому через скорби житейские, которые мы претерпеваем, очищается наше сердце. Иисусова молитва должна идти параллельно — соединяться с сострадающим сердцем. Преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Главное — приобрести болезнующее сердце». Без такого сердца все наши подвиги, вся наша жизнь пуста. Это главное.

Конечно, если человек занимается молитвой, если он к этому стремится, это хорошо, но в первую очередь, я думаю, нужно говорить об очищении сердца, о том, чтобы человек избавился

от гордости, чтобы он понимал, что она у него есть. И если я творю Иисусову молитву и призываю имя Божие, то призываю потому, что я падший, недостойный, для того чтобы Господь по жалости Своей ко мне смилостивился, обратил на меня Свой взор, исцелил бы и спас меня, но не для того, чтобы четки перебирать, увеличивать сотни и думать о себе — я молюсь, люблю Бога больше всех, и от того Он меня тоже больше всех любит. Поэтому Промысел Божий часто ведет человека от скорбей к молитве, а бывает, и одновременно идут молитва и скорби, искушения, чтобы человек не превознесся, чтобы эта молитва шла соразмерно смирению его сердца. Поэтому всем заниматься Иисусовой молитвой не нужно, это многим может повредить.

— *Батюшка, я неслучайно эту тему затронула. Давно преподаю, и студенты часто спрашивают, как спастись. Они приходят в состоянии духовного поиска, понимая, что все жизненные вопросы, если они не опираются на духовную почву, бессмысленны, и задают мне этот вопрос. Говорю им о Церкви, но они отвечают, что приходят в храм, а там не находят ответов на свои вопросы. И вот я думаю, как им отвечать, что нужно сказать этим молодым людям, которые хотят спасения. Они понимают, что что-то где-то есть, но не знают, как к этому подступиться.*

— Насколько я понимаю, слово «воцерковленный» означает, что человек чувствует над собой руку Божию, чувствует себя лишь шурупчиком, винтиком в большом механизме, который есть Бог. Только не наоборот: я — этот механизм, а Бог в нем — шурупчик и винтик. Если человек не будет чувствовать, что ходит под рукой Божией, то никакие церковные таинства, молитвы, ничего не поможет. Должно быть вот такое идущее от сердца восприятие этого мира и своей жизни: Бог всем движет, Бог всем управляет. В какие бы тяжелые, трудные, может быть, какие-то греховные житейские обстоятельства человек ни попадал, все равно это от Бога. Ничего бессмысленного нет. Бог ведет человека по жизни, но человек в этой жизни и сам должен чувствовать, что с ним Христос. Вот это я считаю воцерковленностью.

В Евангелии Господь говорит: «Не всякий, говорящий мне: «Господи, Господи», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7:21). Это значит, что человек должен чувствовать эту волю, он должен чувствовать, что живет по воле Божией, что цель его прихода в этот мир — наполниться любовью, насколько он может (у каждого человека есть свой объем, своя мера, и он должен свою душу этой любовью наполнить, как и насколько может). Кто-то эту любовь может получить через семью, через любовь к людям, кто-то — через Бога напрямую, каждый по-своему; но все должны наполняться, стремиться к этой любви. Если эта идея любви будет забыта, то жизнь станет бесцельной, и если люди будут жить ради удовольствий, уйдут в компьютеризацию и забудут про свой внутренний мир, то душа омертвеет.

Читал недавно стихи эмигранта, белогвардейца Петрушевского (он пишет о родине, о чувстве любви к ней) и подумал: когда живешь на родине, живешь и живешь, и чувства к ней молчат, а когда ты ее лишаешься и оказываешься на чужбине, вот тогда и понимаешь, что ты любишь ее, вот тогда эта любовь, которую Бог дал человеку, начинает уже мучить, и ты страдаешь от нее. Любовь — это не только радость или благо, нет, в любви есть и скорбь, большая скорбь, когда человек лишается кого-то или чего-то и от того скорбит.

Вспомните Евангелие, когда ученики Иоанновы пришли ко Христу и спрашивают Его: «Почему Твои ученики не постятся?», Господь отвечает: «Зачем им поститься, когда Жених с ними?» (Мф. 9:14-15). Смысл этих слов такой: Я, Господь Христос, рядом с ними, Я для них радость, и они наполнены этой радостью; зачем им поститься, плакать, сетовать, зачем им просить, чтобы любовь Божия пришла к ним, когда она рядом с ними. И говорит затем: «Когда Жених будет отнят, вот тогда будут поститься» (Мф. 9:15), то есть и пост, и все наши подвиги для того, чтобы хоть как-то удовлетворить это чувство скорби, потому что душа человека жаждет того, кого любит, она должна Его обнять, она должна Его вместить в себя, переплестись с Ним, потому что эта скорбь исходит от сердца. Кто-то из святых отцов сказал, что нам дано вре-

мя на покаяние, то есть на скорбь от разлуки со Христом, которой человек должен наполниться, потому что в этой скорби есть любовь, он не должен ее заглушать, от нее отвращаться, убегать.

Этим внутренним миром человек должен наполниться, и чтения, молитвы, иконы, таинства, богослужения и благолепие храма должны это чувство сохранить и разгорячить. Все это внешнее, но это внешнее ради внутреннего. Не будет внутреннего, все будет напрасно, Господь все отнимет. Есть такое выражение: «Господь дает все по нужде». Не будет нужды — Господь все отнимет. Была нужда — Господь дал храмы, перестали люди нуждаться в этом — Господь отнял, революция все забрала.

С первых моментов прихода человека в Церковь его нужно настраивать на любовь, на искание этой любви. Сейчас идеалы семьи рушатся, человек не находит свою вторую половину и мучается, потому что у него в природе это. Идеи патриотизма тоже исчезают, все это переламинается в человеке, и остается один Бог — Он не меняется, Его невозможно отнять, потому что Его любовь постоянна. И если то маленькое зернышко Самого Христа, которое Господь дает при крещении, взрастить в себе, то душа будет наполнена любовью. Если же это зернышко не поливать и не трудиться над ним, то душа останется пустой, тогда и та внешняя любовь, на которую человек возлагал все свои надежды, может оказаться без объекта любви, и человек будет страдать уже не от любви, а от пустоты.

— *Я и начала вопрос с Иисусовой молитвы, потому что любовь — это цель. «Как к этой цели прийти, как это сделать?» — ребята меня спрашивают. Они приходят в храм, и их отталкивает формализм, их отталкивает эта внешняя жизнь, они ищут Бога. Говорят, что попы на мерседесах ездят, это все не то. Я и подумала, что, может быть, в этом стремлении к Богу Иисусова молитва как средство, помогающее Господу коснуться души. Что посоветовать простому человеку, который хочет Бога, хочет, но не может Его найти?*

— Что касается людей, которые сейчас приходят в Церковь, и людей, которые приходят в монастыри, эти люди должны быть

уже подготовленными. Сама жизнь, те скорби, искушения, которые приходят к человеку, должны воспитать в нем непоколебимость, то есть они, несмотря ни на кого и ни на что, уже идут к своей цели, ищут любовь, их уже никто не свернет. А думать, что в Церкви люди самые хорошие и святые, неправильно. Взять тех же священников, они люди и вышли из этого мира, поэтому и свои немощи они тоже имеют. И если без этого понимания новоначальный будет смотреть на все, то он, понятно, повредится. Сначала небольшое зло, а потом, постепенно или сразу, все плохое затмит его око; человек потеряет любовь, и из-за осуждения Бог уже не сможет наполнить любовью эту душу.

Человек должен понимать это, чтобы не грешить — других не осуждать, не озлобиться и не опустошиться. И сознательно искать любовь, искать любовь как Бога, и молитва только в таком ключе должна прививаться сердцу человека, но не на почве подвига (сразу отречься от мира, уйти в себя), а на почве покаяния — мне плохо, я без любви погибаю. Вот благодаря этому чувству молитва прививается, вживляется в сердце, и без этого внутреннего позыва к молитве лучше не приступать, она лишь повредит.

— Мы знаем, что Ангелы никогда не вмешиваются в человеческую душу, в человеческое сердце, если человек не попросит. И в моем понимании эта молитва и есть прошение к Ангелу, прошение к Господу, чтобы Он призрел на эту душу.

— В этой молитве заключено таинство любви. Я люблю, но не жду взаимной любви, вернее, я ее ищу, но не выдвигаю требования: раз я Тебя люблю, то и Ты дай мне Свою любовь. Расположение сердца скорее такое: Господи, я люблю Тебя, а Ты Сам видишь, какой я; Ты знаешь, что я недостойн Тебя; я самый-самый низкий и плохой, но я люблю Тебя и, как бы там ни было, даже если Ты меня не полюбишь, я все равно буду Тебя любить. Это внутреннее состояние исходит не из принципа «ты — мне, я — тебе», а только из формулы «я Тебя люблю». Я знаю, что Бог меня любит, но я также знаю, что недостойн этой любви, потому что знаю, каков я.

— Может быть, здесь даже импульс такой: «Господи, спаси меня!» Это вопль о спасении, даже не о том, что я люблю —

Господь все это знает. «Спаси меня, Господи, вытаци меня, услышь меня, — может быть, вот этот момент, — услышь меня, Господи?»

— Спасение — это соединение человека с Богом, это гораздо глубже, а Иисусова молитва, да и любая молитва ведет ко спасению. Слова молитвы говорят о том, что я грешник, уже не идет речь о спасении, о соединении с Богом, человек не считает себя достойным этого соединения. Здесь речь идет о моей любви к Богу, и самое сладкое, самое дорогое в моем сердце — это имя Иисус. Эта молитва первое время сухо идет, вначале прививается уму, а затем — сердцу, а после человек начинает плакать, сначала внутри, а потом слезы идут и наружу. Плач происходит от благодати, от любви, которая приходит в сердце, но в нем есть и чувство, что я недостоин этой любви, я грешник, а Бог меня, вот такого, так любит. Да, плач происходит от чувства, что я такой нехороший, но я люблю Тебя, Господи. Вот от этого приходят слезы, а не от того, что все, Бог меня спас и от этого мне так здорово и хорошо.

— *Сознание своей греховности — это такое смирение?*

— Когда говорят о сознании своей греховности, то мне кажется, здесь больше речь идет об уме. Понимаете, человек всем своим существом прочувствовал свою падшую природу. Он это понимает, и это понимание происходит от чувства, что он этой любви постоянно делает больно: своими грехами он ей все время изменяет, нарушает ее, заставляет страдать. Вот от этого чувства и происходят смирение и понимание. Человек может себя осознать или ощущать грешником только тогда, когда он начинает любить, а без любви ощущение своей греховности не принесет плодов смирения. Поэтому и в Иисусовой молитве сначала призывается Имя Божие, разогревается любовь в сердце, а потом уже идет прошение о себе: помилуй меня, вот такого грешника.

Возможно, я нескладно говорю, над этими вопросами я не думал раньше, поэтому как идет, как открывается, так я и говорю. Хотя я, может быть, грешнее вас всех, вместе взятых, и недостоин таких высоких тем даже касаться. Но я ничего нового не

говорю, это все давно сказано святыми отцами, я их только повторяю. Может, кто-то по-другому видит любовь, она многообразна и многогранна, ее можно видеть с разных сторон. Поэтому если кто-то скажет иначе, это тоже будет правильно.

— Скажите о молитве в современном мире. Что Вы можете сказать о том, какая она — такая же, отличается чем-то или ее вообще нет?

— Я повторяю то, что сказал преп. Антоний Великий. Он говорил, что последние христиане будут спасаться внутренними скорбями. Молитва — это не просто произнесенные слова, молитва — это в первую очередь движение сердца. И последние христиане будут выше первых, потому что те скорби, которые выпадут им в жизни, будут больше, сильнее. Поэтому я думаю, что молитва связана с внутренними скорбями.

— Так глубоко.

— Да, молитва, может, и берет свое начало в голове, но живет она в сердце.

— Я потому задала вопрос в такой форме, что сейчас столько скорбей, скорбит все человечество. Весь народ России в таком состоянии.

— Нет, сейчас много средств, которые эту скорбь заглушают, они уводят человека в пустоту, поэтому есть и такой прелестный путь, очень широкий. Но есть люди, которые эту скорбь не заглушают. Если мне плохо и я ощущаю пустоту от того, что нет любви, я от этого скорблю, я болею, но не стараюсь наполнить свою душу чем-то пустым, плохим, материальным и уйти от этого; я не ищу этого ухода, но живу этим и терплю это душевное состояние. А живут этим немногие — это больно, поэтому говорить обо всех неправильно. Если бы люди не уходили от внутренних скорбей, то мир бы жил и никогда не имел бы конца. Но в том-то и суть, что люди уходят от этого, а когда человек перестает жить сердцем, он перестает быть человеком.

— Очень интересные слова говорил, Царство ему Небесное, покойный Патриарх Сербский Павел. Мне довелось встречаться с ним, милость Божия была. В его книгах больше всего поражает

главная тема его духовных бесед: люди и нелюди. И завет Патриарха: «Оставайтесь людьми». Что это значит: люди и нелюди?

— Наверное, смысл этих слов как раз в том, чтобы жить сердцем. Именно об этом я сейчас и говорю. Как только человек потеряет любовь — все, смысл жизни на земле прекратится, останется пустота.

— Оставаться людьми — это оставаться людьми с любящим сердцем?

— Да, но любовь — это дар, его нужно выстрадать.

— Видимо, часто не понимают само понятие «любовь», все об этом кричат: «Я люблю, любовь», а глубины всего этого не понимают. Стремление к животному началу, к инстинктам только признают за любовь и этим истинную, духовную любовь унижают.

— Понимаете, любовью пронизано все. Бог есть во всем: в камне, в дереве, в живом и неживом. Везде есть Бог, все Его любовью дышит. Главное — не уклониться от истинной любви, чтобы она не утонула в инстинктивной, низменной любви. Истинную любовь можно сравнить с огнем, так и в Евангелии Господь говорит: «Я пришел возжечь огонь на земле» (Лк. 12:49), наверное, любовь можно сравнить только с огнем. Поэтому и говорят, что от любви человек сгорает. От любви мужчины к женщине и женщины к мужчине можно сгореть, и это от Бога, и тоска по Родине — это тоже любовь от Бога; любовь — это всегда горение, и в этом есть жизнь, в этом есть Бог.

— Батюшка, Вы только что сказали, что любовь — это огонь, потрясающий образ. Ведь Святой Дух сошел на апостолов в виде огненных языков, можно ли сказать, что любовь — дар Духа Святого?

— Так и есть, но главное в этой жизни, как отцы говорили, приобрести смирение, а даст нам Бог эту любовь здесь, на земле, или после смерти — это уже Его воля, Его премудрость. А если смирения не будет, любовь не сможет жить в гордом сердце, поэтому Христос и говорит: «Научитесь от Меня, потому что Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11:29); Он не говорит — научи-

тись любви, а говорит — научитесь смирению. Бог приходит только в смиренное, кроткое сердце, и там живет, там пребывает. Да, каким бы человек ни был грешником, если он кроток и смирен, Бог в нем живет. А вот если он даже нравственно чист, но сердце его гордо, не будет там Бога, никогда не будет.

— *Этимология слова «смиранный»: с миром. Можно говорить, что у человека, который живет с миром в душе, и есть смиренное сердце?*

— Думаю, смирение гораздо глубже. Покой входит в смирение, но если охарактеризовать смирение только как состояние покоя, то это будет не совсем точно. Поэтому я думаю, что этимология слова «смирание» связана именно с пониманием необходимости принятия воли Божией. С исполнением воли Божией приходит и мир в душу человека. Наверное, более точное понятие для смирения — наше сыновство Богу, и оно — в исполнении Его воли.

— *Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся; наверное, это и есть смирение — дух мирен. С миром, смиренным?*

— Да, наверное, так.

— *О понятии любви...Мать отдает сына в такое заведение, где его научат наукам, желает ему выгледеть лучше всех и покупает дорогую одежду, а через десять лет понимает, что это ему повредило, ребенок вырос эгоистом. Но вначале она называла это любовью, делала все это, казалось бы, из любви к сыну.*

— Понимаете, Бог есть Любовь по существу своему, но мы Бога еще называем Премудростью, то есть в любви всегда есть мудрость. Человек должен понимать, что, когда он делает что-то по любви, он должен премудро этой любовью распоряжаться, чтобы эта любовь шла не просто на ублажение, на радость, на какое-то благополучие, но на пользу души и тела. Любовь надо не только принимать, но и отдавать, чтобы не быть эгоистом, и детей этому надо учить. Поэтому должна быть вот такая любовь-мудрость. Если же любовь просто безумная, то она повредит, в любом случае повредит.

27.03.2009. Свято-Сергиевский Скит



*Афон и Пюхтица — эти места
как индикаторы любви и духовности,
по которым и определяется сама жизнь
на нашей Земле*